

ART ART

2
2020

ART

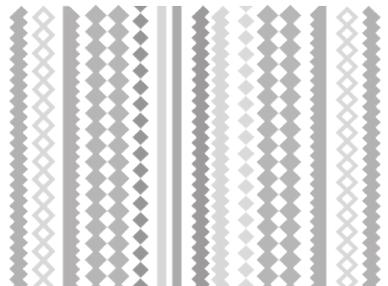
12+

Журнал «Арт»

Акцент

Второй номер журнала имеет непосредственное отношение к уже недалёкому юбилею Республики Коми. Большой раздел «Коми в Коми» содержит эксклюзивные материалы о коми народе, ранее не публиковавшиеся в других изданиях. Его открывает статья нашего давнего автора из Санкт-Петербурга А. Терюкова «Кто мы и откуда?», в которой рассматриваются различные теории происхождения коми народа. Статья-эссе санкт-петербургского же автора А. Чувьюрова – о своём роде, о своей деревне на берегу полноводной Печоры. Учёный из г. Уфы И. Кучумов прислал в номер статью французского географа Шарля Рабо о его путешествии по Коми краю в 1890 году. Это большой отрывок из книги «Путешествие по северу России», изданной в Париже в 1894 году. Историк М. Таскаев предлагает читателю удивительную историю «выходца из зырян» – как говорили ещё в начале XX века – А. Г. Ротчева (Рочева) – последнего губернатора Русской Калифорнии. В традиционном литературном разделе дебют: поэтическая подборка стихов молодого поэта Д. Тестова «Перед белым небом». Стихи этого автора отличаются повышенной образностью, поднимающей градус эмоционального напряжения до самой крайней точки. Читатели также смогут завершить чтение повести Е. Габовой «Ворона». Те, кто владеет коми языком, получат возможность насладиться замечательными стихотворениями и небольшими прозаическими эссе Е. Козлова, передавшего в канун своего юбилея подборку написанных в разные годы произведений. В разделе «Арт-факт» представлена статья О. Орловой «Художественные реконструкции» Анатолия Пунегова» и вернисаж художника, картины которого порадовали зрителей на последней выставке в Национальной галерее РК. В журнале «bl» читатель может познакомиться с творчеством молодых коми авторов, в частности – победителей конкурса «АРТпиян».

*Павел Лимеров,
главный редактор.*

Содержание

Проза. Поэзия. Литературная критика

Д. Тестов. Перед белым небом. <i>Стихи</i>	4
Е. Габова. Ворона. <i>Повесть (окончание)</i>	17
Е. Козлов. Черновикъясысь	53
В. Сумароков. Тёмная сторона печати. <i>Эссе</i>	65

Коми в Коми

А. Терюков. Кто мы и откуда мы?	74
А. Чувьюров. Сны о чём-то большем	82
Ш. Рабо. Путешествие по северу России	99
М. Таскаев. «Какая волшебная сторона эта Калифорния!».....	129

Арт-факт

О. Орлова. «Художественные реконструкции» Анатолия Пунегова	156
---	-----

Ы

Г. Немчинов. Вёрсалён пакёсьт. <i>Висьт</i>	178
В. Павлов, О. Павлов. Ме, Рыжик, да менам Шонді вок. <i>Висьт</i>	179
А. Кулида. Ёртъяс. Кыйсьём. Ёма да Педьё. <i>Висьтъяс</i>	180
В. Семяшкина, В. Канева. Машалён дурлун. <i>Ичотик пьеса</i>	184
Отчёт о результатах деятельности ГАУ РК, функции и полномочия учредителя которого осуществляет Администрация Главы РК, и об использовании закреплённого за ним государственного имущества за 2019 год	186

АРТ

**Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению
реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.

Журнал издан при поддержке Министерства
национальной политики Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

**Заведующий отделом по основным направлениям
деятельности** – Татьяна Логинова.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Литературный редактор,

корректор – Алёна Шомысова.

Технический редактор – Анастасия Габова.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике
Коми. Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 2 (91) 2020 г.

Дата выхода в свет: 31.05.2020.

Руководитель редакции:

Новикова Н. М.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

**Отпечатано в ООО «Коми
республиканская типография»**

с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати по
графику – 27.05.20. Фактически –
27.05.20. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.
Присланные материалы не рецензируются и
не возвращаются.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикуя
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

**Проза. Поэзия.
Литературная критика**

ДАНИИЛ ТЕСТОВ

Даниил Фарукович Тестов родился в Сыктывкаре в 1997 году. Больше десяти лет проучился в художественной школе и благодаря ежегодным пленэрам посетил многие города Русского Севера. В 2015 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на семинар поэзии Галины Ивановны Седых. Публиковался в журналах «Москва», «Юность» и «Плавучий мост», а также в альманахах «Муза», «Переключка» и «Белый бор».

Перед белым небом

* * *

я гуляю, шустрые, как тени,
подбегают дети и коты:
«дядя Даня, расскажи стихотворение!»
слушайте.
в зиме росли цветы –
тихие по запаху, как тайна,
а по цвету – пепел от коры,
их собрал кудрявый чёрный заяц,
прибежал ко мне и подарил.
я отнёс их в дом, поставил в кружку,
а потом на стол, у пыльных книг,
за столом с цветами потому что
женщина уселась
и молчит –
и несёт цветы на подоконник.
я смотрел на женщину, на свет,
ждал и проводил по ним рукою –
медленно,
как будто сеял хлеб.

* * *

утром на работе
попросил отгул,
влез в пиджак попроще
и не застегнул,
покурил, поправил
твёрдые шнурки,
медленно прошёлся
вдоль большой реки,
всматривался, думал
в эту белизну,
встретил возле чаек
девушку одну,
взял её за пальцы
и отвёл к воде,

подарил подсолнух
на кривой ноге:
– девушка, хорошая,
вы меня простите,
можно я отныне
буду вас любить?
не тепло, не трепетно –
просто и нелепо.
от большой печали
перед белым небом.

* * *

тихо,
вдовы идут –
одна за одной, одна за одной.

* * *

снег.
и бурые собаки
под окном – как пятна крови.
в чёрном коровы.
и скучают, и мечтают
затеряться в белом снеге,
в белом мире,
в тихом лае,
в четырёх шагах от неба,
и, спускаясь под наклоном,
выбегают по порядку,
но собаки чуют, ловят
и относят их обратно:
входят, дышат осторожно
пастью жаркой,
пастью пёсьей,
тихо – чтобы не тревожить
пастуха с холодной песней.
он проснётся – гнутый, чёрный.
крикнет с кухни:
– занят! ждать!
это вы, большие морды?
положите на кровать.

* * *

в Петербурге с другом Сенькой
у морской воды в гостях
по ночам лепили замки
из холодного песка,

и пластмассовой лопаткой
перекапывая мель,
откопали чьё-то солнце –
свет. завёрнутый в шинель.

стали мерить – не подходит.
неподвижно. и гудит.
не по Сеньке с Данькой солнце.
закопали, не найти.

* * *

только тени снежных веток
бродят в доме, будто мать.
дом боится человека.
человек идёт гулять.

человек идёт – по весу
легче ночи наверху.
видит чёрный сгусток леса
и кусает за ольху.

и стоит, как мокрый слепок,
и рычит сквозь тонкий рот,
глядя в сторону рассвета.
никому не отдаёт.

* * *

я увидел её
и запомнил

по всей видимости

* * *

душит кошку мальчик Павел,
захотел для сердца
получить большое право:
горевать о смерти.
от ушей и до хвоста
тихо гибнет кошка –
а в глазах зелёный страх
и зелёный космос.

мальчик Паша тяжело
дышит, будто камень,
ставит кошку на окно
слабыми руками.
кошка ест пожухлый лист
у окошка, в свете,
и вылизывает шерсть,
мятую от смерти.

* * *

мы сидели за столом,
пили водку с молоком,
ковыряли вилкой стол
и втирали в стол рассол,
говорили до утра
про Дада и про Тцара,
процарапывали дом,
а потом перед окном
кто-то длинный и большой
с непокрытой головой
прошагал нешироко –
и свернулось молоко,
и свернулся чёрный кот
в чёрный круг у бледных ног,
из-под лампы на паркет
заморгал прогорклый свет,
а под лампой мотыльки
жили наперегонки.

* * *

хочется кошку,
горсточку.

* * *

ехал полем напрямик,
вышел сгорбленный старик,
говорит: сюда нельзя,
там коза.
у неё огнём горит
сарафан,
а в руках колючий гром
и баян,
у неё черным красна
борода,
под копытами зима
иногда,
у неё рога скребут
небосвод,
и глаза глядят назад
и вперёд,
ноги пляшут по крутым
берегам
и раскалывают мир
пополам.
непроглядна та коза,
велика –
попросить бы у такой
молока,
напоить бы детей
молоком
и оставить на них
старый дом.

* * *

сидели, обнявшись, несмелые,
как фавны попарнокопытные.
смотрели кино чёрно-белое,

смотрели кино первобытное.
и плакали в утренней старости...

и шли саблезубые титры.

* * *

1

Ходил
Навек
Застывший снег

Ходили снеги
И с ними – равен
Ходил Державин
Един Державин
Во снеге
С небом

2

Ходили снеги
Державин встал
Летели звёзды
Державин стал
Смотреть
Безразмерно
И стал считать:
Четырнадцать тысяч
Семьсот тридцать пять
Примерно

Просто стихи про осень

1

Лес – немножко сомневается,
Ничего не говорит,
Никому не улыбается
И четыре дня не спит,

И пузырится,
И дуется,
И пушитится, как пух,
Как обиженная курица,
Как раскрывшийся петух!..

Наберётся смелости:
Пуфффффффффффф...

И листья по всему горизонту.

2

листья пролетали,
листья гоготали –
жёлтые-прежёлтые,
красные прекрасные
мне деревья снились,
снились и дразнились:
нарядимся в осень!
и тебя не спросим!

ну и ладно! и пускай!
догорайте! догорай!
у меня для осени –
ёлочки и сосенки!
бе-бе-бе-бе-бе!

3

лис-твенница –
преда-тельница!
продала тель-це!

пожелтевшая,
непрошенная,
не-лиственная,
нехорошая,
измен-щица,
зачин-щица,
я тебя люблю.

4

Осень – Барин!
Ну как встанет!
Ну как выйдет из окна!
И пойдёт!.. Так пойдёт!..
Будто на голое тело кафтан!
Будто полмира в карман!
Будто нельзя не смотреть!
Будто под мышкой медведь!
Как если бы шёл жар!
Как поцелуй в самовар!
Как закричать Ы!
Будто башмак в цветы!

* * *

*Чай – собака – Пастернак,
Кофе – кошка – Мандельштам*
Ахматова А. А.

Пили кофе на вокзале –
говорили битый час.
Звёзды в небе провожали
то ли город, то ли нас.
Ты смотрела на билеты,
я глядел в пустой стакан,
на окне цвела нелепо
красно-розовая дрянь.
На перроне – дождь из линий,
в небе – ночь без облаков.
Я прочёл до середины
долгий список поездов.
Сядем вместе у окошка.
Стук колёс, осенний гул.
Город спит, подобно кошке –
притворяясь, что уснул.

На другом конце дороги
город спит, как старый пёс –
ждёт заката у порога.
Зимний гул и скрип колёс.
Горизонт уходит в небо,

в чёрном небе чёрный дым,
белый мох – под белым снегом:
вся земля – супрематизм.
Выпьем чаю на вокзале.
В наших стареньких домах
раньше свечи зажигались
и горели на столах.

Сказка

Пробегала от заката до заката
В синем небе рыжемордая собака.
Рыжемордую собаку в синем небе
Разодрали белоносые медведи.

Небо стало чёрное от крови.
Звёзды стали чёрные от крови.

На рассвете выходила дева.
На рассвете выходила в белом.
Надевала дева чёрный плащ.
Запевала дева белый плач.
Белый плач летел – тугой и гладкий.
Белый плач летел – как чёрный лебедь.
Опускался грудью в твёрдый снег.
И трещал под грудью твёрдый снег.
Становился цвета меди.

На рассвете выходила дева.
На рассвете выходила в белом.
Надевала дева красный мех.
Запевала дева белый смех.
Белый смех – как огненный петух.
Белый смех – раскидистый и рваный.
Опускался грудью в мягкий снег.
И шипел под грудью мягкий снег.
Становился оловянным.

Так и бродят между сказками и сном –
Чёрным лебедем и красным петухом –
Снежным занавесом скрытые от всех:
Медный плач
И оловянный смех.

* * *

Снег.
По крышам – как по клавишам
Клавесина.
В тёмных парках –
Оловянные осины
Спят.
Снег летит.
Снег заглатывает парки –
Оловянный снег.
Снег глотает улицы.
И часы над лестницей –
Ходит.
Снег глотает провода –
И гудит.
Снег глотает фонари –
И горит.
И светится.

Рыжий пёс
Ловит снег шершавым языком.
Смотрит в небо – оловянными глазами.
Воет в небо.
И идёт.
В дом.

Дом заглатывает пса.
В доме загорается
Свет.

* * *

в городе горят фонари
в лесу цветёт ягель
в городе цветут фонари
в городе собака
рыжая собака
горит в лесу

цепь
город – ошейник – собака – лес
собака обернулась на меня

лес – собака – ошейник – город
я обернулся собакой
нет
собаки нет
рыжая собака отцвела
город – собака – ошейник – пуст
цепь
лежит на земле

в городе горят фонари
и ягель
в цветочном горшке
сгорел

* * *

Мы за этим столом пили скотч
и смотрели на чёрные тени,
и приличного вида олени
на варганах играли всю ночь,
и поклон отдавали собаки
в голубых накрахмаленных фраках,
а теперь мы грустим обо всём.
Потерпи, скоро смолкнут олени,
разойдутся собаки и тени,
и физалис взойдёт над столом.

* * *

Спи. Не просыпайся. В небо не смотри.
В небе тёмно-синем гаснут фонари,
Гаснут, не зажгутся больше никогда –
Чёрные медведи сгрызли провода:
Чёрные медведи плыли на восток
И точили зубы о колючий ток,
Выходил электрик, надевал жилет,
Поднимался в небо, оступался в свет,
Громко матерился и летел с небес,
Падал, разбивался о зелёный лес,
Белые деревья становились в круг,
Раздирали кроны белизною рук,
Раздирали лица, чтобы вылить гнев

И оплакать тело не слезами дев,
А столетней кровью. Лес утоп в крови –
Осень наступила. В небо не смотри.

Оборотная поэма

Снег идёт – так похожий на медь.
И тебя, и меня скроет грохот.
Слишком холодно, чтобы сидеть,
денег нет ни на чай, ни на кофе –
мы с тобою живём в недостатке,
и пора зарабатывать: бледный,
я надену забавную шапку,
ну а ты обернёшься медведем –
и пойдём на брусничный Арбат:
как узор золотых самоваров,
будем виться, рычать и кричать,
будем кланяться, песни плясать
на разбрызганных визгах гитары,
будут люди кружиться вокруг,
будут громко смеяться, и круг
золотым отразится на небе.
Будут люди смеяться на нас.
И бросаться монетами в нас.
Или медными хлопьями снега.

Сядем в длинном кафе и возьмём
два стакана огромного чая,
посидим, сдвинем стол со столом
и накроем – от края до края.
Ты ведь знатный красавец: хороший,
при деньгах, в разукрашенной шкуре,
весь большой, косолап и ухожен...
На рассвете поедим за море –
по весне доберёмся до места
и тебя отведём на Бродвей,
приоденем, подыщем невесту,
может быть, королевских кровей.
И в широких бетонных палатах
нам устроят невиданный пир:
будут девушки в пепельных платьях,
будут юноши в медных мундирах...
Ты войдёшь – и тебе поклонятся,
и предложат присесть у огня,

станут петь и начнут раздеваться,
подойдут, снимут шкуру с тебя
и растащат горячее мясо,
по тарелкам разложат его,
медь и пепел оденутся в красный,
встанут в круг и начнут торжество:
будут пить за тебя, о тебе
будут петь, осторожно и шатко
будут песню стелить в тишине.
Я надена забавную шапку
и усну у огня в пёстром кресле,
завернувшись в оранжевый плед,
а твоя молодая невеста
будет плакать и в пламя смотреть.

Ворона

(Повесть)

Окончание.
Начало в №1 2020 года.

Аким. Последний звонок

Последний звонок прошмыгнул по школьному залу. Девчушка из мелких в старинной школьной форме изо всех сил трясла медным колокольчиком. Но он почему-то грустно звонил. Одиннадцать лет назад он захлёбывался от восторга. Сегодня некоторые девушки ревели реальными слезами. И Ника тоже прослезилась. Я узнал её белый платочек, который мелькал туда-сюда, вверх-вниз.

А чего реветь? Мне нисколько не грустно.

Нас обвязали красными лентами, словно коробки с тортами. Хорошо ещё, что надпись на лентах была приличная: «Выпускник». Нас изготовили в школе, пожелали «продуктам» морального и вещественного добра и выпустили в мир. Мы поскакали в город, в парк, где обычно все выпускники собираются, – у глупого памятника бордовому нездравому сердцу. Там влюблённые назначают свидания и вообще – это самое в городе молодёжное место. Тупизм полный – что, все пары на глазах друг у друга целуются? Нет, я там свидания назначать не собираюсь.

Мы толпой погнали к этому бетонному сердцу, там потусовались с выпускниками из других школ. Все с цветами-шарами, смехом-слезами. Девушки – в школьной коричневой форме, где они её выкопали? У бабушек на чердаках? Не знаю, что бы мы тут нарядными толпами дальше делали, но нас выручил дождь. Как хлынул сквозь тополиные ветки! Все готовыми компаниями поскакали в разные стороны света и заняли в городе все кафешки. Наш класс на-

ЕЛЕНА ГАБОВА

Елена Васильевна Габова – лауреат литературных премий

В. Крапивина, имени А. Толстого, П. Бажова, А. Грина, лауреат премии правительства Республики Коми. Рассказы и повести Е. Габовой переводились на английский, немецкий, норвежский, японский и другие языки.

Автор многих книг для детей и подростков, вышедших в Москве, Киеве, Сыктывкаре. Две книги опубликованы в Японии. Произведения Е. Габовой печатались в журналах «Кукумбер», «Костёр», «Пионер», «Юность», «Слово», «Наш современник», «Таллинн», журналах Японии и Республики Коми.

шёл уют в «Берёзах и пальмах». Берёзы были за окном, а пальмы стояли в зале, в горшках, и доставали почти до потолка. В горшках они были живые и весёлые, а на крыльце стояли огромные, пыльные и скучные decoration.

«Здесь смешался глас рассудка с лёгким блеском болтовни»¹. Когда мне надоели и глас, и блеск, я послал Веронике эсэмэску, чтобы мы пошли и погуляли под дождём. Она не ответила. Как всегда. Я привык к её молчанию. Видно, так и не удастся разговорить до самого окончания школы. Упс, да ведь сегодня мы её закончили! Остался какой-то несуразный хвост в виде ЕГЭ и выпускного.

Дымова была очень мила в детском коричневом платье и белом фартучке. Так бы и расцеловал эту милашку. Стал её на телефон снимать, она увидела и спряталась за Наташку.

Вероника

В утро экзамена меня покормили такой эсэмэской:

«Особенно тщательно почистите зубы мудрости, сударыня...»

Трясусь от страха. Побольше бы мне зубов мудрости сегодня! У меня их как на зло вообще нет! И что? Завалю, значит, экзамен?

Ну уж нет! Нет, Зимин, нет!

Аким

До тошнотиков официальные, малость растерянные, мы сидим в классе, нам раздают пронумерованные листки с экзаменационными вопросами. И вот уже мы сдали эти листы, и теперь кто курит в туалете – успокаивает нервы сигаретами, кто толпится у подоконников, обмениваясь ответами. Я послал Нике пламенный взгляд, поймал прохладную улыбку и погнал на улицу. Не стал ни у кого ничего спрашивать. Как написал, так и написал, что теперь изменишь. Выскочил на улицу, а там такой классный ветер. Потрепал по волосам и шепнул сразу в оба уха: всё нормально, парняга!

Вот те раз! У нас с Дымовой одинаковое количество баллов! Восемьдесят!

Сдали через пять дней и следующий экзамен.

Да ничего в общем страшного в ЕГЭ этом. Правда, Кеду не повезло. На экзамене по матеше у него ручка забастовала и первая, и вторая. Но учителя словно знали – у них был целый веер запасных ручек с чёрной пастой. Но Витёк всё равно завалил математику. Похоже, что обе его ручки об этом знали заранее. Будет пересдавать.

Можно передохнуть, а потом ещё два экзамена – и мы свободны, как птицы!

– Дымова, едем в деревню на моём драндулете?

¹ «Женитьба Фигаро» Бомарше.

Вероника

«Дымова, едем в деревню на моём драндулете?»

Такая мне пришла эсэмэска.

И вдруг я совершенно неожиданно для себя ответила:

«Нет, ты, Зимин, наверное, ещё поучись».

Это был мой первый ответ Кимке. Вообще первый в жизни ответ парню. Первая записка. Расту!

Все в классе знают, что Акиму купили машину, старую, но зато – собственную, чтобы он учился водить хорошо и не боялся, что её разобьёт. Некоторые парни поиздевались над ним. Вадим Разманов сказал, что он в такую машину сесть постыдится. Кед его поддержал. А мне кажется это разумным: купишь машину за миллион и, не владея водительским мастерством, её покалечишь. И что хорошего? Пропадёт столько денег! А эту – не особо-то и жалко. И он теперь каждую свободную минуту её объезжает.

Я удивилась своему ответу: «Нет, ты ещё поучись». Я вовсе не собиралась с Акимом ехать! Никогда и никуда! А тут: ещё поучись. То есть можно было понять, что после того, как он поучится, я вполне могу сесть в его колымагу. Ой, просто не знаю! Не знаю... Но вот что я стала замечать: когда я прихожу в школу на консультацию по биологии и вижу, что Акима нет, мне становится скучно. Скучно без его взглядов. А их и не будет больше. Он физику сдаёт, у нас теперь разные интересы. А если мы встретимся случайно в коридоре, и он глянет на меня своими озорными серыми глазами-зайчатами, я сразу успокаиваюсь. Почему? Что случилось? Почему, если утром я не прочту его глупо-смешную эсэмэску, у меня плохое настроение? Вчера утром не получила её и расстроилась. Уже в одиннадцать часов прилетело:

«С добрым проспатым утром...»

Это он дрыхнул до одиннадцати! Я получила то, что хотела, и настроение выправилось.

Вечером я отправилась в магазин. Мама попросила купить фруктов. Это было между консультациями, когда мы в школе не каждый день. Вечер оказался тёплым, одним из таких, когда хочется в деревню, на речку. Природа робко оживала, на газонах вылезли зелёные волосики травы. На клумбах распустились анютины глазки и смотрели на прохожих наивно и доверчиво, как малыши. А мордашки у цветов, наоборот, как у старичков. Детские глаза на стариковском лице – довольно странно. Бывает ли так у людей?

И тут почти рядом со мной в людском потоке прошёл Кимка. Я его заметила, а он меня – нет. И мне вдруг стало плохо. Я даже яблоки не стала выбирать в магазине – взяла какие попало. И весь вечер думала – точно он не заметил меня? А может, заметил и просто не поздоровался? На что-то обиделся? Я даже хотела ему позвонить. Еле-еле сдержалась. Козлик, успокаивая, помигал красно-сине-зелёными огоньками. И я поняла в тот вечер: Зимин мне не безразличен. Да, да! Он меня к себе приручил. Как у Экзюпери. Маленький Принц приручил Лиса. И Лис приручил Маленького Принца. Они настроили сердца друг на друга, и час встречи стал для них радостью.... И Лис без друга грустил.

И вдруг стало жаль заканчивать школу! Ведь после выпускного я не буду видеть Акима. А если буду, то страшно редко. И это станут случайные встречи. Вот так, в людском потоке. Увидишь его, а он даже и не заметит, мимо проскочит. Мне захотелось плакать.

Длинный Зимин с озорными глазами. С узкими, как полоска рассвета, губами. Почему я говорила, что у него обычное лицо? Он очень красивый! И потешный. На уроках смешит всех.

На последнем уроке литературы Инна Петровна сказала перед тем, как попрощаться:

– Ну вот, ребята, школа заканчивается. Наверное, вы всех литературных героев сразу и позабудете.

Зимин отозвался с камчатки:

– Не, Инна Петровна. Я не забуду. Я Наташу Ростову замуж возьму.

Все засмеялись, а Зимин добавил:

– Оп, нет, нет, пардон! Я женюсь на Марии Болконской!

– Она же некрасивая, – повернулся к нему Тимошка Ганов. – Только глаза.

– Она классная, Тимыч! Николай Ростов её выбрал, а он что, придурок? Они счастливы вместе!

– Вижу, что помните, – засмеялась Инна Петровна. – Значит, не зря мы изучали Толстого.

А Папуас запел, закидывая рюкзак за плечи:

– Счастливы вместе, счастливы вместе...

Всё же популярные сериалы народ помнит лучше Толстого.

Родители с Елисейкой уехали в деревню в пятницу вечером, как обычно. У нас же в субботу были консультации, а потом мама велела мне тоже приехать на дачу автобусом. В воскресенье мы пойдём в церковь, будет молебен за всех учащихся – чтобы нам экзамены сдавалось легче.

Автобус – полным-полна коробушка. Время на дачах горячее, все туда рвутся.

Кто картошку сажает, кто шашлыки жарит, у кого какой интерес. Погода установилась. «Черёмуховые холода» отошли, черёмуха отцвела, весь её цвет, как сухой снег, под деревьями. «Сыплет черёмуха снегом» – в шестом классе учили. В городе делать нечего тем, кто экзамены не сдаёт.

В автобусе мне досталось местечко на сиденье сзади, там, где стоящим на задней площадке пассажирам смотришь в лицо.

В последнюю минуту перед отправкой в задние двери автобуса вскарабкалась старушка с палочкой. Ещё поднимаясь по ступенькам, она стала бурвить меня взглядом. Я вскочила и быстро уступила ей место.

– Спасибо, деточка, спасибо, – старушка горестно склонила голову к плечу.

Такая она была жалкая, старая, одета плохо, но куревом от неё несло как от заядлого курильщика.

– Спасибо, – снова поблагодарила она и тронула меня за плечо.

– Да пожалуйста, не стоит, – мне захотелось отодвинуться подальше. Не люблю сигаретный запах, но народу было много, не протиснешься, да и не хотелось как-то толкаться.

– Спасибо, – ещё раз сказала старуха.

Это уже слишком. Что она ко мне пристала? Я всё-таки попыталась протиснуться подальше от неё к окошку и услышала очередное «спасибо», адресованное мне.

На остановке зашёл парень с бутылкой воды в руке. Старуха ещё из окна увидела, что он с бутылкой, и насторожилась. Он зашёл и встал рядом с ней, а она вдруг с необыкновенным проворством откуда-то из своих юбок вытащила пустую пластиковую бутылку и протянула парню.

– Отлей, милоч, таблетку запить.

Парень умудрился в тесноте отлить старушке водички. Люди с боков спрессовались, чтобы он это сделал.

Бабуля так же проворно запила какую-то таблетку.

– Спасибо, мил человек, – медовым голосом поблагодарила она.

– Пожалуйста, бабушка, – ответил парень.

Я засмеялась. Сейчас начнётся...

– Спасибо, деточка, выручил меня, – завелась старушка через полминуты.

Парень пожал плечами.

Она протянула сухую лапку, коснулась его широченного плеча.

– Спасибо!

– Пожалуйста, бабушка, пожалуйста, на здоровье! – парень протиснулся на заднюю площадку, и мы оказались рядом. Переглянулись и засмеялись.

Да... вот это старушка... может, она и была большая и немощная, но уж больно приткая. Может, это старуха Шапокляк собственной персоной?

Автобус тряхнуло на ухабе. Я схватилась за поручень и посмотрела через окно. За нами ехала старенькая «шестёрка», таких только две штуки в городе осталось. А может и одна – вот эта. За рулём сидел парень. Он улыбался, как будто тоже знал, что старуха Шапокляк едет в нашем автобусе. Ой, да это же Аким! Зимин увидел, что я на него смотрю, и рукой помахал. Ничего себе: едем в деревню в одно время. Не сговариваясь! Его машина за нашим автобусом следует, будто на верёвочке.

Он на меня показал, а потом – на сиденье рядом с собой. Ага, это чтобы я на остановке вышла и к нему пересела.

Я помотала головой и отвернулась. Чего это я к нему сяду?

Но было приятно, что он за мной едет. Почётный эскорт.

А потом нахлынули на меня «школьные мысли»: про выпускной, про оставшиеся экзамены. Скоро, скоро я скажу: прощай, школа. Почему-то когда я об этом думаю, сразу вспоминается Зимин. Как будто школа – это и есть Зимин. И в сердце начинает ворочаться ледышка. Словно мне жалко прощаться со школой и с ним. Да и правда ведь – жалко! А с чем-кем более жалко? Со школой или с Кимой? Не знаю!

У девочек в школе только и разговоров, что о выпускном бале. О нём судачат даже больше, чем об экзаменах. Показывают друг другу на фотках, какие купили платья, какие у кого каблук на туфлях, как они в этот вечер накрашатся, сами макияж сотворят или в салонах. Надя Воробьёва и Лада Денисова уже два месяца в солярии бледность изводят. Сейчас у наших такие ключевые слова: экзамены, заявление в институт, платья, туфельки, выпускной... И всё это вперемешку. Но главное – выпускной.

Можно подумать, все мы готовимся к свадебному балу, на котором каждая из нас – невеста английского принца.

Мне тоже купили платье – длинное и белое. Оно делает меня выше, стройнит, как сказала мама.

Эти мысли отвлекли меня от Кимки и от старушки, которая, кажется, опять кого-то назойливо благодарила. И вдруг автобус резко затормозил. Тут же послышался звук: бамс! – и на нас кто-то наехал сзади! Скрежет металла, глуховатые звуки бьющегося пластика... Автобус остановился.

Зимин вмазался в наш автобус.

Ужасно. Слава Богу, «шестёрка» пострадала, а водитель нет. Надеюсь, не из-за меня Аким вляпался. Мне кажется, он даже не испугался. А если из-за меня? Если он на меня смотрел? Как будто есть на что смотреть. Зачем я подошла к окну? Лучше бы рядом с Шапокляк стояла. Пусть бы она меня долбила своим «спасибо», я бы не умерла. Ворона! Я, я ворона, не старуха, она-то причём?

Но ведь я от Зимина отвернулась! На что же он тогда смотрел? На мой невыразительный затылок?

Пассажиры из автобуса попросили выйти. Старушка на своём месте сидела дольше всех, отпивая благотворительную водичку из бутылки. Очень не хотелось ей выходить. Она последняя выползла – я это увидела, уже стоя рядом с растерянным Зиминим. Старуха вылезла, и давай озираться по сторонам. Поняв, что никакой выгоды от нашей аварии не светит, поплелась на следующую остановку за остальными пассажирами.

Приехала дорожная служба разбираться. Да что там разбираться? Всё было как дважды два ясно. Аким виноват. Автобусу – ничего, он покати себе в парк пёрышки чистить, а Кимка с убитым лицом стоял на обочине, пока офицеры дорожной службы измеряли куски дороги. У «шестёрки» была разбита правая фара и сбит передний бампер, он валялся в метре от машины.

– Не расстраивайся, – я попробовала успокоить Акима. – Починишь.

– Оpozорился перед тобой, – его голос звучал глухо. – Теперь у меня и морда, и хвост – всё в ажуре. Глянь. – Кимка показал на погнутый задний бампер.

– Я тоже позорилась, – я вспомнила изумлённое Кимкино лицо в то время, как мама кричала на меня в деревне. Ещё та была картинка! Мне опять стало стыдно, давняя краска хлынула в лицо. Повернулась и пошла по направлению к автобусной остановке.

– Ника! – окликнул Аким.

Я обернулась с гордым выражением верблюдицы.

– Что?
 – Это был не твой позор, – сказал он глухим басом. – Не бери на себя чужой косяк.

В следующем автобусе мы оказались рядом с тем же попутчиком, который отлил старушке воду из бутылки.

– Твой знакомый? – парень кивнул назад, туда, где остался мрачный Зимин с покалеченным драндулетом.

– Ну да, – я кивнула, – это мой одноклассник.

– Видно, что чайник. Чайник и лопух. Передай ему – дистанцию держать надо. В городе скорость маленькая, а на трассе? Кто-нибудь впереди тормознёт – он ткнётся на скорости – и привет!

– Кому привет?

– Парню твоему! Кому! – засмеялся попутчик. – Летальный исход.

– Вообще он не мой, – пробормотала я. И вдруг меня захлестнул ужас: Кимка может разбиться?

Первое, что я сделала, когда вышла из автобуса: вытащила телефон и отправила эсэмэску:

«Зимин, держи дистанцию. Пожалуйста!!!»

Мгновенно прилетел ответ:

«Не понял. Какую дистанцию?»

Между мной и тобой – нет!»

АКИМ

Чёрт, вот я горе-водитель! На глазах Дымовой тюкнулся в автобусный зад. Что, я не знал, что дистанцию соблюдать надо? Автобус резко тормознул? А я что, не знал, что рядом перекрёсток со светофором?

Машина так и стоит в гараже, как побитая собака. У нас гараж на две тачки. Красотка папенция сияет и пыжится перед бедной родственницей. Ремонтом мне некогда заниматься. Ещё два экзамена сдавать. Папенций особо-то не ругался, но сказал, что чинить мою старушку не собирается. И денег не даст.

– Сам на ремонт заработаешь.

Придётся. Что сейчас классно – выпускные в школе и вступительные в институт the same. Так что отправлю заявку в институт и устроюсь работать. Починю свою лошадь.

Через неделю парадный вечер. Экзамены я сдаю нормально, родители довольны, костюм висит в шкафу – хоть сейчас на бал. Сегодня Алёна Самойлова даёт последний урок по вальсу.

Жалко, что Дымова не вальсирует. Вальс. Данс. Танц... С ума сойти, как похоже.

Сказка выпускного бала

– Что такое? Наташ, гляди! – Вероника толкает подругу локтем. – Почему все на улице?

Девушки подходили к школе с любопытством, смешанным с беспокойством.

Сегодня у них выпускной вечер. Почему же выпускники толпятся на улице возле школы? А разряженные... прынцы и прынцессы! Обалдеть просто! Ух, какое платье у Кати Стрекаловой! Пышный волан почти до самых тротуарных плиток. Красное, просто пламя! И в волосах красный цветок! А Папуас! Он ли это? Где его всегдашние футболки и бандана? Колька во взрослом костюме с галстуком. Он сегодня просто красавчик! С ума сойти!

– А Кимка-то Зимин, глянь! – воскликнула Наташа.

Ника нашла в толпе Акима и зарделась от удовольствия. Аким, похоже, давно увидел её и смотрел. И улыбался. Но слегка, словно внутрь себя улыбался, не ей.

Он стоял среди парней, но Ника видела только его лицо и никого вокруг больше. Оно казалось надменным, может, потому что Аким смотрел на неё свысока. Губу прикусил, сощурился... Чего он так уставился? Ника покраснела.

– Какая ты...– произнёс Зимин, когда девчонки приблизились к месту, где столпился их одиннадцатый «В». Подошёл к ней вплотную, дёрнул за руку и сказал.

Ну да. Ника постаралась, чтобы выглядеть хорошо. Завила волосы – они спадали на плечи локонами. Сделала макияж. Из своей заветной конфетной коробки достала для этого случая серебряный кулон в форме сердечка на серебряной же цепочке, повесила на шею. Вообще-то это медальон: сердечко раскрывалось, только непонятно, что можно поместить в такое крохотное пространство. Оно и было пустым. Ну и платье. Белое длинное платье струилось почти до самой земли. У плеч, на широких бретельках, небольшие лёгкие крылышки. Нике казалось, что платье уж чересчур красивое. Можно было бы подобрать попроще, но мама настояла на этом, дорогом и роскошном.

– Ты тоже взрослый сегодня, – сказала Ника и прикусила губу. Взгляд Кимки не простой. Сильно взрослый. Оглядывает её всю – с головы до пят. – Ребят, а чего в школу не пускают?

– Да шут их знает! Может, наводнение по закону подлости? Трубы лопнули?

– Спорим – это какой-то сюрприз! – шепнул девчонкам Папуас. – Директриса-то у нас, сами знаете, – креативная тётка.

– Аттестат Папуасу не выдадут – вот и будет сюрприз! – хохотнул Тимошка Ганов.

– Типун тебе на язык! Чего это мне не выдадут? А может, тебе не выдадут?

Когда стали возмущаться пришедшие на вечер родители, в школьном здании загремела музыка. Послышался звук залпа, и над школой вспыхнули пучки разноцветного искрящегося салюта.

Вау-у!

Выпускники завопили и хлынули в распахнувшиеся перед ними школьные двери.

– Эй, Папуас, в последний раз ты сюда заходишь! – со смешком сказал Кед на ступеньках крыльца и подтолкнул Папуаса в спину.

– Да и слава Богу! – пробасил Папуас.
 – А охранник где? – спросил кто-то рядом. – Мне его не хватает!
 – Что, сигаретку стрелнуть не у кого?
 – Никаких сигареток! – строго предупредил кто-то из взрослых.
 – Ну вот... зачем родителей-то притащили? – шепнул Папуас Акиму. – Не хватает нам дома присмотра.

– Да ладно, расслабься, им тоже надо повеселиться, – ответил Кимка.

Ника вошла в школу и ахнула. Да и все удивились. Привязанные к перилам лестницы, у входа висели три синих облака. Вернее даже, это были не облака, а три сверкающие тучи: синие шарики, в каждой туче по тридцать, да не простые, а именные – шар Вильгельм Вельс, шар Дмитрий Алёшин, шар Аким Зимин...

Лестница в школе – парадная. Два марша с двух сторон ведут на площадку второго этажа, объединяются в один широкий – на третий и там опять разбегаются. Сейчас на одной из лестниц, ведущей на второй этаж, стояла директриса Елизавета Трофимовна с микрофоном в руках. Та самая креативная тётя, о которой вспоминал Папуас.

– Дорогие выпускники! Средняя школа номер сто двенадцать приветствует вас на последнем в вашей жизни школьном вечере – выпускном! – торжественным голосом начала директриса. – Вот эти воздушные шарики для каждого из вас. Они олицетворяют вашу мечту. Берите в руки каждый свою и проходите в актовЫй зал!

С весёлым трёпом, воодушевлённые торжественным приёмом, народ трёх выпускных классов разобрал шары и направился, куда им велели.

Все шли с шариками, а Ника – без. Для неё шара не оказалось. Это было немножко неприятно, немножко грустно. Вроде бы пустяк, а царапал. Да, такая она неприметная, про неё забыли, когда именовали шары. Про кого же забыть, если не про неё. Она же ворона!

Правильнее было бы сказать, что вороной оказался кто-то из тех, кто готовил сюрприз, но она привыкла всё брать на себя. Ника заметила, что Кимка на неё сочувственно поглядывает. Как родитель за своим чадом. Вот и сейчас стрелнул в Нику взглядом. Заметил, что она без шара. Растолкал одноклассников, подошёл к ней.

– Хочешь мой шарик? Мне не нужен, – и протянул шар.

Он знал, что все девчонки ужасно мнительные. Что Ника расстроена. Дымова промолчала.

– Ника, возьми! Пожалуйста!

– Я похожа на Акима Зимина? – спросила, поморщившись, Ника. Ткнула в надпись на шарике «Аким Зимин» и отклонила его руку с шаром.

«Зачем они шарики назвали? – досадовал Аким. – Ещё бы написали «16+». Вот и настроение у Дымовой улетучилось. В самом начале выпускного!»

Шары для выпускников – первый сюрприз. А теперь они смотрели на стены вдоль лестничных маршей. На них развесили фотографии разных периодов школьной жизни одиннадцатиклассников, когда те учились в первом, пятом, десятом... То один, то другой тыкал в снимок пальцем и восклицал:

– Смотрите, это же я! О господи, какой сопляк!

– Ой, Кира, а это ты! Просто пупсик! Где сейчас твои бантики?

Ника тоже узнала себя на одном из снимков. Она стояла рядом с первой учительницей и, наклонившись всем корпусом вперёд, что-то высматривала. С цветами в руках, в синей джинсовой юбочке и в белой вязаной кофточке с широкими рукавами. Мама сама вязала эту кофточку. Тогда у них ещё не было Елисейки, и мама успевала вязать ей кофточки, свитера, шапочки. Сейчас всё это переходит брату. Кроме юбок, естественно. Колготки у первоклассницы Ники тоже белые, волосы длинные, распущенные по плечам, а сверху – белый ободок с бантиком. Куколка! Какие же все девчонки были куколками в первом классе! А мальчики! Глаза широко распахнуты, удивлены, кажется, вбирают в себя весь мир.

А сейчас! Некоторые из них такие циники! Тот же Витька Кетов. Глаза у него такие наглые. А одеты! Некоторые и сейчас пришли в футболках, вон, Димка Цыпляев из одиннадцатого «А». Как на футбольный матч припёрся. Ладно, хоть чистая у него белая футболочка, и на том спасибо. А впрочем, что это она – да пусть хоть как одеваются! Вот Аким молодец. У него сегодня стильный серый костюм. И галстук в тон – интересно, сам подбирал или родители помогли? Ника кинула на Зимины одобряющий взгляд. Виля Вельс тоже хорош. Он вообще как жених в чёрном классическом костюме-тройке.

Оставили в своём классе вещи – сумки, косметички, бутылки с водой и лимонадом. Девчонки привязали шарики к стульям, парни выпустили их в коридоре рядом с классом, и те, прилипнув к потолку, извивались хвостиками, как головастики. Только Колька Папуас так и ходил везде с шариком, держась за верёвочку, как Пятачок с голубым шариком Винни-Пуха.

В зале ребят ждали учителя. И даже первые учительницы одиннадцатых. Народ сам ездил к ним с пригласительными открытками – приглашали лично. Не по телефону. Не по электронке. Уважили! Как же учительницы могли не прийти?! Нарядные, торжественные, как все вокруг и... уже немножко старенькие. У первой учительницы одиннадцатого «В» Галины Евгеньевны старомодные букли на голове. Морщинки с уголков глаз пустили корни на щёки. Нике всегда жалко глядеть на старых людей. Ей перед ними даже немножко стыдно. Ведь у них, молодых, вся жизнь впереди, а стареньким – что осталось? Хвостик-верёвочка от воздушного шарика.

Аплодисменты! Ничего себе! Это их, сопляков, учителя приветствуют аплодисментами! Для кого-то они станут привычными. А что? Зина Богомолова из одиннадцатого «Б» наверняка поступит на актёрский. Она ужасно красивая, ужасно талантливая – все школьные годы участвовала в концертах, стихи читала, сценки показывала, танцевала. Да как! Зрители в зале замирали, а потом, хлопая, отбивали ладони. Будут, будут у Зиночки и аплодисменты, и цветы, и овации. И конечно, поклонники. Ника в этом не сомневалась и радовалась за Богомолу.

Аплодисменты смолкли.

– Дорогие ребята! – слово взяла опять же Елизавета. Она хозяйка, когда хочет, тогда и берёт. Нет, надо отдать ей справедливость, хозяйка она отличная. До всего ей дело – до горячего питания школьников, чистых туалетов, цветов на подоконниках. Однажды, когда Ника поливала цветы в коридоре, директриса проходила мимо и спросила:

– Ну как, хорошо растут? – и, когда Ника кивнула, добавила: – Ведь когда много цветов, это красиво?..

– ...Вот и наступил торжественный миг, – продолжала Елизавета, – вы сдали экзамены и сегодня прощаетесь со школой. Прощаетесь с классами и коридорами, с этим актовым залом, – директриса обвела руками вокруг себя, – и столовой. Больше не зазвучат в школьных коридорах ваши шаги. Вам, наверное, немного этого жаль – во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы вы жалели. Но сами классы и коридоры, столовая и библиотека, конечно же, будут помнить вас – милых, умных, не всегда дисциплинированных. А сейчас позвольте вас, наши дорогие выпускники, пригласить на последнюю в вашей жизни экскурсию по школе.

По рядам выпускников пронёсся шум и смехи. Что? Экскурсию по чему? По школе? По этой школе, где знаком каждый уголок? Где курили под лестницей? Где прятались в туалетах? Где сбегали с уроков? Где, разбежавшись по коридорам, стремительно выпрыгивали на лестницу, чуть не снося дверей? Ха. Ха. Ха.

Кимка сказал своему классу:

– Не переживайте, детки, дома вам тоже будет экскурсия, вам вашу комнатку покажут, кроватьку...

Кед добавил:

– Тоска. Опять эта школа...

Ника тоже удивилась предстоящей экскурсии. Елизавета Трофимовна, действительно, удивительная. Но раз удивительная, значит, понимает, что делает. Ника до сих пор доверяла взрослым, несмотря на скептический подростковый возраст. Кстати, может, возраст уже и не подростковый? Конечно же! Сегодня они официально вступают в юность.

– Сопровождать вас будут ваши классные руководители, – добавила директриса.

– Одиннадцатый «В» – за мной! – скомандовала Классная Лилия и, как настоящий командир, решительно двинулась вперёд. Ей только красного флажка не хватало. – Давайте поорганизованней, ребята! Николай, Виктор, вы куда?

– А? Да мы хотели воздухом подышать на улице, Лилия Игнатьевна! – невинным голосом сказал Папуас.

– Ничего, покурите попозже. Сейчас идём на первый этаж, в первый класс! – обратилась она к своим выпускникам.

– Люди, бегом, в прошлое! – воскликнул Аким. – Смотрите, там не потеряйтесь!

Никто не заметил, как Галина Евгеньевна семенила в хвосте, не поспевая за великовозрастными учениками.

Класс как класс. Только столы намного поменьше. Уселись, кто как сидел в этом году. Кимка – на последней парте, Ника – на третьей в первом ряду, с Наташей Кругловой.

– А я помню, где сидела в первом, – шепнула Наташа Нике, – за второй партой.

– А я тут же, за третьей, – сказала Ника.

– Какая ты постоянная! – качнула головой Наташа.

– Да уж. Я и сама не рада своему постоянству, – засмеялась тихонько Ника.

За учительский стол прошла Галина Евгеньевна. Окинула всех изучающим взглядом.

– Здравствуйте, дети! – поздоровалась полушутливо.

«Дети», смеясь – некоторые басом, – поднялись, как одиннадцать лет назад, и нестройно поздоровались. И снова засмеялись. Ну и басы у парней! Испугаться можно!

Парни стояли вкривь и вкось, сутулясь за маленькими столами, выставя ногу в проход. Наряды девушек не позволяли криво стоять, выпрямились, как свечки. Как тогда, в первом классе.

– Ровнее, ровнее встали, та-ак. Плечики назад... – командовала Галина Евгеньевна.

Никто и не подумал переменить позу. Кед поморщился как от зубной боли.

– Ну что ж, мои дорогие... Сначала спешим во взрослую жизнь, а потом мечтаем вернуться в детство?

Она, наверное, себе вопрос задала, потому что выпускников в детство ещё не тянуло. Никто не ответил. Некоторые пожали плечами, выражая несогласие.

– Садитесь.

Шумно сели, выставив в проход не помещающиеся под столом ноги.

А на экране, висящем на классной доске, мелькали кадры первого «В» одиннадцать лет назад. Малявки! Вот они, держась за руки, парами возвращаются с торжественной линейки. Стриженные чубчики, а у Акима – сзади хвостик. Маленький Кимка Зимин споткнулся, чем сейчас вызвал приступ хохота. Как трогательно!

Ника улыбнулась и повернулась посмотреть на Акима, чтобы сравнить – какой ей нравится больше – маленький Аким Зимин или большой? И решила, что оба хороши.

И снова перевела глаза на экран.

Вот Тимофей Ганов дёрнул за руку отставшую Надю Воробьёву, и она чуть не упала. Снова смех! А вон и Ника – тот же ободок поверх головы с кокетливым белым бантиком. Маленькая Ника закусил губу, а потом чему-то во весь рот улыбнулась. И все увидели, что у неё не хватает двух передних зубов. Новый приступ хохота!

– А сейчас-то Дымова зуба-астая! – произнёс сквозь смех Папуас.

Кто-то умный и хороший сохранил фильм, снятый одиннадцать лет назад.

– Народ, кто киношку снимал? – громко поинтересовался Тимофей.

– Мой папа! – повернулась к нему Саша Пеночкина.

– Дашь переписать?

– Конечно!

– А потом мне!

– Пеночкина, и мне!

– Пенка, принимай заказы! На билет в Москву заработаешь!

Галина Евгеньевна оглянулась на погасший экран, провела рукой по седым старомодным кудряшкам и рассмеялась.

– Ну что, дорогие первоклассники! Начнём первый в жизни урок?

Тишина.

– А в самом-то деле, ребята, урок-то у вас последний!

– Вот и хорошо! – выкрикнул Кед.

– Виктору надоела школа, – Галина Евгеньевна покачала головой. – Витя, а помнишь, когда за тобой приходила мама после уроков, ты плакал – не хотел уходить домой?

– Правда, что ли? – спросил Витёк. – Ничего себе! Мать – за мной приходила! Ни за что не поверю!

– Да, дорогой. Вы любили школу, любили учиться. – Учительница помолчала, рука отделила тоненькую стопку тетрадок, другая рука поворошила получившийся веер, и тетрадки снова легли в общую стопу. – Гляжу я на вас, таких молодых и красивых, и сердце радуется. Надеюсь, всё в вашей жизни будет ладно и складно...

– Жду в этом классе ваших деток, – сказала на прощание Галина Евгеньевна.

Она осталась там, в прошлом, а одиннадцатиклассники повалили по коридору дальше. Заглянули в библиотеку. Тут их встретила сияющая Надежда Борисовна. Тоже добрые пожелания. Столовая – та же история. Всех угостили пирожками с капустой – школьный народец любил покупать их чаще всего. Акиму выдали слоёный язык – он его выбирал вместо пирожка.

– Вот почему у Зимина язык подвешен! – предположил кто-то.

– Раньше не мог догадаться? – сказал Аким, уплетая слойку и стряхивая с пиджака крошки.

Путешествие в прошлое окончилось в спортзале, а потом вернулись в актовый зал, где началась раздача слонов – аттестатов.

Аттестат!

Первый документ в их жизни, по которому будут судить – какие они и на что годятся.

Сначала пригласили на сцену медалистов. Им – особая честь и слава. Елизавета Трофимовна попросила их выйти на сцену вместе с родителями. Папа с Елисейкой пожаловали. Ника увидела, что они входят в зал, и помахала им рукой: «Я тут!» Елисейка у папы на руках – в своей неизменной голубенькой бейсболке. Папа нарядился – в костюме с галстуком, прикид как у выпускника. Он, папа, кстати, очень молодо выглядит! Ещё спутают с выпускником, медаль выдадут!

– А мама твоя где? – спросила Наташа, которая тоже увидела папу с Елисейкой. Подруги рядом сидели. Аким – на два ряда впереди, Ника видела его ухо.

– Она в Эмиратах.

– В Эмиратах? По турпутёвке, что ли?

– Ну да.

– Ничего себе твоя мама даёт! А когда уехала?

– До экзаменов, на две недели.

– Ничего себе! – осуждающе повторила Наташа.

– Горящая путевка, Нат, прими к сведению.

– Да хоть бы сто раз горящая. Моя бы ни за что не уехала.

– Я не в обиде, Наташ. Так что ты тоже на мою маму не обижайся.

– Да мне-то что? – Наташка пожала плечами и вновь уставилась на сцену. Она Нику жалела. Во время ЕГЭ многие родители ждали детей за дверью, болели-переживали, чаи готовили с бутербродами, а мама Вероники в это время на песочке нежилась.

Наташкины родные все тут были. И даже бабушка пришла. Ника бы тоже могла бабушку пригласить, просто не догадалась. Нет, лучше бы у бабушки Елисейку оставили. А то папе приходится с ним нянчиться. Не подсказала, ворона. А впро-

чем, бабушка, наверное, в деревне, помидоры сажает. Но если бы Ника ей позволила, она бы с удовольствием приехала.

После медалистов вызвали ребят, получающих похвальную грамоту. Ника удивилась, когда услышала свою фамилию. Елизавета Трофимовна вручила ей похвальную грамоту за особые заслуги в изучении биологии. Очень кстати! В университет просили направлять что-либо подтверждающее любовь к выбранному предмету. Ника пошлёт туда эту грамоту вместе с результатами ЕГЭ и аттестатом.

Геля получила такую же грамоту за успехи в литературе. Акиму вручили благодарственное письмо за участие в школьных спортивных соревнованиях.

Церемония всех притомила. Скучно! Каждый вызванный выпускник поднимался на сцену, директриса жала ему руку, вручала аттестат, который загадочным образом выныривал сбоку из-за кулис из чьей-то протянутой руки, и выпускник благополучно отправлялся на место под бравурные звуки туша. Девчонкам было интересно рассматривать на сцене наряды ровесниц, парней в строгих костюмах, превративших их во взрослых мужчин. А парни откровенно скучали и не скрывали зевков. А уж такому маленькому человечку, как Елисейка, раздача аттестатов и вовсе ни к чему. Папа отпустил его с колен на волю, и малыш бродил где вздумается. Да и сам папа куда-то испарился, наверное, на улицу покурить вышел.

Скоро заблудший братик выбрался на сцену из плотных кулис. Вышел, брякнулся на мягкую попу (там у него памперс), поднялся, отряхнул ладошки и давай озираться по сторонам. Очередной раз гремел туш, и директриса не услышала посторонних звуков. Не обращая внимания на многолюдный зал, малыш в голубенькой кепочке смело направился к плюшевому медведю, который для создания уюта сидел на стуле у задника сцены. Шёл Елисейка на крепких толстеньких ножках весь устремлённый вперёд, выставив руки назад, подобно крыльям пингвина, да ещё и ладошками помахивал, и выглядел прелестно, как все неуклюжие малыши. На него невозможно было смотреть без умиления. Зрители оживились, слышались смешки. Елизавета Трофимовна приняла это на свой счёт. Поправила воротник блузки, пощупала на плечах газовый шарфик – не упал ли. Всё было в порядке, а смех усиливался. Пока Елизавета Трофимовна охорашивалась, загадочная рука протянула из тёмных кулис очередной аттестат. Глазастый Елисейка как раз направлялся в ту сторону. Он и взял его, раз дают. А директриса, увидев перед собой мелкого, чуть в обморок не упала.

Зал громко веселился! Одна Ника не смеялась, а сидела с пунцовым лицом, не зная, что предпринять.

Лицо Елизаветы Трофимовны покрылось красными пятнами. Но она – молодец, нашлась что сказать:

– Это наш будущий первоклассник? А родители у него есть?

Есть! Где папа, шут бы его побрал! Ника привстала в кресле, озираясь по сторонам в поисках отца. Не нашла – и поняла, что за братом придётся выходить на сцену.

Ругая про себя папу, кусая губы, Ника стала выбираться в проход.

Опять позорится! И Аким видит!

Пунцовая, как роза, которую ей вручили вместе с грамотой, Ника протиснулась через ноги сидящих и понеслась к сцене. Торопясь, наступила на подол длинного платья, запнулась и чуть не упала. Зал хором выдохнул: «ох!» – все следили за тоненькой девушкой и обрадовались, когда она удержалась на ногах. Ника, чуть не плача от обиды на папу, на своё платье, ринулась дальше. Но её опередили. Аким раньше неё выскочил на сцену, сгрёб Елисейку в охапку и метнулся назад.

– Аким! – посетовала Елизавета Трофимовна. – Следи за братишкой лучше!

Ой, какое Акиму спасибо большое!

Ника, красная от стыда, вернулась на место, плюхнулась на сиденье рядом с Наташей. Порядок был восстановлен. И люди в зале проснулись – Елисейка всех разбудил! Но Ника чувствовала себя ужасно. Именно её братец помешал торжественной, хотя и затянувшейся процедуре. И ещё – она наступила на платье. Чуть не свалилась, ворона! Вот бы смеху было! Чёрт бы побрал это платье! Зачем они его с мамой купили?

Ника помнила, как они его покупали. На улице дождь лил как сумасшедший. За окнами магазина был, казалось, всемирный потоп. Они с мамой шли пешком, насквозь промочили ноги, и в магазине женской одежды Нике казалось, что она – Золушка, которая не имеет права на красивое платье.

Платье выбрала мама. И оно Нике сразу понравилось. Когда она его примеряла и смотрелась в зеркало во всю стену, то откровенно любовалась собой. В зеркале ничего так себе была девушка. Она была там красавица!

– Ты в этом платье совсем взрослая, – удовлетворённо произнесла мама. – Ты так в этом году похорошела, девочка моя.

Насчёт «взрослости» Ника была согласна. Насчёт «похорошела» – не поверила. Пожала плечами. Так, наверное, все мамы дочкам-выпускницам говорят.

Они вышли из магазина. Дождь уже кончился, по краям тротуара и мостовой бурлили временные ручьи, похожие на девчоночьи косы. Светило солнце, отражаясь в этих ручьях, заставляя прохожих щуриться. Нике хотелось улыбаться. Солнце, ручьи, синее небо, слова мамы – всё слилось в единый порыв весенней радости. И молодой симпатичный человек, идущий навстречу, тоже улыбается. Ей улыбается, Веронике. Лёнька! Он уже давно не смотрел на Нику свысока, как когда-то в детстве. И разговаривал на равных. Постояли, поговорили, Лёнька, как и мама, сделал ей комплимент: похорошела! Выросла!

– И ты похорошел. И ты вырос!

Хлопнули с размаху ладонью в ладонь племянница и дядя, разошлись.

Мама купила платье и быстренько уехала по турпутёвке в Дубай. Правда, она спросила у Ники разрешения. Прямо там же, у зеркала, глядя не на Нику, а на себя:

– Ты меняпустишь в Эмираты? Я понимаю – у тебя экзамены и выпускной, но путёвка подвернулась дешёвая, мне жаль упускать такой шанс.

– Езжай, – разрешила Ника, – ты мне на ЕГЭ всё равно не поможешь.

– Конечно, – обрадовалась мама, – телефон есть – сообщишь, сколько набрала баллов. Хоть отдохну от ненормальной семейки.

Ненормальная семейка – это Кетовы с четвёртого этажа. Мать, отец, маленький колясочный ребёнок и семнадцатилетний Кед. Судя по набору, семья нормальная – полная, как принято считать. Но по способу жизни сумасшедшая. Кетовы оживали ночью. Часов в одиннадцать начинал орать грудничок. Муж и жена выходили прогуляться. Не с ребёнком, а сами по себе. Может, бегали успокаивать нервы, которые им портил младенец. У Кетовых в квартире входная железная дверь. И вот они этой дверью – бац! – по ночной тишине. И многие просыпаются. В том числе и Никина мама. У неё вообще потрясающий слух. Нике кажется, мама слышит, как снег падает на землю или как жуки по травинкам ползают. А тут железо в ночи. И шаги по лестнице. Семейка почему-то не пользуется лифтом. Хотя если ночью на лифте ехать – тоже мало не покажется, мама его тоже замечательно слышит. И бедная мама ночами не спит, засыпает вместе с этими полуночниками часа в три утра. Конечно, не высыпается. И от этого становится раздражительной. Папуасы, живущие над семейкой, тоже мучаются, да ещё посильнее. С Кетовыми говорили. У них один ответ: «У нас маленький ребёнок. Он ночами не спит. Что ж, нам его выкинуть?» И катают этого ребёнка на коляске. Туда-сюда, туда-сюда. Соседи на третьем жалуются, что коляска ездит по их головам. Они тоже не спят. И все мечтают, чтобы этот адский младенец поскорей вырос, просто ждут не дождутся. Вот эту семейку имела в виду мама.

Ника спрашивала у Витька, что у них ночами происходит.

– Ругаются друг с другом, – Кед криво ухмылялся, – и ещё мелкий не спит.

– Может, Димка потому и не спит, что родители шумят?

– А кто их знает? Может, и так.

– А как же ты спишь? – удивлялась Ника.

– Так вот и сплю, – отвечал Витёк. – Привык, Дымова. И ты бы привыкла, когда скандалы – обычное дело.

...Отдохнёт мама в Эмиратах, а потом – всё продолжится. Надо бы эту семейку в Эмираты отправить. Да не на неделю, а навсегда. Когда только можно оставить, он не мешает. Нике его жалко. Он там один нормальный. Да и то не совсем. Не верить в любовь – это нормально?

После вручения аттестатов начался концерт. В последний раз выпускники показывали школе свои таланты.

Два человека из их класса не остались на концерт. Медалиста Вадима родители увезли в ресторан отмечать его первое в жизни золото. Вместе с родителями уехал с вечера и Виля Вельс. Одиннадцатый «В» только сегодня узнал, что через два дня Вельсы навсегда покидают Россию и переезжают на ПМЖ в Германию. Сам Виля знал об этом давным-давно, но почему-то не считал нужным сообщать одноклассникам.

Бедная Катя! Может, она и не была виновата в том, что Виля перестал приглашать её в кафе. Он узнал, что покидает Россию, и мысленно нажал на *delite* всему, что связано с ней. А значит, и с Катей.

Оставленный Вельсом шарик беспомощно тыкался в потолок.

Выплыли на сцену девчонки одиннадцатого «В». Все, кроме одной. Кроме Ники. Её звали участвовать в номере, но она заартачилась: петь не умеет, и вообще ничего не умеет.

– Никто не умеет, – уговаривала Наташа, – мы показываем солидарность! Давай, ты что? – и тянула подругу за руку.

– Нет. Нет и нет, – твердила Ника.

– Не уговаривайте вы её, – сказала Катя, скривив накрашенный ротик. – Покапризничать захотелось – не ясно, что ли?

Наверное, и правда, Ника капризничала. И вот сейчас, глядя на одноклассниц, она чуть не расплакалась. Так ей хотелось быть тоже там на сцене, среди своих девчонок, которые расселись на стульях, как в гостях у задушевной подруги. И пели словно по зову души. Наташа взяла на колени уютного плюшевого мишку.

К уху Ники склонился Толик Корабликов из одиннадцатого «Б», сидящий сзади.

– А ты почему не поёшь?

– Горло болит, – соврала Ника, горько усмехнувшись.

Да потому что она ворона! Белая ворона. Хочет со всеми петь – и отказывается. Хочет, чтобы Зимин на неё смотрел, – а сама отводит глаза, встретившись с ним взглядом. Хочет, чтобы мама во время экзаменов была рядом, а говорит ей – уезжай.

На неё оглянулся Аким. Он сидел на два ряда впереди, с Елисейкой на коленях. Тоже, наверное, удивляется, почему Ника не на сцене. Вроде не безголосая. Сейчас Ника взгляда не отвела, да Кимка сам отвернулся. Нике хотелось заполучить к себе Елисейку. Брат только пять минуток посидел с Кимом спокойно, потом стал дёргаться, теревить Кимкины уши – почему-то Елисейка любил у всех уши трогать. Аким прилагал тонну усилий, чтобы удерживать на месте маленького непоседу. Нике было неудобно, что Зимин возится с её братишкой. Надо бы Елисейку к себе забрать, но это ведь выбираться из середины ряда, а вдруг снова споткнётся на виду у всех... В этом длинном платье она такая неуклюжая. Большинство девчонок явились в коротких, все ножками хвастаются, порхают туда-сюда. А она бродит, как привидение из девятнадцатого века.

Зазвучала песня. Ника её не раз слышала, когда девочки репетировали. И выучила все слова. И сейчас внутри себя повторяла их вместе с одноклассницами.

Кораблик «Детство»
Уплывает в детство,
Белые большие трубы скошены назад.
Дайте наглядеться,
На прощанье наглядеться,
Дайте мне послушаться,
Как они гудят².

² Песня «Кораблик детства», автор слов и музыки Ефим Зубков.

От песни защемило в груди. Снова захотелось плакать. Хорошо, что беленький носовой платок всегда с собой. Закончились школьные годы. Жалко их. Ах, как жалко! Вот и на сцене загрустили девчонки. А Эля Устинова вдруг разревелась. Вскочила со стула, сбежала со сцены, выскочила из зала... Все подумали, что так и нужно, что это по сценарию. Но – Ника знала – нет, это спонтанно. И на уроках с тихой Элькой случалось: вдруг заплачет и выбежит из класса... Ника спрашивала её на перемене: «Что случилось?» «Ничего», – отвечала Элька, уже улыбаясь. Затихла песня, ушли со сцены девчонки – не торопясь, спускаясь по ступенькам одна за другой. Ушли, растворились в зале, как будто в будущем.

На сцене осталась Геля Титова. Обняла мишку, которого Наташа передала ей, и прочитала стихи. Свои стихи. Геля их с десяти лет сочиняла.

Пятнадцать лет, шестнадцать лет,
Какие годы роковые.
И не спасут от разных бед
Родных глаза сторожевые.

Пятнадцать лет, шестнадцать лет,
И смех, и боль, и грусть, и радость...
Святая первая любовь
На эти годы доставалась.

В начале жизни жизнь сама
Бросала нас на дно измены.
Но, как былинка, ты вставал
И ждал от жизни перемены.

И шум дождя, и луч звезды
Будил в нас смутную тревогу.
Нам говорят: «Жизнь впереди».
А мы уже давно в дороге...

И снова они в родном классе. Объявили перерыв на пятнадцать минут перед дискотекой.

– Ходим-бродим, – ворчал Кед. – Когда главное-то начнётся?

– Ты имеешь в виду дискач? – спросил Папуас.

Кед взглянул на него хмуро и ничего не ответил. Похоже, и сам не знал, чего ему хотелось.

Нике казалось, у Кеда плохое настроение потому, что отменили банкет в кафе по соседству со школой. Родительские комитеты выпускных классов решили, что на выпускном вечере будет не до него. Прощальный ужин намечался на следующий день на загородной базе отдыха «Ёлкины радости».

Вот это уже точно последний сбор в классе. Больше в таком составе они никогда не соберутся. Да и сейчас одиннадцатый «В» уже не полный – Вадим и Вильгельм отчалили от школьного берега.

Расселись как попало. Классная Лилия – в третьем ряду ногами в проход. Перед ней на столе – букет белых хризантем, который подарили ей признательные за дочку родители Наташи Кругловой. Наташа не отличница, она просто хорошая. Спокойный характер, на лице вечная доброжелательность. Ника удивлялась: как ей удаётся никогда не злиться? Родители думали, что это школа воспитала её доброй, и благодарили классную. А Классная Лилия благодарила родителей за хорошую ученицу.

Это так здорово, что последние три года Ника сидела с Наташей Кругловой!

И своей классной Ника тоже довольна.

Лилия Игнатъевна преподавала историю. Но она была близка ребятам даже не как преподаватель, а просто по-человечески. Всегда и везде с ними – не для того, чтобы «присматривать», ей хотелось с ними слиться, ей хотелось с ними дружить.

Вот и сидели вместе с учительницей, и она им нисколько не мешала. Девчонки тушь на ресницах подновляли, кто-то шариками баловался, как Елисейка. Карапуз перебегал от шарика к шарика и тискал те, до которых мог дотянуться. И пыхтел и надувал щёки, словно сам хотел превратиться в воздушный шар.

– Не огорчайтесь, если у кого-то не получится с институтом, – сказала классная. – Высшее образование – в жизни не главное. Иногда хороший рабочий важнее инженера. Смотрели же фильм «Москва слезам не верит». Помните Гошу? Без него ни один инженер не мог обойтись.

Аким помнил! Он смотрел.

– А по-вашему – что главное в жизни? – спросила Лада.

– Главное? – Лилия Игнатъевна помолчала, потеряла лепестки цветка, усиливая запах. – Может быть, знать, что вы от жизни хотите? – и сказала задорно: – Вот Тимофей нам скажет про это!

– Что? – отозвался Тимошка. Чьей-то помадой он рисовал рожицу на окне.

– Ты что делаешь! – подскочила Катя, отняла помаду. – Ты же мне помаду испортил!

– Пardon, Стрекалова. Сказать, что я хочу от жизни? Скажу! – Тимошка засмеялся, почесал затылок. – Хочу, чтобы жизнь взяла меня за волосы и мордой – в счастье!

Народ одобрил, смеясь.

– Все этого хотят! – пробасил Митя Алёшин.

– И я этого хочу для вас, поросята мои. – Классная Лилия решительно двинула букет в сторону от себя. – И вам счастья, и себе счастья, и маленькому братику Вероники – счастья с большой буквы. Пусть вам всё удаётся.

На пороге класса нарисовался вихрастый мальчишка из младшекласников-волонтеров и пригласил всех в актовый зал.

– Ну, наконец-то дискач! – воскликнул Кед, и все потянулись к выходу.

– А тебе-то зачем дискотека? – удивился Аким. – Ты ж не танцуешь? Девушек не любишь, у тебя же даже сайт: любви нет точка ру.

– На сайте? Каком сайте? Слышь, Зимка, у меня нет сайта.

– Нет? Значит, будет!

– Да не нужен мне сайт!

– А дискач нужен?

– Слышь, Зимка, может, я с кем-то танцевать хочу? Вон хотя бы с Дымовой! Отобью у тебя! – Кетов, опередив всех, поскакал по лестнице в зал.

– Растёшь! – крикнул Кимка ему вслед.

Аким взял Нику за руку. Ника покраснела и тихонечко высвободилась. Что он вдруг – ни с того ни с сего? Аким отстал метра на два, не выпуская Нику из поля зрения. Широко шагнул и снова взял её ладонь. И сжал крепко.

– Слушай, – сказал он, засмеявшись, – какой удалец твой братец. Лично я восхищался! Директриса чуть в обморок не упала.

– Хорошо тебе говорить, – отозвалась Ника, – а мне было стыдно. Елисей всю церемонию нарушил.

– Нарушил? – Аким засмеялся. – Ника, поверь, он её спас! Все уже засыпали!

– Отлично смотрите, – Тимофей Ганов взглянул на троицу и прищёлкнул языком, – образцовая молодая семья. – Он достал телефон, сфотографировал «семью».

– Пришлю тебе «ВКонтакте», – пообещал Аким.

Ника с Акимом переглянулись. Обоим стало приятно сравнение. Но рука Ники снова пошевелилась в Кимкиной ладони, желая сбежать. Не вышло – Аким крепко держал. И так вдруг Никиной руке хорошо стало в руке парня, тепло и надёжно. Девичья рука успокоилась, замерла.

– Правда? Ты так думаешь? Мы – семья? – задорно спросил Аким Тимошку и в упор посмотрел на Нику. – В таком случае, Тимошка, ты – первый, кого я приглашаю на нашу свадьбу.

«Вот ненормальный» – ахнула про себя Ника. Нахмурилась. Рука опять попыталась сбежать. А зачем он так? Это же неправда! Он смеётся, наверное, над ней!

– Народ! У нас свадьба скоро! – заорал Тимофей, повернувшись к классу.

Ника покраснела, и её рука вырвалась-таки на свободу.

Да что такое! Зимин просто ловец рук сегодня. Снова поймал.

– Я не совсем шучу, – прошептал, наклонившись к Никиному уху. – Я шучу, шучу, но я хочу, чтобы так было! – Он перегнулся через Нику и пощекотал Елисейку. – Утю-тю, тигрёнок!

Елисейке понравилось, он засмеялся. А потом громко зевнул. Малыш хотел спать. Хорошо, что ещё не капризничал. Но скоро начнёт. Если папа не объявится в ближайшие минуты, Нике придется уходить с братом домой.

Ника снова отняла руку. Кимка снова взял. И победил.

Все девчонки смотрели на них. Наташка, Геля, Вика – доброжелательно. Некоторые отводили взгляды, и Ника чувствовала – эти завидовали.

Сейчас Зимин и правда думал, что их свадьба не за горами. Что, женатики не учатся в институтах разве? А Ника плохая жена разве? Вон как заботится о младшем брате!

На лестнице встретили папу Вероники. Он был явно навеселе, пиджак расстёгнут, галстук съехал набок. Волосы торчали в разные стороны.

– А я вас ищущу! – радостно объявил он детям. – Ах, ты мой киндерёныш золотой! – Он опустился перед Елисейкой на корточки и обнял его, отцепив от Ники. – Пошли домой, барабашка, не будем мешать сестрице веселиться.

– Бала...башка, – повторил Елисейка смешное слово, снова зевнул, потёр глазки кулачками.

– Ты где был? – спросила Ника отца строгим учительским тоном.

– Встретил одноклассника, представляешь, дочь? Он сына провожает из школы. Сели, поговорили, молодость вспомнили.

– А про своего сына, ты, значит, забыл?

– Я же видел, что он с нянькой, – отец кивнул на Кимку, – и успокоился.

– Чего это он нянька? – Ника стрельнула в Зимина нарочито сердитым взглядом, и он дёрнул плечами, говоря, что он ни при чём. – Вот расскажу про тебя маме.

– Вот этого не надо, – отец шуточно-угрожающе посмотрел на дочь и погрозил ей пальцем.

Так с Елисейкой на руках Ника и оставила папу.

– Слушай, – сказал Кимка. Они с Никой спускались по ступенькам, держась за руки. – Папа твой уже лохматенький. По-моему, они с одноклассником своим того... за дружбу выпили.

Ника пожала плечами. Засмеялась, и Кимка подумал, как ей идёт смех и улыбка. А Ника опять отняла руку. Хотя уже не хотелось освобождаться. Но поймала взгляд Кати, зафиксированный на замке их рук. Ох, недобрый был взгляд. Ника даже поёжилась. Она видела, как уезжал Виля Вельс: помахал классу рукой. Катю не то что не обнял, даже не подошёл к ней отдельно, не посмотрел на неё. А все же знали, что они были парой. Катя ничего от подруг не скрывала. А он так холодно... хоть бы взглядом согрел... Нике было искренне жаль Стрекалову.

В зале запела флейта. Её дивный голос говорил о мечте, о будущей длинной-предлинной жизни, о волшебных рассветах над морем, над городом, над горами – над планетой Земля, по которой теперь шагать ребятам без учительского присмотра, да и без родительского тоже... Идти молодым в одиночку – сильным и слабым, высоким и низким, худым и толстым, и неизвестно, кто достигнет вершин, а кто остановится у подножья. Ушёл со сцены незнакомый флейтист, и начался наконец-то бал...

Его открыли «бэшки» – Василий Дьяченко и Таня Кулимова. Заиграл вальс, и пара вышла на середину зала. Вася – в чёрном костюме, и Таня – в красном платье со шлейфом и стразами. Ребята были таким красивыми, что Ника подумала, вот быть бы такой, как Таня – лёгкой, воздушной – и ничего ей больше не надо, даже счастья. И тут же вспомнила, что в обычной жизни Таня Кулимова – далеко не красавица, у неё зубы выступают вперёд и веснушек на лице «вельми обильно». Но сейчас, во время танца, она казалась самой прекрасной девушкой в мире, в которую очень просто влюбиться.

Василий и Таня занимались балльными танцами с четырёх лет, поэтому их вальс был совершенен. Ими все любовались... Со второго круга к ним подключились Алёна Самойлова с Димой Коротковым. Вот уже в зале две чудесные пары... А потом на танцпол вышли все, кто хотел. Вот и Аким Зимин плывёт в танце с Киной Ракичиной из одиннадцатого «Б».

Ника смотрела и не верила глазам. Кимка – с Ракичиной?

Ей захотелось плакать. Она мечтала, что первой Кимка пригласит на танец её.

Девушка отошла к подоконнику и отвернулась к окну. Конечно, она бы отказалась, она не умеет вальс танцевать, но ведь Кимка этого не знает. Эх! За окном, на ветке берёзы, сидел воробей, бесстрастно и строго смотрел на неё блестящей точкой-глазком. Везёт ей на птичек. Они везде, куда она ни посмотрит. Быть ей орнитологом. Воробьишка поводит крошечной головкой, клюнул что-то с берёзового листа и улетел.

Ника закусила губу и чуть не расплакалась. Почему она думает, что нравится Зимину? Да разве она может кому-то понравиться? Она же ворона!

– Вероника! Прошу вас! – раздалось за спиной девушки.

Даже не повернулась на знакомый голос.

– Ника, эй! – Зимин взял её за плечи и повернул к себе. – Я приглашаю вас на медляк, девушка, – он церемонно поклонился и шаркнул ногой.

Ника наклонила голову, чтобы Аким не увидел, что её глаза на мокром месте. И вдруг разрыдалась, уткнувшись ему в плечо! И тут же кинулась в коридор напереиз танцующим. Наткнулась на одну пару, другую... Нет, невозможно переплыть бурное танцевальное течение. Ника бросилась через зал круглым путём.

– Вероника!

Аким настиг её в коридоре.

– Девушка, ну что с вами? – шутиливо спросил он, поворачивая её за плечи к себе.

– Ничего!

– А чего ревём-то? Я же не виноват, что некоторые вальс танцевать не умеют!

Ника подняла на него полные слёз глаза.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда! Я видел, как ты приходила записываться к Самойловой, а потом удрала. Только не понял – от кого. Крокодилов там не было!

– Да-а, правда-а, не умею-у, – Ника улыбнулась сквозь слёзы. Две слезинки скатились по лицу. Наверно, солёные. Акиму так захотелось попробовать эти слезинки на вкус. Но он не посмел коснуться губами щёк. Тогда Дымова вообще из школы сбежит! И, может, даже из города!

– Ты что, шпионил?

– Кто за кем шпионил – ещё вопрос, – Аким засмеялся. – Пошли танцевать, кулёма, а то музыка кончится!

– Эта кончится – другая начнётся.

Вернулись в зал.

Ника положила руку на Кимкино плечо, и они поплыли в медленном танце. Глаза у Ники красные, заплаканные, но счастливые. Нике хотелось положить голову на плечо Акиму, она видела, что некоторые девчонки так делают, но смелости не хватало. Наташка со Славиком танцевали, обнявшись. Катя Стрекалова с Тимошкой топтались на одном месте. Тимошка – ой, он Кате едва до подмышек. Что-то смешное рассказывает, Катя слушает его, наклонив голову, – иначе не услышать. Папуас пригласил Ладугу. Витёк стоит у окна лицом к танцующим, жуёт жвачку, смотрит на всех вообще.

Кончился медленный танец, сменился заводной англоязычной песенкой. Тут никакие пары не нужны. Девчонки, которых не приглашают, любят именно такие

танцы. В зале стало тесно от танцующих, лес вскинутых рук, плавные изгибы рук, плеч, ног. Две девчонки из одиннадцатого «А» забыли, что они готы, что им не к лицу веселиться, скажут ещё порезвее других. «Вот и правильно, в семнадцать лет любить одиночество и могилы смешно. Прыгайте. Будьте счастливы, будьте...» – молилась в душе за них всех Классная Лилия, стоящая у подоконника рядом с другими учительницами.

– Ты почему от меня всегда убегала? Почему глаза прятала? – допрашивал Аким, обнимая в танце Веронику.

Ника пожимала плечами:

– Спроси что-нибудь полегче!

Она подтянулась, приосанилась и уже не думала, что неуклюжая.

– Больше не будешь убегать?

– Спроси что-нибудь полегче!

Да и танцует она нормально! Правда-правда! И зачем ей было стесняться?

– Почему вы, девчонки, такие вредные?

– Что-нибудь полегче спроси!

И платье у неё очень красивое! Не хуже, чем у других.

– А почему ты в зале сидела, когда девчонки пели?

– Спроси что-нибудь... – Ника не договорила, глаза встретились с глазами, и засмеялись оба.

И вдруг Ника сказала серьёзно:

– Аким, я не знаю. Я не знаю, отчего я такая. Я неуклюжая, я смешная, я ничего не умею. Часто говорю не то, что думаю. Знаешь, есть такая несуразная птица – ворона. Вот и я такая же точно.

Ника нахмурилась, прикусила губу и всё-таки уткнулась парню в плечо. И вдруг вспомнила своего козлика с переливающимися огоньками. Теперь Аким как тот козлик – он будет утешать её во всех горестях.

– Неуклюжая? Смешная? – недоуменно спросил Аким. – Кто тебе такое напел?

Музыка смолкла внезапно. На сцену к микрофону поднялся учитель физики Алексей Владимирович.

– Спойте вам песню моей молодости, друзья. Булат Окуджава.

Девочка плачет:

шарик улетел.

Её утешают,

А шарик летит.

Девушка плачет:

Жениха всё нет.

Её утешают,

А шарик летит.

Женщина плачет:

Муж ушёл к другой.

Её утешают,

А шарик летит.

Плачет старушка –
Мало пожила.
А шарик вернулся.
А он голубой.

– Вот почему вы нам голубые шарики подарили! – воскликнула Кира Ракитина, стоявшая неподалёку от сцены.

– Вовсе нет, – Елизавета Трофимовна поспешила взять микрофон, – это случайная песня. – И снова передала микрофон Алексею Владимировичу.

Физик засмеялся и объяснил залу:

– Песня как раз не случайная. Наоборот! – объяснил он. – Я на шарики посмотрел и вспомнил. А иначе ни за что бы не вспомнил.

– Интересная песенка. Про жизнь женщины, от детства – до смерти, – заметила Катя. – А если у Дымовой шара не оказалось, то ей что будет? – она посверлила Нику взглядом и тут же перевела его на Зими́на, от него ожидая ответа.

– Ничего не будет, – усмехнулся Аким, удивляясь способности девчонок говорить гадости ласковым голосом. – Не понимаю, что ты имеешь в виду, Катерина?

– Я думаю, в этом есть смысл. У неё хорошей жизни не будет! Не повезёт!

– Что за чушь? – Наташа удивлённо скривила губы.

– Катя, бедняжка, да ты Нике завидуешь! – воскликнул Аким и легонько толкнул Катю в плечо. Расстроенное поначалу из-за шарика настроение Ники выправилось, а Стрекалова снова масла в огонь подливала. – Катя-Кать, прикинь, я подарю Дымовой сотню шаров! И все – голубые! Завтра скуплю все шары в магазинах! Ты мне поможешь?

– Сотня – да не та, драгоценный ты мой, – язвительно заметила Стрекалова. – Случайностей в жизни, Зимин, как ты понимаешь, не бывает!

Зал снова всплеснулся задорной музыкой.

– Не слушай ты её, она из-за Вельса переживает, – шепнул Аким, увлекая Нику в круг танцующих.

Ника с ним согласилась, но ей снова стало немножко грустно.

Ещё несколько раз прерывались танцы. Подбежал к микрофону чей-то родственник. Захотелось ему для детей спеть. Спел, страшно фальшивя, песню своей молодости «Яблоки на снегу». Выпускники великодушно похлопали. Даже не знали, чей это предок, и выяснять не стали, зачем?

Чья-то мамаша заунывным голосом прочитала свои стихи.

Тут и Ника о маме вспомнила. Мама должна была эсмэску кинуть. Из-за дорогого роуминга мать и дочь договорились не перезваниваться, а обмениваться сообщениями. Ника решила проверить телефон, раскрыла сумочку, где находились помада, беленький платочек, зеркальце (как же без зеркальца помадой пользоваться?) и где должен был лежать телефон.

Но мобильника в сумочке не оказалось.

Где же она его забыла? Ах, да: в спортивном зале, ещё на «экскурсии»! Позволил папа, она ответила и положила телефон на гимнастическую скамью. А потом её что-то отвлекло, и она о нём забыла. Вот там он и полёживается-отдыхает. А может, наоборот, надывается от звонков.

Как же не хочется одной бежать в спортзал. Через всю школу! Наташу не позовёшь: её приглашают и приглашают, лучше не мешать. А больше из девчонок Нике звать в попутчики некого. Из парней? У неё же вроде теперь есть друг. Аким Зимин. Друг? Её друг? Стоило Нике только подумать об этом, по сердцу как будто погладили. Как приятно знать, что у тебя есть парень! Ника с улыбкой вспомнила Кимкину шутку о свадьбе. Может, шутка была несуразной, но очень сладкой, очень приятной.

Аким танцевал с Классной Лилией. Ника подождала, пока танец закончится, и потянула парня за рукав к дверям зала.

– Кимка, я телефон где-то посеяла. Наверное, он в спортзале.

– Так что за проблема – слетаем!

Его даже просить не надо! Сам предлагает! Нет, свой парень – это здорово!

– Зал, наверное, закрыли, – предположила она. Нарочно грустно сказала, ведь теперь есть кому её ободрять!

– Проверим! – воскликнул Аким. – Наш класс там последним был, не дрейфь, телефон на месте, лежит и песенки поёт! А может, даже танцует! Обещаю!

– А если зал закрыт?

– А я скажу: сим-сим, откройся, он и откроется!

Господи! Неужели есть на свете такое счастье – свой парень!

Брели по коридорам, пустым и безмолвным, держась за руки. Теперь некого стесняться. Иногда Зимин притягивал Нику к себе, и они сталкивались плечами. И всё время, всё время Аким смотрел на Веронику как-то особенно, как взрослый, сверху вниз, свысока. Словно знал что-то такое, что Нике знать было рано.

– Что? Ну что? – спрашивала Ника и краснела.

– Ничего, – отвечал Кимка, мотая башкой, и странно улыбался застывшей улыбкой.

Дальше шагали. Нике хотелось почему-то на цыпочках идти, тихо и медленно. Да и куда было торопиться? Аким вновь притянул её. Ткнулся куда-то в щеку и попытался обнять.

– Не надо, – Ника высвободилась из объятий. – Зачем ты?

– Дымова, – вдруг строго, как учитель, спросил Кимка глухим голосом, – ты чего такая недотрога?

– Я?

Вот и ответ: Ника покраснела и выдернула руку. Дальше поодиночке отправились. Ника впереди. Повернули направо, к спортзалу.

С улицы в школу зашёл Кед. И сразу увидел парочку, вступившую в тёмный, без окон, коридор, ведущий к спортзалу. Влюблённые, блин. Витёк подождал, пока пара уйдёт дальше и, крадучись, последовал следом. Он-то знает: нет любви, а есть одни лишь инстинкты. Понятно, зачем Дымова и Зимин хотят уединиться. Инстинкты бушуют...

Вот и зал. Ника, а затем и Аким подёрнули дверь. Заперто. Но рука парня неожиданно наткнулась на ключ в замочной скважине.

– Минуточку!... – Зимин выдержал театральную паузу, поднял вверх левую

руку, торжественно произнёс «Сим-сим, откройся» и только тогда повернул ключ.

– Прошу, сударыня, – сказал, распахивая перед Никой дверь. И слегка поклонился.

– Спасибо, – Ника улыбнулась и благодарно взглянула на Акима, подумав: «Какой он всё-таки классный».

В зале было светло от струящейся в окна белой ночи.

Кетов тоже подошёл к залу. Сначала он хотел ребят напугать, не дать инстинктам проявиться. Влететь в зал привидением: «У-у-у-!» – и захохотать при виде изумлённых одноклассников: «Что, детки, испугались?»

Но потом передумал. Повернул ключ, торчащий в дверях.

Ещё раз довольно хмыкнул, потёр руки и на цыпочках удалился.

Телефон лежал в полусонном состоянии на гимнастической скамье, как Ника его и оставила.

– На месте, – кивнул Аким. – Я же говорил. Не поёт почему-то... Ну как же петь без хозяйки?

Ника проверила мобильник. Звонков нет, эсэмэски от бабушки, тёти Алины и мамы, конечно.

Все поздравляли Нику с окончанием школы. Можно было бы и не отвечать, но Ника всем отбила: «Спасибо!»

А потом растерянно посмотрела на Акима:

– А положить мне его в этом дурацком платье некуда. Сумочка в зале осталась на окне. – Не стала повторяться, но про себя опять подумала: «Ворона».

– Дай сюда, – Аким небрежно взял телефон из рук Ники, сунул в карман пиджака. Похлопал для пущей важности. – Не убежишь! – погрозил телефону, макушка которого торчала из неглубокого нагрудного кармана. И вновь посмотрел на Нику тем же самым взрослым взглядом. – А платье, сударыня, вовсе даже не дурацкое. Очень красивое у тебя платье.

Он окинул девушку взглядом снизу вверх. Взглядом к ней ко всей прикоснулся.

– Ты чего? – Ника покраснела.

– А что?

– Так смотришь...

– Ты красивая, вот и смотрю. Я люблюю!

– Да! – Ника фыркнула. – Как же!

– Ты сомневаешься в своей красоте? – удивлённо спросил Аким. – Правда сомневаешься? Ты в зеркало-то смотрелась?

– Сегодня смотрелась. Вчера, может быть, и нет. Я зеркала не люблю.

– Вот те на! Чем же они тебе не угодили?

– Они меня не любят.

– Это как?

– Так. Глядят на меня и смеются. И корчат рожи. И оттуда, из зеркал, смотрит на меня так себе девица – никакая.

Аким присвистнул.

– Странно... Никакая... Никакая, – Аким закусил губу и смотрел на девушку изучающе. – Что за зеркала тебе попадаются? Неправильные зеркала.

- Он отошёл на два шага в сторону, приосанился, хлопнул по груди, сказал:
- Представь, я – зеркало в полный рост.
- Ника засмеялась.
- Ну не смейся. Представь. Представила?
 - Такое зеркало... очень плотное.
 - У тебя воображение есть или нет? Вы, девчонки, мечтать умеете или нет?
 - Умеем, умеем, – Ника хихикнула, прикрыв рот ладонью, и сделала серьёзный вид. – Представила.
 - Смотришь в меня.
 - Ну... смотрюсь.
- Ника выпрямилась и в упор уставилась на Акима застывшим взглядом.
- Ты так всегда в зеркало смотришься? – спросил Аким.
 - А что? Да, так. Примерно так. А как в него надо смотреться?
 - Понятно. Зеркало умное. Показывает, что ты официальная чинуша, которая вообще не знает, что такое улыбка. Никому не улыбается, даже себе. Даже себя не любит.
- Ника улыбнулась. И теперь уже с улыбкой уставилась на парня.
- Так надо?
 - Вот. Уже лучше.
- Аким заулыбался в ответ.
- Что теперь говорит тебе зеркало? – спросил он и снова широко, неестественно широко, улыбнулся.
 - В зеркало забрался клоун. Он ржёт. Надо мной.
 - Ржут лошади, сеньорита. А я, зеркало, объявляю, что вы восхитительны! Кстати, в зеркале отразилось твоё имя. Прочти.
 - Акин, – неуверенно «прочитала» Ника.
 - Представляешь? Потрясно, да?
 - Ничего себе! Почти как твоё!
 - Буду звать тебя Акином!
- Посмеялись.
- Аким подошёл к Нике-Акину вплотную, бережно взял за пальцы её руку и поцеловал. Один раз, другой, третий. Может, Ника сериал смотрит? Сладкий-сладкий. Или спит и видит сон? Всё ужасно по-взрослому. Нике стало страшно. Приятно. Страшно. Приятно. Чего больше – нельзя понять.
- Ника...
 - Ты что? Пусти! Пусти, Кимка! – Ника изо всех сил тянула руку из Кимкиной.
 - Пустил. Всё!
- Аким раскинул руки, и Ника порхнула в сторону. Аким по-прежнему улыбался, как клоун в воображаемом зеркале.
- Ненормальный, да?
 - Ну почему ты так? – спросил он как будто издалека. – Ты ведь знаешь, что нравишься мне. Давным-давно. Ещё с марта. Знаешь, да?
 - Нет! – отрывисто ответила Ника и в страхе помчалась к дверям. Страшно ей

было оставаться наедине с Акимом. Ещё наделают глупостей! Ткнулась в двери и растерянно обернулась.

– Кимка... закрыто!

– Что? Как это – закрыто?

Аким поднажал на дверь плечом. Заперто.

– Странно.

– И что делать? – Ника страдальчески смотрела на парня.

– А чего ты паникуешь? Мы в двадцать первом веке! – Аким вытащил из кармана телефон и передал Нике. – Трезвонь.

Они направились в середину зала.

– Кому звонить? Номера физрука у меня нету, уборщицы нету, даже директрисы в моём телефоне нет, представляешь?

– Им как раз не надо звонить, дэвушк. Подумают сразу всякую фигню. Мы же с тобой одни.

– Ну да, верно. Может, Наташку набрать?

Наташа не отвечала.

– Конечно! Она что, с телефоном на шее танцует? Не слышит!

Ни Лада, ни Саша, ни Геля – никто не брал трубку.

– А телефон Стрекаловой у тебя есть?

– Ей я не буду звонить.

– Почему? Порадуй её сердечно. Расскажи, что тебя закрыли наедине с мачо, могучим и прекрасным, он распевает тебе серенады, смотрит влюблёнными очами и носит на руках.

– Примерно так она поступала со мной, – Ника вспомнила о записке Стрекаловой, которая обидела её весной. Это было всего-навсего весной, но Нике казалось, что с того времени прошёл целый век.

– Правда? – удивился Аким. – Она рассказывала о мачо?

– Да.

– У мачо было имя?

– Конечно.

– Я его знаю?

– Да.

– Он тебе нравился? Мачо этот?

– Да. Нет... Нет, конечно же, нет! (Как красивая открытка, как заокеанский артист!)

– Смотрите, сударыня. Я ревнивый и в ревности ужасен. – Кимка сделал уступающее лицо и зарычал, выставив вперёд руки с загнутыми пальцами: – Р-р-р-р!.. Так и плати ей тем же.

– Ага! Лопнет от зависти, и мы будем виноваты.

– Это точно, – Аким засмеялся. – Трезвонь парням.

– Из парней у меня только ты записан.

– Оп! Мне звонить не надо, телефон дома, разбудит ма-па. Ладно, Дымка! Мы же не в смертельной опасности. Посидим... давай сядем. Мне с тобой сидеть в кайф. Тепло. Светло. Мухи не кусают.

– Тебе тепло! – Ника поёжилась в своем открытом беленьком платъице.

Аким снял пиджак и накинул на плечи девушке.

- Прости за догадливость. Так лучше?
- Да. Спасибо. Во попали!
- Наверно, все уже разошлись, – почему-то мечтательно сказал Аким.
- Не может быть! Танцы были в самом разгаре! Тише! – Ника прислушалась, подняв голову к потолку. – А если правда все разойдутся, что нам делать?
- Ночевать тут. Я на канате вниз головой, а тебе всю скамью уступлю, – Кимка засмеялся, кивнув на гимнастическую скамью.
- Ты, Кима, шутишь, а мне совсем не до смеха. Я папе позвоню.
- Зачем? Он не сможет нас выручить. Нет, позвонить ему надо, предупреди, что ты в безопасности, что ты с надёжным товарищем и другом.
- Если я так скажу, он просто сойдёт с ума. Он же тебя не знает.
- Тогда не звони. Все выпускники до утра гуляют. Родители в курсе.
- Кимка, я тоже хочу гулять!

Аким уже лез по канату. Добрался до потолка, посвистел Нике.

- Эге-гей! Высоко сажу, далеко гляжу!
- Ну и что же ты видишь?
- Прекрасное далёко!.. Нашу свадьбу! Я играю на балалайке, а ты пляшешь «Барыню» и размахиваешь платочком!

Ника вздохнула.

- Аким, я никогда не думала, что в один вечер ты можешь наговорить столько глупостей. И все одна за другой, одна за другой.

Они сидели рядышком на гимнастической скамье. Ника на стенку оперлась головой и плечами, Аким вперёд наклонился и смотрел на её лицо. Её пальчики перебирал своими длинными пальцами.

- А я помню, как ты тут высоту брала. Помнишь? Тебе физрук планку переставляет и переставляет. А ты прыгаешь и прыгаешь. Берёшь высоту и берёшь...
- А вы орали: давай, Дымова!
- А потом орали: ураа! А когда сбила планку – скулили... Сколько ты тогда взяла?
- Не помню. Но физрук поставил пятёрку.
- Пятёрку. Ещё бы! Он сказал, что тебе надо заниматься лёгкой атлетикой. Ты послушалась?
- Нет, конечно. Времени и так не хватало.
- Ник...

Аким обнял Нику за плечи. Сначала просто положил руку ей на плечо. Рука лежала какое-то время спокойно. Пощекотала шею. Подёргала завитки волос. Ника сидела, замерев. А потом Кимка обнял девушку, прижал к себе. Ника повернула к нему голову, и они поцеловались.

Совершенно вдруг, совершенно неожиданно – для Ники.
Наконец-то! Долгожданно! – для Акима.

Сидели, обнявшись, укрывшись пиджаком. Ника уже не боялась Кима. Только стеснялась немного, когда он смотрел на неё сбоку. Она не знала, как выглядит в

профиль, и ей казалось – невыгодно. Поэтому она старалась повернуться к нему всем лицом.

– Ник, знаешь, мне кажется, нам правда придётся тут ночевать, – Аким нежно погладил её по щеке, подержал на щеке ладонь лодочкой. Убрал локон за ухо, поправил его, чтобы не выбивался.

– Каким образом, Кимка?

– А вон там, на матах.

– Нет, я не буду, – Ника забилась у него под рукой. – Я буду сидеть. Ни за что! На каких-то матах!

Вдруг оба насторожились. Услышали в тишине, как в дверях зашевелился ключ.

Ника, вынырнув из-под пиджака, бросилась ко входу.

В проёме раскрытой двери показалась ухмыляющаяся рожа Кеда.

– Привет! – развязно протянул он. – Что, наворковались, голубочки?

Он показался в дверях весь, и судя по его дёргающейся фигуре, был сильно навеселе. В его руке вихлялся из стороны в сторону синий воздушный шарик.

– Кед без шнурков! Это ты нас запер? – весело спросил Аким. – Ты, дружок, нарываешься, знаешь?

– Я-аа, – Кетов широко улыбнулся. – Спасибо мне, да? – Он заметил, что Аким не расстроен. – Успели?

– Что успели, ты о чём?

Витёк поводит перед лицом указательным пальцем. На палец надета петелька от шарика, и он тоже вихлялся из стороны в сторону с гулким резиновым звуком. Глазки у Кетова масляные, маленькие. Пьяные и похотливые.

– Зна-аем, зна-аем что... что надо... Дымова, ты такая сёдни аппетитная, можно я тебя обниму?

И полез к Нике обниматься.

Вероника отшвырнула его руки, залепила звонкую пощёчину.

– Ой! Сразу драться? – Витёк укоризненно посмотрел на Нику и перевёл блуждающий взгляд на Акима. – Видишь? Вот тебе и вся лю... любовь, Кима. Тебя она тоже лупить будет. Я чё пришёл-то... я чё вас открыл-то... там мечты запускают.

– Куда запускают, дурень? – не понял Аким. – Чего запускают?

Ника тоже посмотрела заинтересованно, хотя и искоса, – после пощёчины как-то неудобно смотреть с хорошим выражением на лице. Приходится разыгрывать оскорблённое самолюбие.

– Ку... куда! В небо. Че... чего? Мечты! Шары то есть. Бегите, ещё успеете. Вот я шарик Зиме принёс. А у Дымовой не... нашёл. Кто-то её мечту спёр. А мой... ик, – Кетов икнул, – лопнул. Ба-бах!

«Зря я его ударила, – сокрушалась Ника. – Он мог бы ведь и вообще не прийти, и мы бы вообще не узнали, кто нас закрыл. А я сразу – по роже. Ворона!»

Если честно, Ника всегда сочувствовала этому нескладному душой парню. Они всей семьёй жалели его. Когда родители Витька скандалили, а он был маленький и плакал на лестничной площадке, Дымовы уводили его к себе. Было даже такое, что маленький Кед ночевал у Ники.

– Кед, прости за ...– Ника думала, как поддипломатичней назвать свой наезд. Говорить «пощёчина» не хотелось. – За то, что ударила.
 – Да ладно, – Кед потёр обиженную щеку, – затрём.
 Кимка выхватил шарик из рук Кетова, схватил Нику за руку, и они понеслись на улицу.

Толпа выпускников стояла в сквере у школы. Любопытное зрелище – все под одинаковыми шарами, словно готовые запустить в небо зонды для грандиозного школьного эксперимента по физике.

Ника с Акимом успели вовремя.

– Запускаем одновременно – по ракетному залпу, – предупредила их Классная Лилия.

И вот Олег Иванович выстрелил из ракетницы. Одинокая красная ракета оставила в небе бесконечный белёсый след, словно белую верёвочку от красного шарика.

– Ура-а! – в сквере раздался мощный рёв в девяносто молодых глоток.

Шарики, словно испугавшись этого вопля, порхнули в воздух.

Только Аким не выпустил свой, а протянул Нике.

– Держи, Акин, крепко и не отпускай. Слышишь? Я не хочу, чтобы моя мечта улетела. И стой на месте, жди меня! Я через десять, нет, раньше, через пять минут буду. Слышишь? Акинка?

Ника улыбнулась: «Акин», «Акинка». Непривычно, необычно, смешно. Но потрясающе интересно!

– А ты куда?

– Сейчас увидишь! Только не уходи, ладно?

Кимка побежал в сторону многоэтажек, на ходу обернулся и снова крикнул:

– Не уходи, Аки-ин!

Шары разлетались. Несмотря на то, что все были одного размера, летели они по-разному. Опережали один другого, сталкивались, летели в противоположные стороны, попадая в разные воздушные потоки, подлетали к домам, заглядывая в окна, где спали горожане (а кто-то проснулся от крика «ура»). Один шарик лопнул, наткнувшись на голый тополиный сук.

– Лопнула чья-то мечта! – с сожалением сказал кто-то рядом с Никой.

– Интересно, чей шарик?

– Хорошо, что мы этого никогда не узнаем!

– А ты что же свой шар не выпускаешь? – спросила Нику Классная Лилия.

– Это не мой. Это Зимки... Ой, Кимки, – Ника смутилась и засмеялась. – Он сейчас вернётся и сам отпустит, если захочет.

– И правда – куда спешить? – согласилась классная и вдруг сама заспешила, зашуетилась, прижав к груди букет и сумочку. – Ой, ребятушки мои милые, вот такси! Я вас люблю!

Классная Лилия расцеловалась с теми, кто был поближе, и побежала к такси, остановившемуся неподалёку.

Все другие учителя уже давно ушли домой.

– Не забывайте школу! – крикнула Лилия перед тем, как сесть в машину.

Долго махали ей вслед, не заметив пафоса последней фразы.

Выпускной народ двинул в центр города. Традиция прошлых лет – выпускники всего города встречались в парке, как и в праздник последнего звонка. В нём всю ночь гремела музыка. Там тоже танцевали. Кто хотел, катался на теплоходе, который курсировал вдоль города туда и обратно всю сказочную июньскую ночь.

– Ты идёшь? – спросила Наташа Веронику. Славик Красильников уже дёргал Круглову за руку, торопил.

– Я жду Зимина, но он куда-то исчез. Надеюсь, вернётся!

– Догоняйте! – Наташа взяла Славика под руку, и они, словно жених и невеста, да не простые, а со стажем, отправились вслед за нарядными толпами.

Когда к Нике подъехала страхолюдная машина, у школьного крыльца уже никого не было.

Знакомый старый драндулет. Кривой. Без переднего бампера и с погнутым задним.

– Покатаемся? – выйдя из машины, спросил Аким с такой лучезарной улыбкой, как будто он только что сидел за рулём «порша». Он открыл перед Никой, как перед английской королевой, скособоченную дверцу.

– Ты что, издеваешься? – Ника, уткнувшись губами в шарик, засмеялась. – На этой машине только на кладбище!

– Почему на кладбище? У тебя прорезался чёрный юмор, Аким?

– Только там нас никто не засмеёт! Кимка, я не хочу насмешек! Ну ты её и уделал! – Ника обошла несчастную «шестёрку» со всех сторон.

– Так давай мы её и добьём!

– Ну уж нет. Я в эти игры не играю.

– Ты не хочешь ехать, потому что у меня машина красавица?

– Да! У нас прикид не для этой красавицы!

– Ладно! – примирительно сказал Аким. – Хорошо, – он покивал головой, поворочил светлый чубчик. – Согласен! Твоё платье и моя машина входят в диссонанс! Тогда подожди ещё пять минут. Подождёшь? Не сбежишь на кладбище? Ты вроде не готка? И не обормotka? На вот мой пиджак, заледенела совсем.

Кимка снова набросил на девушку пиджак, чмокнул в щеку (Ника не успела увернуться), шустро развернулся на кривой машине и скрылся в проёме домов.

Понятно, куда он бегал, – в гараж. Зимины жили рядом, и гараж находился во дворе.

Ника зашла в открытую ещё школу, поправляя то и дело сползающий с плеч пиджак. Несмотря на то что пиджак норовил сбежать, в нём было уютно. Он пах Акимом, его теплом.

Удивление вынесло Нику на улицу, когда она увидела в окно подъезжающую к крыльцу шикарную иномарку, на которой впору возить звёзд Голливуда или президентов любой страны. Эта машина не хуже «порша»!

Удивление вынесло Нику на улицу.

Зимин вышел из машины, обошёл её спереди, раскрыл перед Никой дверцу. Теперь точно – как перед королевой.

– Прошу, сударыня, – пригласил торжественно, и лицо у него при этом было тоже торжественное, он даже не улыбался.

– Ничего себе...

Отказаться от поездки в таком лимузине было бы верхом неуважения и к лимузину, и к его водителю.

Потрясённо села на пассажирское сиденье спереди.

– Кимка, отцовский?

Аким кивнул.

– А он спит?

Снова кивок.

– А тебе не попадёт?

– Не знаю.

Зимин завёл мотор.

Одиннадцатый «В» шёл прямо по дороге двумя нестройными шеренгами. Машин в четыре утра не было, а тем редким, которые всё же проезжали этим маршрутом, приходилось сигналить, чтобы молодёжь расступилась. Нарядные парни и девушки делали одолжение – нехотя пропускали транспорт и снова смыкали цепь. Так же и с Акимовой машиной было. Он весело просигналил. И ещё раз пробибикал. И ещё! Гудки сложились в музыкальную фразу. Народ удивился задиристым «би-би» и расступился, чтобы пропустить какой-то озорной автомобильчик. Ребята оглянулись.

– Стойте! Да это же Зима, ребята! Эй, Зима! Стой!

– Ух ты! «Лексус»! Вот это тачка!

– Зима, у кого угнал?

– Ему подарили! У него же отец крутой!

В машину на заднее сиденье набилось с десятков парней. По крайней мере, Нике так показалось. Суматошные, вопят – каждый своё, стёкла опустили, головы выставляли наружу. Ветер развеивает чубы Витька и Тимошки.

– Гони, Зима!

– Газу, Кимка!

– Что ты плетёшься, как черепаха!

– На такой-то тачке!

– Кимка, останови! – крикнула Ника наперекор этим воплям.

Никин крик забил густой мужской смех. Что случилось с Акимом? Его не узнать! Взглянет на Веронику, подмигнёт, переведёт взгляд на дорогу и смеётся. Нет, не смеётся, а ржёт! Рот раскрыл, не рот, а ворота! Обернётся на парней, что-нибудь скажет смешное, и снова гогот. Перед одноклассниками выставляется?

Нике не нравилась эта компания. С этой оравой и Аким совершенно другой. Дикий! Как будто не только машину, но и себя переключил на пятую скорость. Ребят, конечно, можно понять: школа закончилась, об этом давно мечтали, ностальгии у парней – никакой, это не девчонки-хлюпалки, которые в школе утирали глаза платочками. Парни-соколы рвались вперёд – по этой дороге, по жизненной.

Кимка вошёл в раж. Роскошная машина, которой он самостоятельно управлял

впервые, лёгкость этого управления, сплошная автоматика, никакой тебе коробки передач, знай только жми на газ. Подзуживания парней тоже делали своё дело – он что, ботан? Никогда ботаном не был – чего сейчас осторожничает? Дорога располагает – ни одной машины, знай только шпарь!

Он и пошпарил. Счастье просто выпирало из него. Ника – рядом! Наконец-то рядом! Добился её расположения! Кругом – красота, белые ночи! Красивый у них северный город. И Ника – красивая! Если он уедет отсюда (с Никой, конечно!), то будет скучать по этим белым ночам, по огромным деревьям, по фонтанам на каждом углу.

И конечно же, по своим ребятам. «Свои ребята» кучками направлялись в парк, «свои ребята» видели, как по дороге на бешеной скорости пронеслась шикарная иномарка.

Ника никогда не ездила на такой скорости и уже простилась с жизнью, сжавшись в комочек на своём сиденье. Пиджак был накинут на плечи, и под ним она казалась маленькой птичкой, замолкшей от страха перед надвигавшейся грозой. Синий шарик лежал на коленях, Ника прижала его к себе, словно подушку безопасности.

Она несколько раз просила Зимины остановиться – он как будто не слышал, только посматривал иногда сбоку – коротко и бесшабашно. Она и замолчала пришибленно.

И только тогда, когда Кимка, не сбавляя скорости, проскочил на красный свет, не выдержала и закричала:

– Кимка! Стой! Красный!

Красный? В голове Акима что-то щёлкнуло. «НИКОГДА НЕ ЕЗЖАЙ НА КРАСНЫЙ!» – вспомнились слова отца, казалось, вбитые в мозг. А вот и не вбитые! Он пролетел на красный и не заметил, и никто не заметил, кроме Ники. Неужели он проехал на красный?

Стопаньки...

Он же не сумасшедший, не пьяный.

Аким сбросил газ и резко припарковался к обочине.

В салоне сразу стало тихо.

– В чём дело, Зимка? – удивился Тимошка.

– Всё, парни. Приехали. Вылезаем.

– А в чём проблема? – спросил Ганов. – Бензин кончился?

– Я на красный свет поехал. Не заметили?

– И что? Никто не видел. ГАИ дрыхнет.

– Я сам себе ГАИ. Дальше – ножками. Вываливайтесь.

– А Дымова?

– А что Дымова? Мы с ней тоже ножками пойдём. Да, Ник?

Ника пришла в себя. Открыла дверцу, выскочила и побежала в сторону парка. Бежать в длинном платье было неудобно, Ника подобрала подол рукой. И бежала, бежала от дикаря Зимины и компании. Синий шарик сопровождал её, неразборчиво отскакивая вперёд-назад. Полы Кимкиного пиджака развевались в разные стороны.

– Что это с ней? – спросил Папуас, кивнув через окно на тоненькую фигурку, бегущую впереди, и засмеялся. – Невеста без места!

– Вываливайтесь, блин! – заорал Кимка. – Кому говорят!

Тимошка Ганов, Витёк Кетов-Кед, Колька Лемешев по прозванию Папуас, Никита Беспрозрачный, Олег Шитов – вот сколько пассажиров умещалось на заднем сиденье! Кто-то у кого-то сидел на коленях. Вылезли и кучей побрели в парк над рекой, нарядные и большие.

– Любви нет, – заученно бросил Кед, сделав два шага и обернувшись к Акиму. И добавил почему-то Кимкину фразу: – Точка ру.

– Пошёл вон! – крикнул Аким.

Кед и пошёл. Незлобный и глупый.

Аким полегал головой на руле, ругая себя последними словами. Вёл себя, как пижон. Проехал на красный. Не слушался Нику. Обидел... Он поставил локоть на руль, погрыз костяшки пальцев в досаде и вдруг выскочил из салона. Хлопнув дверцей, побежал в сторону парка, на ходу обернувшись, нажал на ключе зажигания кнопку машинного замка и бросился искать Веронику Дымову со слабой надеждой, что она его простит.

В старом парке столетние тополя с морщинистыми стволами перемежаются с такими же старыми берёзами. То тут, то там весёлые голоса, смех. Кучки, толпы, парочки юных, сумасшедшее красивых выпускников. А Ника – одна. Ей плохо.

«Он безответственный. Бесшабашный. Я для него никто. На него никакой надежды! Зачем мне он? Зачем? Уеду! Забуду!»

Ника тряслась от злости на Киму. Всё было так чудесно! Первый поцелуй. Объятия. Его тёплые ласковые глаза. Его сильные руки. Она думала, жизнь её переменялась! Она рассталась со школой, но не с Кимкой. Она даже начала думать... да, да – что любит его! Да! А теперь – он всё перечеркнул! Всё кончено! Кончено, почти не начавшись. Ника криво усмехнулась.

«Отдам пиджак и шар его дурацкий, и пусть катится куда хочет». Ой, правда. Ведь на ней его пиджак, с ней – его «мечтательный» шар.

Злость улетучилась. С ней его вещи!

Повод для встречи. Ника остановилась и развернулась.

– Я смотрю – мой пиджак без меня гуляет! – Аким вынырнул откуда-то сбоку. – Спасибо – ночь белая, а мой пиджак серый!

Ника сняла пиджак и молча протянула Акиму. Она была хмурая, и губа закушена – как всегда у неё, когда ей что-то не нравилось.

Она мельком взглянула в его смеющееся лицо. Обещала себе – даже не посмотрю на него! Но не смогла – взглянула. Те же тёплые глаза. Та же нежность.

– Ты проехал на красный.

– Красный – прекрасный. Никогда. Больше. В жизни.

– Да? Никогда? А как насчёт оголтелости?

– Оголтелости? Я был голым телом в машине? Извини, не заметил!

На такого клоуна возможно разве сердиться? Ника засмеялась.

– Ну а диким ты часто собираешься бывать? Полная машина дикарей!

– Диким? Диким я, наверное, всё-таки буду. Иногда. А ты будешь дикое растение поливать и лелеять.

– Я ещё подумаю!

– Ника-Акинка, не сердись. Я твоя половинка. На всю жизнь.

Господи! Он ещё и стихи сочиняет!

Аким, похоже, и сам удивился складности своей речи:

– О, с тобой я уже поэтом заделался!

Посмотрели друг на друга, рассмеялись. А потом он взял её на руки и понёс.

Одиннадцатый «В» стоял на мосту через городскую речку Слостёну.

– Народ, нужно монеты в воду кинуть, чтобы вернуться в отчий дом, после того как станем великими! – вспомнил Тимошка.

Он, конечно, юродствовал, как часто это делал, но к его предложению отнеслись серьёзно. Стали искать монеты, передавать друг другу. С моста в воду посыпалась мелочь.

– А у меня нет денег. Вместо денег я кидаю ключ от квартиры, смотрите! – Витёк показал связку ключей и, бравируя, бросил в воду.

– А что? И я тоже могу!

– Да ребята, бросайте всё на фиг! Всё, что есть!

– Ура-а! Избавляемся от ненужного хлама!

– Мобильник кидаю! Всё равно менять надо!

В воду полетел телефон. Косметичка. Ещё один ключ. Ещё один мобильник.

Шум, гам, свист над безмятежной рекой.

И тут в конце аллеи показался парень. Он нёс на руках девушку в белом. Дымову и Зимина узнали. Шум, гвалт, свист разом стихли. Никто не произнёс ни слова.

И даже взошедшее вечное солнце не смогло лишить их безмолвия.

– Ты самая красивая, Ника-Вороника.

– Ты назвал меня Вороника. – Ника подняла на Акима смущённый взгляд. – А я и правда ворона. Телефон опять оставила в зале...

– Да здравствует самая красивая ворона на свете!

С ближнего тополя отозвалась серая птица, одоббив его слова.

Да разве бывают некрасивыми девчонки?

Черновикъясыс

* * *

Автобус миян кайö ыбö.
А сэсся воас Вичкодор,
И быттьö енэжтасас лыбан
Да пельпом сайсьыд кылан борд.

Сэн, улас, ставыс синлы судзтöм,
А тан,
Кыз Пушкиннымлөн стих,
Лöz ыбыс чайтсьö морыс судта,
А вичко – енэжас нин дзик.

И ставыс важся кодъ на топыд, (лöсьыд)
Но таын бурыс абу ен,
(И нимкодъ гөгөрвоны мем)
А (мый) йöзыс кутöны важ опыт, (слöйсö)
Дай выльыс унатор нин эм.

...Веж зорöд мичмöдö быд пельöс,
А сідзкö, некод абу дыш.
А пыкөдъясыс – уна пелыс,
Быд зорöд – быттьö шлывгысь пыж.

Тайö кывбурсö панлі коркö 1982 воын кымын. Пётр Федотович Шахов, Иван Григорьевич Торопов, Владимир Александрович Попов да Егор Васильевич Рочев мөдөдчөмаöсь ыбö выступайтны. Ме стöч пыри «Войвыв кодзув» редакцияö, и найö мырдысьөн нуөдісны аскөдныс.

Ыбын оліс зэв бур гижысь и шань морт – Владимир Иванович Безносиков. Гижысьяс радейтісны гөститны сы ордын да выступайтны сэтчөс клубын.

Воим ыбö, став котырөн пырим Безносиковъясö. Көзяиныс помтөг нюмъяліс да шутитіс. Чай юөм бöрын мунім клубö. Кор петім сцена вылас, ме шöйөвоши: зал тырыс йöз, помсянь помөдз, быттьö мазі поз.

Медводз сёрнитіс Пётр Федотович: кызди журналса редактор, чолөмаліс ставöс да аттьöаліс

ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВ

Евгений Валерианович Козлов (Евгений Валериан) чужис 1960 воын Емдін районса Эжолты деревняын. 1990 восянь уджалö Коми печатъын («Войвыв кодзув», «Чушканзі»). Е. Козловлөн асшөр книгаяс: «Водзкыв пыдди», «Узьтöм войяс», «Кык книга», «Кык джын», «Коймөд аттьö». Комиöдö роч да финн-йöгра поэтьясöс. 2012 восянь Россияса гижысь котырын.

локтөм йөзсө, и торйөн Владимир Ивановичөс, мый век шоныда примитөны Ыбын. Водзө казтыліс томдырсө да виль гижөдъяссыс мыйкө лыддис. Йөзыс зэв сюся кывзисны, вежавидзөмөн коръяскө клопайтисны.

Сэсса кыв босьтис Иван Григорьевич... Татшөм выступайтөмсө ме некор эг кывлы. Медводз шыасис зал дорө: «А ті төданныд, кутшөм сиктын оланныд?» Йөзыс мыйкө шөпкөдчыштисны, а Иван Григорьевич сэтшөм кыпыда нуөдіс водзө: «Ті оланныд Коми муын медся дженьыд нима да медся кузь сиктас!» Йөз шызисны – збыль өд пө, збыль!.. А Иван Григорьевич нин лыддьөдлө Ыбө пырысь грездъяссө. Сэсса вуджис аслас Койгорт гөгөрө, казтыштис муса Гургансө да кызди найө олісны вок чукөрөн мам-батътөг, кызди сылы челядь арлыдөн на ковмис кайны вөрө уджавны. Залын пукалысьяс ськөд сёрнитисны. Збыльысь, ме ташөмсө сэсса некор жө эг аддзыв. А сійө ыззьө и ыззьө. Кывбурьяс лыддис, весиг сьылыштис. Дзөнь час сёрнитис. Коркө лөнис жө. Пуксис. И залыс ланьтис; көнкө, ставсө переживитисны Иван Григорьевичкөд.

И друг чөв-лөняс кыліс Пётр Федотовичлөн буксан гөлөсыс:

– Талун тані мянкөд том морт, журналлөн виль автор. Корам сійөс сёрнитыштны.

А колө шуны, ме таөдз неважөн гижі Ловъя би йылысь кывбур, и Пётр Федотович унаысь шуліс, ме пө тэнсьыд кывбуртө быд встреча дырйи лыддя... Ме пукала, ог лысьт чеччыны. Сійө бара видзөдліс мелань да шыасис зал дорө: «Корамөй!»

Блин, татшөм позорсө ме некор эг төдлы! Чеччи, пөдөм гөлөсөн лыдди и юрөс өшөдөмөн бөр пукси. Зал корө висьталыштны ас йылысь. Окота вөлі воштысьны. Ме пыдди зэв пөся висьтасис Иван Григорьевич.

Та бөрын сёрнитисны Владимир Александрович, Егор Васильевич да Владимир Иванович. Бура сёрнитисны.

Мунөм водзас бара на пыралім Безносиковьясө, чай юим и пажнайтім. Ыджыд-джык ёртъяс весиг румкаасисны, а ме эг... На водзын яндзимкодъ вөлі.

Но ветлөмыс кажитчис. Карө локтөм бөрын либө автобусас на... чужисны тайө строкаясыс. Но водзө эз мун, өнөдз кабала чукөрын туплясис. И шыбитны жаль!

Мөдысь Ыбө веськавлі уна во мысти. Владимир Ивановичкөд прөщайтчыны нин...

* * *

Аръявылыс Эжов кыр йывсянь уна во видзөда вадорув и мөдлапөв вөр вылө да дивуйтча, кутшөм мичаөсь сэки нияяс. Армияөдз, пока олі-велөдчи гортын, тайө серпассө аддзи быд во. Кор медводдзаысь волі Удораө, бөр мунігас, Кослан аэропортысь лэбзьөм бөрын, иллюминатор дорсьыс ородчывны эг вермы: ниясыс быттө югыд сисьяс, быттө енмыс найөс пасйөма. Ылысянь тыдалөны: со эстөн чукөр, со бара! Көнкө визьөгыс орлө, и Емдін районуын Эжов весьтө воигөн бара заводитчө.

Миян деревня дорын матө кык километра ниа сикасъясыс... Сэсса Көччойяг. Сэтысь уна воөн арталі дас өти ниа. Кар дорын абу, сөмын вайөм да садитөм.

Та йылысь көсийлі гижны мыйкө кывбура цикл сямаөс, но сідзи эз и югды.

Самолётным му бердсьыс друг орөдчис.
Рейсыс вөлі Кослан – Сыктывкар.
Менам кызкө төдлытөг друг горөдсис –
Улө коли сэтшөм мича ар!

Мозын ю сэн сьомга чутөн лөсталіс,
Эз на тэрмась дорны сійөс йи.
Но а арыс парма кудйын өзталіс
Виж, и гөрд, и зарниасьыс би.

Ачыс шонді төдчымөнъя чусмө нин,
Но а пуяс гажөдоны син.
Шонді пуксьөм бөрын быттө куслөны,
Аски бара воссяс налы ин.

Самолётным гөвкъялө да катласьө.
Вөрсә ёльяс лента кодьось дзик.
Быттө школьник корсьө ичөт атласьыс,
Корся ассьым ичөт-ичөт сикт.

Коркө 1987 во.

Дженьыдик киносценарий

Лабич вылын пукалоны деда-внука. Том морт салдат формаа на. Сёрни коставлөм бөрын дедыс друг юалис:

– Тэ нө көмтө кутшөм размер новлан?

– Сорок пятойөс...

– Бабө, кылан? Ноко, петкөдлы татчө выль көмкоттө.

Бабыс петө киас тубрасөн.

– На, Миша, суйлы кокад тайө тюпельсө, – мыччис внукыслы лакируйтөм көм. Мөдыс ружиктіс, но босьтіс дедыслыс «козинсө».

– Ладмө тай.

– Сідзкө, гөдитчас!

...Миша вежон сайын на и воис салдатысь да дойяссө бурдөдалө, шойччө дед-баб ордас. Сьөкыда доймавліс, госпитальын вальмасис, сэсся вөзйысис гортас.

– Ладмис, онкө... – пөлыс бара на дөжналіс, көть аддзө, мый «лючки». – Но и бур. Öні ми тэа-меа öти көмкот гөзйөн и прөймитчам. Öз нин ковмы шыблавны – меным веськыд пөлыс, тэныд шуйгаыс.

Дедыс курыда нюмдіс... Гөгөрвоис, мый эз ладмы шуткаыс, внукыс весиг эз нюмдышт, көть нин мода вылас.

– Да-а-а!.. Со тай кызди овлө, братанө! – сөмын и кывкөрталіс сэсся.

Дыр чөв олісны, шпуткисны самосад. Нөгыль тшын синъяснысө сөйис. И таысь ли мый ли, синватор оз-оз дай мычасьлө деда-внукалөн кос син доръясын.

* * *

...А тані миян дзордзалё миндаль.
Сідзкё, регыд дембель – гортё локта.
Мамё, меным сетісны медаль,
Жаль, но сійё тышас лои коктём.

Вая тэныд нёшта өти шог,
Көть и ловйён воа чужан гортё.
Но а Витька, медся матыс ёртёй,
Мамыс дорё ловйён оз нин лок....

Ладнё, мамук.
Нормөді тай дзик.
...Кутшөмджыка овланныд ті сэні?
Төдан, мамук,
Миян ичөт сикт
Сэтшөм частё вөтын усьлі меным.

Өшинювса льёмным – еджыд роз.
Том йөз быттьё гажөдчөны клубын.
Кыдз нин сэні олө-вылө Люба,
Менё пыр на виччысьё ли оз?

Ми өд вермим лоны шуда гоз,
Чужтім эськө нылөс, сэсся пиөс,
Сэсся... Ладнё, көклөн кутшөм поз,
Медын мыйкө сотчис тайё биас.

Воа, пета сиктё – ыджыд, ён,
Бөрсянь шуас жалитөмөн кодкө:
«Кутшөм эськө вөвлі удал зон,
Сөмын, коньөр, лоёма тай коктём...»

Нөрыс весьтын, көні кывтё ю,
Көні төвру небыдика пөльтё,
Рытнас лабич вылө пуксям пөлькөд:
Кык салдат.
Кык коктём.
Кык дзор юр...

1996 во.

* * *

Отка баба. Мужикыс коркө кытчөкө мунлөма и бөр абу локтөма. А сійө быд рыт сувтө өдзөс водзас да панө ськөд сёрни, встречайтө – мыйыскө видө, мыйыскө ошкө. Сэсса чай юоны.

...Кутшөмкө рытө баба телевизор видзөдө. Другыс чеччө креслөсьыс да юалө: «Өдзөсаным быттьө звөнитис кодкө! Ветла, юала... Васюк, тайө тэ?»

Броткө Васюк вылас: «Бара сёрмин! Көни нө та дырасө келалін, а?» и с. в.

Пызан сайө пуксьоны да мыйкө казтылыоны, ёрта-ёртыслы выльторьяс висьталөны.

...Суседьясыс нин майшасьоны, врачөс и милицияөс колө пө корны. Көни нө пө мужикыд? Гашкө, виин?! Жежин али мый?

А сійө:

– Да эг кеж... ни ог шогав... прөстө велалөма. Мед быттьө абу өтнам.

90-өд вояс.

* * *

Сцена вылын: стenas өшалө уна-уна ружье. Чеховлөн мөвп серти кө, стенин өшалыс ружье коркө быттьыс лыяс.

...Ворсьоны Чеховлыс пьеса, и друг кутшөмкө здукө өти ружье лыйө. Ставөн чурмунлөны. Ыджыд кост... Ворсысьяс заводитөны сорлавны текстсө. Сэсса кызкө водзө ворсьоны. И бара лыйө ружье. Кодкө улөснас пөрө, кодкө бөрддзө, кодкө вөсни гөлөсөн чилөстө: «Но мыйта позьө?!»

Вооны ас выйө, заводитөны ворсны водзө, но дзик мөд пьеса.

Помассьө сійөн, мый стенин өшалыс став ружьыс пондөны лыйсьыны, и артмө аслыспөлөс мелодия – то ли марш, то ли реп; разнөй пьесаясыс фрагментьяс.

Сцена пельөсас пукалө важиник халата ань, кок улас ва ведра да тряпка. Вугралө. Лыйсян шы улө друг палялө, делөвөя чеччө да тряпканас өвтчөмөн босьчө вөтлавны ворсысьясөс сцена вылыс: «Всё, господа актёрьяс. Ружье лыйс! Пьесалы пом...»

Сійөс өдва тойлалөны занавес сайө.

Недыр мысти воө полиция наряд: «Мый тані тиян вөчсьө?! Граждана жалуйтчөны, лыйсьөны пө...»

Бөрья ремарка: дзик сцена дорышас петө актёр да шөпкөдөмөн юалө: «Коді ме? И кытыс?!»

90-өд вояс.

* * *

Овлö, вежöрад жуö быдторйыс, и он тöд, мыйджык мешайтö унмовсьны. Чеччылан, öзтылан лампа, мыйяскö гижыштан. Би кусöдлан да водлан, но бара... И сöмын коркö асьядорыс унмовсян. Код тöдас: быттö воö кутшöмкö мöвп, кодöс колö вöли гижны тэн, и тэ гижин, а сийö сетис юөр: «Всё! Позьö узыны. Менö пасйöма лои...»

Овлö, водлан нин, но бара на оз узьсьы. Сидзкö, абу на главнöйсö пасйыссьöма. Мыйкö эм на чуткасьысь да чуккасьысь.

Жель кыскалöм кодъ.

Талун желльыс эз шед...

90-öд вояс, вой.

* * *

Коркö вöйна водзас на Улляни аддзылöма вöт: быттö пö Кырйив муяс сайын, Курöг керка дорö мунан трöпа помас, чукля пу вылын Сталинлөн портретыс. И быттö пö эжовса мужикъяс мунöны удж вылö, заворсö вуджöны да быдөн Сталинлысь портретсö вештылöны. А сийö шуö: «Було-було...» И мортыс вошö.

Ассьыс вöтсö Улляни медводз висьталас мужикыслы, а сийö шуас: «Тэ вай тайöс сэсся некодлы ин висьтав!» Но Улляни став бригадаыслы висьталас. А йöзыс на и шуалöны: «Но и Улляни. Да öд тэнö таысь пуксьöдны вермасны!» А кодкö шуас: «Но, сидзкö мужикъяснымöс бырöдöм лоö на, татшöм вöтыд абу прöста...»

Вöрын уджалигөн Улляни коркö миянлы петкöдлис: «Бабаясö, татшöм чукля пожöм вылын и вöли Сталиныд».

Сэсся ми унаысь ваксьывлим, аддзам чукля пу да шуам: «Улляни, тö Сталина пожöмьд!» Но сийö век шулис: «Абу, бабаясö! Первой пожöмыс вöли нач вöтын койд, а тайö абу...»

*Гижли Анна Александровна Туисовалөн кывъяс серти.
Чужлöма сийö Эжолын 1919 воö.*

* * *

Кор мöдöдчö тувсов шор, ёг-лöп и кольöм вося турун нуö. Сэсся кутшöмкö чукыльö чукöрмö ставыс – ва сувтö, туö, но поромсö водзö нуны оз вермы. Колö ортсы вын.

Дзöлядырйи уна тулыс ветлöдлим шоръяс пискöдавны. Поромсö бед помөн вöрзьöдан, и кызди тай мöдöдчас! Гажаа, гораа, тувсов лымнас сяльгöмөн...

Редакторлы сидз жö ковмывлö вöрзьöдны кыткö, бергöдны, вежны гижöд руслöсö. О, кутшöм вын прöстмывлö!

2000-öд вояс.

* * *

Ак, кутшөм чөскыд зараваыд! Медся нин пес каригөн. Кыдз пуястө пөрөдасны, и быд мырйө чер нырөн вөлі кодъям кык содз тыръя гөпина.

Зараваыс сөдз... Мед көть и керасьөм лөптыс уялө, мыкыртчан да ырситан – у-у-у!

Асывнас локтан дялянка вылад да медводз войнас артмөм йисө някалан. Чө-ө-өс-кыд!

2018 во.

* * *

Баблөн керкаыс... Стөчджыка кө, Сень Миш Вань Пантиль дедрөн... сулаліс эжовса вичколы паныд. Быд лун сійөс аддзим. И енъясыс кө сәні эз нин вөвны, ан-дельясыс пыр на олісны. И гуляяс.

Миян баб, тётя Анна либө мама век нин казътыштлісны, мый талун... Рөштво, Тувсов Иван лун либө Василей лун. И быть пөжасьлісны. Да, өні некодлы юөрсө вайны...

Дедө, ветлам гычтө кыйны

Гожөм шөр. Югыд войяс. Пукала общежитие комнатаын восьса өшинь водзын да видзөда ывла вылө. Оз узьсы. Мыйкө окота лои чужан сиктө. Ытва дырйи медбөръяыс ветлі, а өні экзаменьяс, и сөмын юль помас, гашкө, удайтчас ветлыны гортө.

Мый бара дед вөчлывлө-а? Лунъяснас, дерт, кильчө вылас петавлө. Пукся пемыдгөрд краскаөн мавтөм лавич вылас да любуйтчө өшинювса саднас, кодөс садитліс муса бабным, либө видзөдө Важэжва ты вылө.

– Выйым абу нө кодкө тавун ва вылас? – юалас потшөс вомөн вуджыс Ваня воклыс, коді сөмын на кайис вуграсяніныс. Сэсса, кор Ваня висьталас бөтайтчысыс йылыс, вежсьөм гөлөсөн юалас: – Черийд нө шедышти көть?

– Каньлы пумөн шеді, – нюмсорөн вочавидзас Ваня. – Сашкалы тавун этша шеді, а Лёнялы месьс унджык. Сылы кык ыджыд ёкыш да прамөй ыджыд сирпи шеді.

– Но, сідзкө тай шедө. Ноко, петкөдлы черитө. У-у, куш йөрш да...

– Йөршыс өд чери жө. Олас.

Кор ичөт зонкаөн вөлі, гортө пөшти эг и воывлы, лун-лун дед дорын бергалі, кори, мед мойдыштас. А сійө:

– Тэ шуан мойд, ме шуа мойд. А гөрд ош йылыс мойда ог?

– Мойд, – радпырыс шуа ме.

– Тэ шуан гөрд ош йылысь мойд, ме шуа гөрд ош йылысь мойд, а лөз ош йылысь мойда ог?

– Но, дедө, мойд, – кора ме.

– Оз позь лунын мойдчыны, лөшкакысд пышъясны. Рытнас лок, да сэки мойда.

А рытнас ужнайтөм бөрын водас порогув крөватьё, ми сы дорө ладмөдчам, и босьтчас висьтавлыны важ олөмсө. Висьталө и висьталө помтөг. Баб вөлі шуас:

– Пөръялін тай.

– Мыйла пөръялі, тадзи и вөлі да.

Зэв уна висьтавліс чери кыйөм йылысь. Томысянныс радейтлөма кыйсьыны. Батыскөд и Эжва вылын сырплөмаось, и Важэжва вылын тывъявлөмаось, и арся войясө таркөдчөмөн бөтайтчылөмаось.

Өтчыд ськөд татшөмтор лоөма. Муні пө удж бөрын гымга кыявны. А делаыс вөлі төлын, да нөшта и турөб лыбис. Муна пө, муна, коркө вои гымга дорад. Пемыд, нинөм оз тыдав. Гымга лэпті, мешөк паськөді да кисьті кыйдөссө. Гымга бөр вөйті, юкмөссө лыскөн вевтти – и гортө. А мешөкыс прамөй сьөкыд. Гортө вои да кыйдөссө кисьті ыргөн тазйө. А сэні... Но манакө! Таз тыр лягуша – вижөсь, нильөгөсь, вөрөшитчөны. Весиг Мурка каньным повзис. Мөд луннас эжовса мужикъяслы висьталі та йылысь, да ёна и ваксисны.

Воясыд өдйө лэбөны, и том йөз быдмөны-верстяммөны, а пөрысьясыд ляпкалөны да жебмөны. Тадзи и дедкөд лои: частөджык пондіс норасьны поведдя вежсьөм водзын висьөмъяс вылө, шочджыка пондіс ветлыны войколөн чери кыйны. «Дедө, ветлам коркө Важкуаад гычасьнытө», – унаысь корлі зонкаөн. «Но, коркө ветлам, ветлам...» – көсьйысьліс сійө. Но сідзи эз и удайтчы ветлыны. Ва дорө лэччан туйсө дед мөдіс вуджны шойччалөмъясөн, сьөкыда лолаліс, а восьса вомсьыс помтөг петіс: «Вииниии, вииниии, вииниии...» – быттө сьыліс вомгорулас кутшөмкө помасьлытөм да гажтөм сьыланкыв.

– Дедө, мудзин? – юала сылысь, кор сувтас Вичко пурысь потшөс дорө.

– Час, шойччыштам да водзө каям.

– Вай ме тэнө йөткыны мөда, – вөзъя кыр паныд вольалысь дедлы да кыкнан киён мышкас мыджсьөмөн вынысь йөтка сійөс водзө.

– Ой-ой-ой, – челядь моз ышмөмөн шуалө сійө да тэрыбзьөдлө вольковъяссө. Но менам вын дыр кежлө оз судзсьы, ачым нин сьөкыда лолала.

– Тадзтө эськө и кокныдджык да, – менө ошкөмпырысь шуө сійө.

– Дедө, кор ме ыджыда быдма, машина ньөба, сы вылын мөдам ва дорад лэччывыны, и гычасьнытө ветлам. Да өд?

– Да, – ышловзьө сійө.

Та бөрын лэччывліс на ва вылө. Арнас вөлі кыснасьны ветлывлө. Коляса местаяссө бура төдіс, став Важэжва пасьталаыс. Дерт, тыртөг гортас некор эз воы. Мукөд лунө вайліс таз тыр мича ёкыш.

Төвнас ськөд ветлывлі йи вывьянь вуграсьны. Меным оз шед, а сійө велөдө: «Тэ ин ёна стракайт, кокниндзика дернитав, сэки блеснаыд посни чери моз ворсны мөдас. Сэсса шондіа лунө виж блеснаөн бурджыка шедө, а кымөра лунө еджыд колө. На, босьт. Ме тайөн төрыт эстысь дас ёкыш лэпті».

Ме радла – чериыс и збыльысь шедны пондө.

А сэсса дед весиг керкасьыс геждө петавны мөдіс. Ме ньөжйөникөн сы-

лысь став блеснасö новлі, а бötъяссö сетіс папалы. Ачыс войяссö оз узь, думайтö мыйкö.

Гожöмнад вöлі петас вичкö дорö, кытөн эжовса войтыр чукöртчылісны рöзвод вылö. Пукалö накöд, варовитö.

– Пантиль вок, черитö кыйны тай он лэччыв, – шуас кодкö мужикъяс пиысь.

– А, ветлыссис тай, – вочавидзас дженьыда.

Рытнас бара петас вичко йөрö, совхозной төчила дорын төчитчысьяскöд варовитас, удж бöрын чери кыйны мöдöдчöм мужикъяскöд сёрнитас:

– Мый нин, бötайтчыны мöдін?

– А, бötсö кöть кötöдла, дыр нин прöста öшалö.

– Но лэччыв, лэччыв. Лöнь тавун ва вылас, чери вөрзöмөд тыдалас...

Видзöдласнас колльöдас мортсö ва дорöдз, локтас керка дорас да пуксяс лавич вылö.

– Мый нö, – шуалö меліа каньсö шыльöдигмоз, – чери колö? Ноженэсе Мурö... Водзсö вöлі менö кум дорöдз коллялан и воча волан. Да-а-а. Öні тай со ог вермы. Пöрысьми тай, пöрысьми...

И бара дыр видзöдас рытъя шондi водзын лöсталысь Важэзва вылö.

Тайö лунъяссö, гашкö, тадзи жö пукалö кильчö вылас, мыйкö юасьö Ваня воклысь, ачыс мыйкö висьталö. Унатор сійö вермас висьтавыны Ванялы, кыдзи и меным коркö. Но оз нин вермы лэччыны ва дорö, оз вермы петкöдлыны чериа местаяс, оз вермы велöдны чери кыйны. Вермас сöмын öтитор: аслас висьтасьöмъясөн велöдны ёнджыка радейтны вөр-васö. Таö асьсö сійöс коркö велöдліс дедыс.

1982 во.

* * *

Кольöм во гожöмнас выходной кeжлö «Заряөн» гортö лэччылi. Жар пивсян бöрын чукöртчим ыджыд пызан сайö – ставөн банйыштöмаöсь, томмыштöмаöсь, кокниа ышлолалöны. Чай юигмоз сёрниö воим. Ёнджыкасö горт гөгөр уджъяс йылысь. Баб бöратіс*, миянлы пö эськö сад йөр ытшкыштны колö, чорзыны нин мöдiс туруныс, дай пон-кань келалöны да лякöны.

Мöд асывнас дышпырысь жö эськö чеччи; важöнокодь нин эг узьлы гортын, да гаж бырöма. А кутшöм тай лöсьыд вöлöма! Но, нюжмасьышти, мысси струба дорö лэптало м дэбыд ваөн, кокныдика пасьтаси, чай юи, босьтi төрыт рытсьянь нин папаөн дасьтöм бор турун ытшкан коса да довги сикт кузя дед-баб ордö.

Луныс мича, майбыр! Татшöм лунö эськö ва дорö – купайтчыштны да вуграсьыштны. Позьö шуны, öтпускник, каникул вылын.

А сиктын версьбөыс пöшти некодi абу, сöмын пöрысьяс йöраныс ноксьöны:

* Бöратны (диал.) – казьтыштны.

керка-житник гөгөръяссө ытшкәлөны; и посни челядь котралөны көмтөг, мыйыськө ворсөны. Быд керка дорсянь өвтө кос турун көрөн: кодлөн вөвдөм, кодлөн юрын, а кодлөн и прамой сабри нин сулалө.

Со и дед-баблөн вичколы паныдөн сулалысь керкаыс: пөлөстчыштөма, но дзөлясянь сэтшөм муса. Туй боксянь пөшти оз и тыдав – потшөс дор мозыс сулалөны кык кыз да ниа, прамоя нин паськалөмаөсь; житник водзас ыджыд таг сад, сы сайын бадь пу; водзө пельсы, льөм; кильчө дорас зэв джуджыд тополь, кодө мөдөма керкаланьыс йылөн крукыльтчыны, бытьтө дзикөдз вевттыны көсийө. Төда, мый дед өнө бара, кызди и быд волігөн, мөдас норасыны, төла лунъясь пө вужъясыс керканымөс лэпталөны, колө эськө кавшасьлыны да йывсө чинтыны. Сэсся мыйкө бара, водзө и водзө. Сылөнтө век эм мый висьтавыны. А меным мыйлакө жаль топольыс, сэтшөм өд мича!

Матыстчи, вуджи вит потшка завор, муас джынвийөдз бурдөм да ёна нин эжсьөм пөвъяс кузя прөйдити кильчө дорө.

Пемыдгөрд краскаөн мавтөм лавич вылын пукалө дед да чукырөсь ыджыд киас, кык чунь костын, кутө тшынасьысь «Прима», кодө отарө кусласьө, и дед велалөмпырысь сы вылө броткө, вөчасны пө өд быдсяма дивсөсө... Помнита, нэмсө махорка куритис.

– Здоровье, дедө! – шыся кильчө вылас кайигмоз.

– Здоровье, здоровье! Кор нэ воин? – юалө, көть эськө баб төрыт надейнө ставсө висьталіс.

– Төрыт. «Заряөн» лэччи.

– А кор нэ бөрсэ мунны думайтан?

– Тавун дашке и бөр муна.

– Мый нэ сэтшема тэрмаян?

– А, сідз... Колэ.

– Ноженэсе... – кост мысти. – Сідзтэ эське сідз да.

Сэсся лэчча кильчө вылысь, разя коса төбөд, видла. Бура ытшкө.

– Но, слабөг, – шуыштө дед, – поводдяыс тай мича, ытшкышт дай. Рытнас, көнкө, поэяс нин и чукөртны.

«Швич, швич» – кылө уклада косалөн шы.

1981 во.

Миян электростанция

Ок и гажа жө тулыснад! Шондіа, лым сылө, лун сьөмөснас тырыс ва гөп артмалө. А миянлы колө парта сайын пукавыны да учительшаөс кывзыны. Пукавяс мый татшөм кадө?..

Переменяяс дырйи уськөдчам ывла вылө да котралам сэтчөдз, мый урок вылө бара сёрмам, весиг звөноксө ог кывлөй! Учительша стрөжитыштас, но пыр и вунөдам.

Со, өшинь улын посни челядь котралөны, а мен велөдчы. Мөдөд во нин тад-

зи. Ок-ок-ок! Думышла да, кор нин бара и помассылас тайö велöдчöмыс? Регыд-джык эськö каникул воис... И кор бара Каль бабыс звöноксö сетас? Пельтöмоват да ёна и зильöдлö кёлöкөлчыкнас.

Каль баб – сийö школаын и уборщица, и пачьяс ломтысь, и дждж мыськалысь. А сідзсö абу на и баб, Саня нылыс миянкöд öти классын велöдчö.

Уф, кыліс жö тай звöнокыд... Öнi колö öдйöджык классысь петны, удитны ывла вылö нывьясысь водзджык, мед вöчавны лым маच्याс да найöс лыйлыны. Мед чилыштасны! Ёна жö висьтасьлöны учительшалы...

Парта пöвьяс клопкöны, öдзöс гурйыв, йöтласьöм-горзöм.

Петім жö тай! Эськö мачасыштны ульдöм лымнас, но менам другьяс, Васька да Пашö, сёйны кöсйöны – медводз гортö пö ветлам. Дерт, найö первой классынöсь, дзöляöсь на. Коркö öткодöсь вöлім, а сэсся ме школаö муні. Наысь öти воөн водзджык. Налы бур – школаö оз ков мунны. Но шуисны, тэ пö велöдчы, а мöд во вöчам нин электростанциятö. Збыль öд: велöдча, да миян делöыс бурджыка артмас!

А öнi со и найö велöдчöны. Куимнад век нин бурджык – куим юр!

«Но, ладнö, – сöглас сети, – ветлöй сёйыштöй. Да öдйöджык!» И сэсся регыд мысти бара вöчаасям вичко дорын.

«Эй, заступьястö босьтінныд? Мунам Ваньйөр шор дорö. Сэни ваыс чукöрмöма – у-у-у!» – горза налы; сідзкö, колö гөгөрвоны – зэв уна. Та мыйта ваыд став деревнялы ток сетас!

Заступьясөн нин мөдöдчам Ваньйөр шорлань, мунигмоз гураньяссö пискöдалам. Сöмын и кылö: хр-р-р, ж... ж-ж-ж. Тайö Вася да Пашö передачаяссö вежлалöны, быттö тракторьяс. Заступьяснас и сапöг коклябөрнас öта-мöдыслы вежмөн гурйöны да чужьялöны кыноват на сёйсö, канальяс кодйöны. И кор нöшта öти гуранысь дышеника мөдöдчас ва, мунам водзö. Некор ноксыны, миянös вичысьöны ыджыдджык делаяс!

Со и Ваньйөр шор. Збыль тай – уна ва чукöрмöма! «Давай кодйысьны!» – пыр жö кутчысьöны уджö ёртьяс.

Перво вöчам ворга, сэсся öтилаті сійös помам плöтинаөн, плöтина вылас ладмöдам сулля юр – сэтi мөдас ва струя петны. Сулля юр улас сутуга йылö кёлалöм лопасьта тюрик сувтöдам. Ва струя мөдас бергöдлыны лопасьта тюриксö.

«Гöтов! Но, вай видлам. Лэдзöй васö!» – тшöктала зоньяслы.

Ваыс другысь увкнитö. О, кутшöм уна!

«Видзöдлöй, видзöдлöй, кутшöм струяыс!»

«Бергöдлö, бергöдлö!»

«Вот эськö токыд мыйта вермис лоны!» – думайтам ми, и быттö аддзам нин югыд бияссö.

Но друг ваыс аслас вынөн пондö кисьтны плöтинасö, и ми уськөдчам кутны сійös, пыкны быдлаті киясөн и кокьясөн.

«Эстi, эстi кут!»

«Татi кутыштöй, ме ог нин вермы...» – сöмын и кылö миян горзöм.

«Уф, тöкөттö из киссьы», – шуас кодкö. А асланым радыс!

Сэсся дыр на сулалам да видзöдам сутуга йылын бергалысь тюрик вылö да кывзам шорлысь лöсьыда больгöмсö.

Рөмдан кадө нин локтам гортө. Деревнян читкырасьоны сөстөм, югыд бияс, и кажитчө, мый тайө мян электростанциялөн биясыс. Сөйөсь сапөгаось, көтасьөм пинжак-гачаось, но лов выланым гажа. Воам гортө, ужнайтыштам да лөсьыд думьясөн водам узыны. И войбыд вөталам ичөтик югыд бияс.

Сэсья воас гожөм, а сәни чери, тшак, вотөс, турун, корось... Некор лоө электростанцияс йылысь думайтны. Дай шорьяс косьмасны.

А сэсья асьным быдмам, водзө велөдчам да төдмалам, мый тюрик помысь электростанция сөровно оз артмы. Та могысь колө на зэв уна быдсяма көртис. Но кор воө тулыс да пондөны бузгыны шорьяс, мыйлакө быд пөрийө вөтала асьыным электростанцияс. И окота, мед өнйя ичөт зоньяс дырдзык эз төдмавны, мый тюрикысь электростанция оз артмы. И мед ми моз жө эскисны да вөчалісны асьыныс электростанцияс, а войяснас вөталісны налысь югыд бияссө.

Мед быдөнлөн вөлі аслас ичөтик электростанция!

1981 во.

Катшасин

Карысь воөм бөрын мөдөдчи Важэжвалань. Вежон кык нин гортө эг волы, окота вөлі ветлөдлыштны ты берег пөлөн, лолалыштны тувсов сынөднас да ва көрнас. Гашкө на и вуграсьны позяс, шоныд луньясө кульмөм кельчиыд матыстчө нин кустьяс дорө.

Төлыс лун шөр кадө бергөдчис и пондіс пөльтны рытивладорсянь. Ёна ыр-каліс: енэжын өшалісны сьөкыд руд кымөрьяс. Войнас весиг и кынтыліс на.

Мөд асывнас Ваня воккөд лэччылім вадор кумө, пыж моторөн ноксьыштім. Коркө сэсья гортө мөдөдчим. Ме ньөжйөник восьлала чукльөдлысь трөпа кузя да мый йылысь кө мөвпала. И друг... Трөпа бокас, дзык сәни, көні помасьсө бор дорөсыс да заводитчө гөран му, – петөма катшасин. Кутшөм сійө вөлі ичөтик да урөсіник: корйыс көдзыдсьыс чуқыртчөма, ачыс муртса мыччасьө паччөралөм *, глызаа му костсьыс. Абу и дивө татшөм поводдяө гегдыны. Тэрмасьыштөма тай не-уна – думөн жалиті сійөс. Но век жө кутшөмкө ногөн и долыд вөлі, мый аддзи мед-воддза катшасин. И медводзөн. Лов вылын лои гажаджык. Тадзи жө дзөлядырйи мян ичөтик сиктын зонпосни ёрта-ёртсаяныс төдмавлісны тувсов вильторьяс йылысь: коді көктоин сөйөма нин, коді шомкор, коді медводдза кельчи вугырөн кыйөма.

Виччысьлі вокөс да ошйыси:

– Со, медводдза катшасин.

Сійө зэв згөвөра вочавидзис:

– Хы, ми Лёнякөд вежавун сайын аддзылім нин!

1982 во.

* Паччөралөм (диал.) – косьмөм, топалөм.

Тёмная сторона печати

(Эссе)

ЧИТАТЕЛИ капризны, ветрены и в любой момент могут изменить. Соблазниться каким-нибудь бульварным листком или глянцевым журнальчиком – из тех, что раскладывают в парикмахерских.

Лишь один человек – главный редактор – предан своей газете до конца, от первой полосы до последней. Прощает ей всё: убогие новости, неуклюжие заголовки и объявления мелким шрифтом. Только он с интересом просматривает рекламные сообщения. Вчитывается в некрологи, похожие на деловые резюме, написанные так, будто покойнику дают рекомендацию для устройства в солидную фирму.

Газета стареет одновременно с редактором – с годами глупеет, становясь неряшливой и сварливой. Тем не менее, внутренне матерясь, он любит её целиком – жадно, глазами. Хотя и тактильный контакт очень важен. Нежность к бумаге – это особое чувство, которое зарождается в подушечках пальцев – есть там такие рецепторы.

Любой текст, обрамлённый пластиком, выглядит противоестественно. Светящиеся буквы вызывают резкое отвращение. Читать с экрана – всё равно что разглядывать живую плоть через стекло, ничем живым её не касаясь.

Разве могут не возбуждать свежие офсетные полосы, ещё не потерявшие девственной влаги? Хороши, впрочем, и крепко подсушенные, многомесячной выдержки, с маленькими пупырышками. И чтоб страницы переворачивались с лёгким крахмальным хрустом, а уголки кокетливо загибались.

Фактурная прелесть бумаги дарит неизъяснимое удовольствие. Особенно когда знаешь, какую цену платит сама мать-природа. За каждый тираж – небольшой лесок с земляничной полянкой или ру-

ВЛАДИМИР СУМАРОКОВ

Владимир Рудольфович Сумароков – журналист, литератор.

Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета.

В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001 г. – главный редактор газеты «Трибуна».

Стихи и проза В. Сумарокова печатались в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книги: «Единственная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).

чейком, кузнечиками, ёжиками в траве. И всё это пришлось загубить. Вырубить, распилить, пустить на целлюлозу. Что лишь усиливает грубую животную радость обладания бумажными пачками.

Насладившись на ощупь, как опытный маньяк, главред, не торопясь, приступает к визуальному подкреплению. Конечно, он наблюдал за вёрсткой, но живая натура, сигнальный экземпляр, трепещущий в руках, это совсем другое.

На первой полосе, естественно, огромное фото. Авто класса «люкс», что всегда приятно. И за рулём красотка того же класса. Нежная фемина с голой шеей. Иллюстрация к заметке о том, что бензин, сука, подорожал в седьмой раз за год. Хотя на самом деле девушка иллюстрирует сама себя. Ибо красота не нуждается в информационных поводах.

Девушки – вариант, конечно, беспроектный, но вся газета не может состоять только из них. Кроме заманчивых фото, нужны ещё тысячи слов, разбросанных по страницам. Причём не в случайном порядке, а в виде законченных фраз, между которыми требуется установить определённую связь. Силясь её уловить, редактор морщит лоб и шлёпает губами. Такая у него работа.

Тексты, разбитые на колонки, – это тоже часть визуального ряда, не менее важная, чем картинки. Однако нельзя поддаваться графическим соблазнам – похабным шрифтам с длинными хвостами или хищными засечками. Крикливая вычурность, как и чрезмерный примитивизм гарнитуры, – это две крайности, которые следует избегать.

«Times New Roman», стильный и экономный, набранный десятым кеглем, бескорыстно радует глаз. Это шрифт-работяга, которым можно любоваться, невзирая на смысл. Но для заголовков «Times» не годится. Тут нужен крепкий парень, такой как «Futuris». Графический атлет, способный удержать на полосе тяжеловесную фразу типа: «Жуткая тайна мещурских отшельников наконец-то раскрыта!»

Пусть читатель вздрогнет, заглочит эту наживку. Пусть не сразу поймёт, что его надули. И что тайна, во-первых, не жуткая, а во-вторых, не раскрыта. Потому что её не было.

«Futuris», конечно, герой – вызывает огонь на себя, прикрывая информационную атаку, которая захлебнулась где-то в середине текста. Но даже он не спасает эту жалкую историю, где под видом отшельников фигурируют полусумасшедшая старуха и трое её великовозрастных сынков-алкоголиков.

Дикое семейство живёт на отшибе, на самогоне и картошке. Братья не просят, мать не отстаёт. Благодаря натуральному хозяйству внешний мир им без надобности. В переписях не участвуют, на выборы не ходят, ничего не просят у государства. То есть ведут себя как свободные люди. И даже не подозревают, что в стране окреп авторитарный режим. Там, за дощатым забором, это без разницы.

Но автор очерка почему-то решил, что они «скрытники», бежавшие в тайгу. Религиозные фанатики, ожидающие конца света. Как будто все остальные ждут чего-то другого...

ВЕЧНАЯ погоня за сенсациями развивает воображение. Газета ищет темы, леденящие кровь. Что-нибудь типа: «Минувшей ночью банда библиофилов проникла в публичную библиотеку». Но подобное случается редко.

Честно говоря, никогда. Поэтому в ход идёт всякая мелочёвка, например: «Крыса укусила депутата в подвале элитного коттеджа».

В любой информации, как в волейболе, важна сильная подача: «После выступления президента в городе зафиксированы массовые вспышки патриотизма».

С настоящими сенсациями, увы, напряжёнка. Северная провинция, где мало светлых дней, сочной зелени, дерзких мужчин и горячих женщин, не балует яркими событиями. А тусклые приходится всячески приукрашивать.

Но информационный голод не тётка. Нужда заставляет газетчиков спекулировать новостным бараклом. Приторговывать крадёным из чужих источников. Манипулировать цифрами, жонглировать фактами. И почти всегда – безнаказанно.

Используя серую бумагу невысокой плотности и два-три ходовых шрифта, можно годами морочить голову своим подписчикам. Высасывать из пальца и других мест. Раздувать из ничего и вытаскивать из ниоткуда. Невнятно разоблачать и сумбурно расследовать. Допрашивать скандалистов и провоцировать молчунов. Влезать в соседские дразги и судебные тяжбы. Не забывая при этом трусливую приписку: «Фамилии изменены по этическим соображениям». Что это за «соображения», никто не знает.

Развращённая безнаказанностью газета регулярно печатает безумные советы доморощенных целителей, интервью самозванцев-знахарей и гороскопы, сочинённые полоумными астрологами.

Вот почему редактор всегда чуток, сосредоточен. Он в любой момент ждёт прямой физической расправы. Как цыган-барышник на лошадиной ярмарке, страшит крика разъярённой толпы: «Бейте его, это жулик!»

Но расправы не происходит. Терпение читателей не знает границ, они добры и великодушны. А главное, понимают, что это, в сущности, такая игра. Причём по взаимному согласию. Можно ли обвинять иллюзиониста в обмане? Разве что – в неловкости. Да, иногда он роняет шары, путает карты, но за это не убивают. Старый фокусник развлекает публику как умеет.

Нехитрое представление за скромные деньги – в этом и состоит консенсус газеты с подписчиками. На самом деле никакая «правда жизни» им не нужна. Правду они и так знают.

НИЧТО так не раздражает, как хорошие события, которые происходят не с нами. Поэтому лучше всего рассказывать о плохих событиях, которые происходят с другими. Вот только откуда их взять?

Жизнь в провинции предсказуема. Лишена и парадного блеска, и трагического величия. Новости здесь такие убогие, что нуждаются в искажениях. Факты столь неприглядны, что их хочется немедленно передёрнуть. В извращённом виде они выглядят гораздо симпатичнее. И способны вызвать живую эмоцию: гнев, изумление, ужас. А иногда даже такое изящное чувство, как испуг – проявление лёгкого страха с оттенком недоумения.

Этой тонкой работе мешает грубая реальность. Поэтому опытные корреспонденты стараются реже бывать на месте событий. Журналисты торчат в редакции, как в окопе, строчат направо и налево, интуитивно угадывая мишень. Располагая слабой фактурой и бедным словарным запасом, они, тем не менее, часто попада-

ют в цель – выручает густая плотность огня. И тогда раздаются вопли раненых – тех, кого задело и потрясло: «Вы что там, охренели совсем?!»

Стоны и проклятия в адрес редакции можно расценивать как обратную связь с читателями. Истерические звонки после выхода номера – это всё-таки лучше, чем оглушительное молчание публики. В ответ надо не бросать трубку с криком: «Сам ты идиот, паскуда!», а вежливо говорить: «Спасибо, ваш звонок для нас очень важен». Благодарить за равнодушие к проблеме, напирая на гражданскую позицию. То есть приглашать в соучастники.

Увы, сами корреспонденты нередко отказываются сотрудничать с читателями. Даже уличённые в нелепых ошибках, они продолжают упорствовать. Однако ветеранов информационных войн тоже можно понять – нервы у них не железные. Контуженные на газетных фронтах, они готовы отстреливаться до последнего. И защищать ту картину мира, которая застряла у них в голове ещё во времена так называемой «высокой печати». То есть «жечь глаголом сердца» и обличать все мыслимые пороки, кроме своих.

Оглушённые в пулемётных гнёздах бойцы строчат по инерции, честно исписываются до конца и знают, что подкрепления ждать неоткуда.

Несмотря на отдельные прощальные вспышки, газетчик – затухающая профессия. Молодёжь ушла в интернет, и смены не будет.

Иногда, правда, в редакции появляются молодые люди, предлагающие свои услуги. Но они производят тягостное впечатление. Как правило, это странные инфантильные существа. Ведь рядом уже выросло целое поколение, не знающее, например, что слова «дробильно-сортировочный» пишутся через дефис. Приходят вчерашние студенты-гуманитарии без определённых видов на жизнь. Хуже того – истероидного склада девицы. Ещё хуже – начинающие поэты с декадентским уклоном.

Ну а те, кто продолжает сидеть в газетном окопчике, конечно, обречены. Хотя на самом деле отчаяние – весьма продуктивное чувство. Оно подхлестывает малодушных и зажигает уставших.

Бессмысленная храбрость ветеранов достойна похвалы. Или жалости. Но чего-то, безусловно, достойна.

БОРЬБА за чистоту слога – занятие изнурительное. Грязные торопливые тексты – кошмар редактора. Он роется в них, как бомж в мусорных баках, надеясь найти цельный и вполне съедобный кусок.

Среди пишущей братии встречаются нравственно чистые люди, но очень редко – филологически безупречные. Да и чего от них можно требовать в информационной текучке? Поставь на этот конвейер стилиста Тургенева – он бы через месяц сломался.

В общем, все газетчики не без греха. Как написал один пожилой журналист: «У каждого – своя слабая струя».

В материалах, что веером ложатся на редакторский стол, есть всё – от банального косноязычия и грубых ляпов до парадоксальных умозаключений. Поразительную сентенцию можно найти даже в скучной рекламной статье типа «Пластическая хирургия: чудеса омоложения». Там очень сильный финал: «Хотелось бы

кончить такими словами: из клиники «Добрый доктор» все женщины выходят де-вушками».

Представив чудесное превращение женщин, а также интересный способ «кончить словами», редактор, нервно посмеиваясь, берётся вычитывать материал о коммунальном хозяйстве. И через три абзаца натывается на фразу: «Мэрия даёт противоречивые ответы. Как говорится, всё смешалось в доме Обломовых!»

В очерке «Хозяйка библиотеки» сказано: «Инга Петровна так и осталась вдовой. В третий раз выйти замуж ей не позволила женская гордость».

Предыдущий очерк того же автора назывался «Хозяин тундры». Там говорилось: «Оленевод – не профессия, а судьба. Поэтому, когда началась война, В. Ханзейский пошёл служить в кавалерию».

Зато в третьем подобном опусе – «Хозяин тайги» – с логикой всё в порядке. Правда, из-за одной буквы в слове «шабаш» матёрый лесоруб превратился в правоверного иудея. «На сегодня прекращаем работу! – властно объявил бригадир Кузьбожев. – Всё, ребята, шабат!»

Трусливо отложив очерки о наших славных земляках, редактор с головой уходит в аналитический материал, посвящённый проблемам миграции. Начало крайне тревожное: «Население региона быстро сокращается. Люди стремятся уехать всеми видами наземного и воздушного транспорта».

Транспортную тему продолжает невнятная и даже загадочная статья о железной дороге: «Как показала проверка, груженные лесом вагоны обратно гоняют порожняком, таким образом на станцию возвращаются пустые цистерны».

Огорчённый редактор ищет утешения в безобидной рубрике «Лечение с увлечением». Но тут же натывается на довольно спорное утверждение: «Среди алкоголиков встречаются очень злостные».

Криминальную хронику украшает «Серийный маньяк из Дырноса». Приводятся жуткие подробности: «Он обнял её в охапку и с грубостью потащил в кусты...»

Из-за этой «охапки» маньяк вызывает особое отвращение. И лучше бы он «с грубостью» напал на автора этой заметки.

Впрочем, чего ещё ждать от рубрики «Криминал»? Там одни мерзавцы. В сообщении «Мордобой в шашлычной» раскрывается ещё одна тёмная сторона жизни: «Драка началась после того, как молодой человек стал недвусмысленно приставать к лицам кавказской национальности».

На этом мрачном фоне простые авторские ляпы, механические описки выглядят куда симпатичнее. А иногда в них сквозит поистине лемовская афористичность: «калорийная личность», «лажная тревога», «страшная лесть», «аффектная женщина», «козёл опущения», «череда новогодних проказников» и «мальчики красивые в глазах». А дурацкая, на первый взгляд, опечатка «фаст-суд» – на самом деле точно характеризует нынешнее судопроизводство.

Некоторые журналистские ляпы не лишены остроумного блеска: «При всей разности увлечений между супругами обнаружилось поразительное скотство».

А вот бесспорный философский пассаж: «Благими намерениями вымощена дорога в сад».

Из той же криминальной хроники: «Педофил был задержан на месте совращения». Из новостей спорта: «М. Джабраилов стал чемпионом республики по ботоксу».

Или вот ещё: «В доме творчества молодёжи опытная мастерица ведёт кружок рукоблудия».

Стоит ли удивляться, что по вечерам из кабинета редактора раздаются весёлые крики. Причем смеётся он в одиночку, как последний идиот. Потому что авторы не готовы разделить это веселье. Они люди ранимые и к своим текстам относятся очень трепетно.

Увы, взгляд постепенно «замыливается», глаза стекленеют, и не все «пенки» удаётся словить. Если какие-то из них попадают в печать, у редактора нет повода не застрелиться. Ибо как жить с этим позором?

А ведь ничего – живёт себе. До поры до времени...

НОВОСТЬ – это всегда информация. Но не всякая информация – новость. Особенно, если она запоздала лет на тридцать.

Редакция считается местом, куда можно поплакаться. Здесь до сих пор вскрываются толстые конверты с исповедальными письмами. С воспоминаниями о прожитых небесцельно годах. С рассказами о ярких, но трудных судьбах наперекор всему. А начало всегда такое: «Хочу поделиться, надеюсь, это всем интересно...»

«Я многого добился честным трудом, хотя пенсия маленькая, – пишет бывший моряк-подводник. – Помкомандира БЧ тов. Сушников В. Т. рекомендовал меня в партию. В 1979 году на глубине 52 метра состоялось собрание, где я стал кандидатом в члены КПСС...»

«Н. П. Баранюк долгие годы работала главным бухгалтером нашего завода, – сообщает Совет ветеранов. – Пользуясь заслуженным авторитетом, она была надёжным связующим звеном между бухгалтерией и всеми подразделениями производства, но, к сожалению, недавно скончалась. Светлую память о Нине Петровне мы не только сохраним, но и приумножим!»

«Я лично была сучкорубом, но ни о чём не жалею, – вспоминает старушка, инвалид I группы. – Нас, девушек, гоняли на лесозаготовки в «минус» сорок. Работали по две смены, по пояс в снегу, на благо страны, а Горбачёв с Ельциным её развалили...»

«Вчера перечитал «Манифест коммунистической партии». Сильная вещь! Актуальная как никогда», – рассуждает пенсионер из глухого таёжного села. Он предлагает немедленно опубликовать свою рукопись на шестнадцати страницах, чтобы «молодёжь наконец-то узнала всю правду». Вслед за Марксом автор письма жёстко критикует прудоновскую «Философию нищеты». Громит «поборников гуманности, членов обществ покровительства животных и мелкотравчатых реформаторов». Его раздражают либералы, филантропы и «прочие болтуны», которых следует публично разоблачить, а возможно, и расстрелять...

Кто сказал, что общественная мысль давно замерла и угасла? Нет, она ещё теплится – там, на заснеженных полустанках, в заброшенных деревнях. Там, где нет дорог, связи, горячей воды, обитают последние на земле философы-аскеты, самобытные светочи-бессребреники, последователи Мора и Кампанеллы. Чистые духом и свободные от материальных благ, включая тёплые сортиры, они размышляют о переустройстве мира.

Всякий раз, сдавая эти толстые письма в архив, редактор чувствует, как в нём шевелится вялая совесть. Ощущает себя конформистом, газетной крысой, мелкой бескрылой сволочью.

Но с каждым годом таких посланий становится всё меньше. Уходят в небытие и старые марксисты, и сторонники Шарля Фурье. Смерть не щадит ни ударников пятилеток, ни отличников боевой и политической подготовки. А напоследок они пытаются о чём-то сказать. Это не жажда похвалы или оправдания, а в сущности последний, безадресный прощальный сигнал: «Мы были, мы жили. Пожалуйста, вспоминайте о нас...»

Архивный мусор, куча газетного хлама – вот чем становятся исповедальные письма. И когда редактор угрюмо бормочет: «А что я могу? Ну нет возможности напечатать!», он знает – потом в каком-нибудь пыльном бумажном аду ему за это придётся ответить.

РЕДАКЦИЮ навещают самые разные люди: общественники и чиновники, бандиты и адвокаты, речистые политики и косноязычные сутяги. Порой приходят целые делегации с котомками жалоб и претензий. А вот одинокие красивые девушки, как давно замечено, почти никогда. У них нет повода.

Есть и особая категория визитёров – чудики. В условиях глубокой провинции они выглядят особенно колоритно. Причём среди них редко попадаются милые тихие сумасшедшие, то есть люди без апломба. Преобладают горячие и страстные. В основном, это бродячие проповедники с огненным взором, адепты неведомых сект, доморощенные астрологи и бомжеватого вида магистры оккультных наук.

Без санитарно-гигиенической обработки они не кажутся приятными собеседниками. Но это их не смущает – прутся в кабинет с рюкзаками и баулами, произносят тёмные речи. А потом, как и положено мистикам-передвижникам, внезапно исчезают, оставляя после себя тревожный запах вокзалов и чёткие следы на линолеуме.

Но самый опасный народ – это, конечно, изобретатели, энтузиасты-расследователи, авторы дерзких идей и невероятных открытий.

Эти берут главреда тёпленьким, при вычитке заказной статьи «Энергетики получили паспорт готовности к зимнему отопительному сезону». Материал вызывает у редактора добрые чувства, как и всё, что печатается за деньги. И тут ему говорят с порога: хватит заниматься чепухой в то время, как лучшие умы бьются над тайнами человечества!

В частности, появилась новая версия убийства Влада Листьева. Наконец-то раскрыта загадка корабля-призрака «Мария Селеста». Получен точный расчёт орбиты фантомной планеты Нибиру. Установлены истинные причины гибели студентов на перевале Дятлова. Составлен подлинный гороскоп Владимира Путина, из которого следует, что транзит Сатурна обеспечен ретроградным Меркурием. Открыт эликсир вечной молодости на основе экстракта бессмертника, цветков бараго, хвойного масла и толчёной кожицы от куриных желудков.

Куриные желудки в транзите Сатурна с видом на перевал Дятлова – это требует осмысления. Редактор делает вид, что слушает, и даже что-то записывает в

блокнот. Но не теряет концентрации. После визитов «чудиков» со стола частенько пропадают мелкие вещи: зажигалка, степлер или футляр для очков.

НА этом безумном фоне какой-нибудь шаткий старичок-рационализатор поначалу кажется вполне безобидным. А его идея заготавливать лес с помощью дирижаблей не выглядит фантастической. Серебристые цеппелины в рассветном небе над тайгой – это даже красиво. И не так сомнительно, как планета Нибиру.

Не внушает опасений и шахтёр-ветеран, седовласый мужчина с коричневой папкой под мышкой. Папка тоненькая, что вселяет надежду.

Бывший горный инженер не предлагает ничего сверхъестественного, он ратует за перевод подземного шахтного транспорта на автомобильную тягу. Сыплет цифрами, упирая на экономический эффект для народного хозяйства. Козыряет отзывами экспертов, показывает вырезки из технических журналов.

Редактор одобрительно кивает, но через час устаёт. Пытается слабо возражать: «Это непубликательно».

«Кабели? – переспрашивает старик. То ли правда глухой, то ли притворяется. – В том-то и штука, что ни кабели не нужны, ни рельсы. И это даст нам двадцать процентов рентабельности!»

Двадцать процентов редактору давно никто не предлагал. Тем не менее, он артачится. Потом, вконец разозлившись, хватается визитёра за горло, нащупывая кадык, бросает старика на пол, топчет ногами... Мысленно, разумеется. А вслух говорит: «Ну, оставьте бумаги. Я потом посмотрю...»

Зря он это сказал – расплата будет жестокой. У рационализаторов – изобретательный ум. Осада редакции будет вестись по всем правилам инженерной науки. Прячется, отключать телефоны – бесполезно. Несколько месяцев придётся жить в условиях конспирации. До тех пор, пока этот страшный человек не исчезнет. Так же внезапно, как и появился.

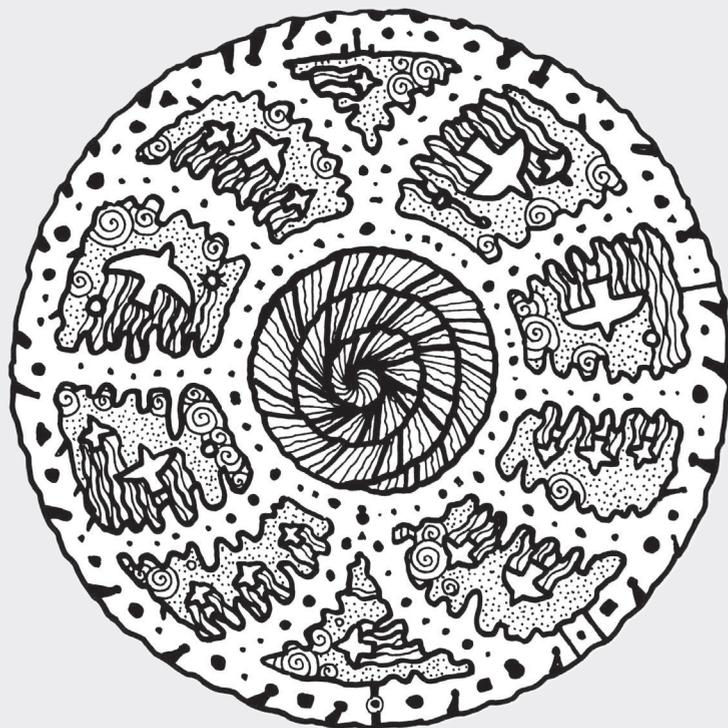
О причинах избавления лучше не думать. Куда пропал ветеран рационализаторского движения? Срочно вызван в академию наук, сорвался в жестокий запой, эмигрировал в Австралию (там тоже есть угольные шахты) или ещё дальше – в светлый, чистый мир, где всегда рады бескорыстным мечтателям и где легко воплощаются любые, даже самые безумные идеи?

НО не всем же так везёт. Кто-то ведь должен оставаться и здесь, на этом берегу. Плавая в табачном дыму, вычитывать жалкие новости и сочинять нелепые комментарии.

Держись, редактор, не вздумай никуда убежать. Белка в информационном коле, лягушка в кувшине – давай работай, сучи лапками...

Господи, думает он, ну кому это, собственно, нужно?

КОМИ В КОМИ

АЛЕКСАНДР ТЕРЮКОВ

Александр Иванович Терюков – старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Кто мы и откуда мы?

Кто мы и откуда мы? Извечный вопрос, который мучает человечество. Не обошёл он и нас, коми. Мы также хотели бы ответить на этот вопрос. Вопрос непростой. В конце концов, кто мы – пермяне, зыряне, коми? У нас долгая история, в разное время нас называли по-разному. Попробуем разобраться. Мне бы хотелось показать не только значение этих терминов, названий, но и их взаимодействие между собой.

Как пишет Павел Лимеров, данные вопросы заинтересовали основоположника коми литературы **И. А. Куратова** в период его учительства в Усть-Сысольске в 1861–1865 гг. Его рассуждения были опубликованы в статье «Зырянский язык», где поэт задаёт вопрос «Откуда взялись зыряне?» и отмечает, что *«зыряне – европейцы только географически, сам их язык если не родственен китайскому, то ему типологически близок»*. Этот вывод он делает на том основании, что оба этих языка – односложные. *«Зырянский язык есть язык односложный, хотя и не такой скудный коренными словами, как утверждают о китайском языке»*. В этом пассаже есть интересная мысль: попытка рассмотреть вопрос происхождения коми на лингвистическом материале. Несмотря на отсутствие специальной лингвистической подготовки, как указывает Г. И. Тираспольский, незнание основных теоретических сочинений Ф. И. Булаева и А. А. Потебни, отечественных лингвистов того времени, у него постепенно выстроилась теория о месте и структуре коми языка. И И. А. Куратов был, по-видимому, одним из первых коми интеллектуалов, который поднял вопрос о прародине коми. По его мнению, *«грамматика зырянского*

языка ещё более приближается к грамматике китайского; оба языка если строго судить не имеют ни склонений, ни спряжений, ни различия родов. Татарско-турецкие языки, правда, не имеют же родов, но они организованы, как языки со склонениями и спряжениями. На этом основании прежде местожительство зырян и финнов надобно подвинуть ещё дальше Алтая, ещё восточнее, что, если бы больше надеялись на свои познания».

Г. И. Тираспольский называет эту концепцию «урало-китайской гипотезой» прародины финно-угров, размещая её где-то на Амуре, на границе с Китаем. Его взгляды очень близки к теории «урало-алтайской прародины», высказанной примерно в это же время финским лингвистом и этнографом Матиасом Кастреном после его длительного путешествия по Сибири. И хотя И. А. Куратов много пишет именно о зырянах, он ещё не полностью отказался от употребления понятия *пермский язык* как общекоми, как праязык. Это видно сегодня после публикации некоторых его рукописей лингвистических работ.

Ряд реальных сведений о предках современных коми содержат русские летописи. Л. П. Лашук считал, что первое упоминание коми в русских письменных источниках относится к XI в. Основой его утверждения служит уже давно ставшее хрестоматийным описание народностей, входивших в сферу влияния Древнерусского государства, в числе которых упоминается и народ по имени «Пермь» (датируется в «Повести временных лет» не позднее 1113 г.). Историко-географическое введение к «Повести временных лет» даёт неясные сведения о *Перми, Печоре и Югре*. Поэтому в средневековых письменных источниках Пермь чаще упоминается как некая территория, на которой обитают пермяне. Расположение этой территории подробно описано **Епифанием Премудрым** в его «Житии Стефана Пермского». Сегодня мы чаще говорим, что **Стефан Пермский** крестил коми, на самом деле он крестил пермян, жителей страны Пермь. Епифаний отмечает: *«и перевёл на пермский язык русские книги, – переложил и переписал»*. А начав проповедь в Перми, Стефан стал учить людей *«пермской грамоте, которую перед этим впервые сложил. И всем новокрещённым – мужам, и юношам, и молодым отрокам, и малым детям – повелел он изучать грамоту»*. Именно поэтому святителя прозвали Пермским, а не Зырянским и Коми. А стефановскую письменность и язык того времени было принято называть *древнепермским*, хотя в настоящее время чаще употребляют термин *древнекоми письменность*.

Коми край упоминается под названиями *Пермь* и *Печора* в произведениях иностранцев позднего Средневековья и начала Нового времени. Для того чтобы понять, откуда мы, рассмотрим некоторые из этих сочинений. К наиболее ранним относится книга итальянца **Юлия Помпония Лэта**, побывавшего в Московском государстве в 1479–1480 гг. Лэт Помпоний (1428–1497) – писатель, глава первого поколения итальянских гуманистов. Он совершил путешествие по землям Южной

Руси, «Скифии и Сарматии», а впечатления изложил в комментариях к «Георгикам» Вергилия под названием «Скифские заметки». Именно у Помпония Лэта мы впервые в западной литературе встречаем упоминание о предках народа коми. Правда, располагает он их на восточном склоне Рифейских (Уральских) гор, что неверно, ибо историческая область Пермь Великая находилась на западной стороне Урала. Также автор часто отождествляет эту страну с Печорой – «*Permii, et Pecerri*». Весь Север России он описывает как часть Скифии, в числе жителей которой упоминает кроме пермян и другие финно-угорские народы: угаров или угров, пермских вогуличей – *Permskani vahuczvani*, башкирских черемисов – *Baskidi Cziremissi*. Кроме того, знает и вогулов как жителей Югры. Впоследствии почти все западноевропейские писатели исходили из упоминания Помпония Лэта об этом далёком крае, продолжая уточнять сведения о нём.

Следующим сочинением, в котором мы встречаем сведения о Перми и её расположении, является книга «Трактат о двух Сарматиях» польского историка **Матвея Меховского**. М. Меховский (1457–1523) – профессор, астроном и историк, ректор Краковского университета. Наиболее плодотворный период университетской деятельности М. Меховского приходится на 1501–1519 гг., в это время им написаны основные исторические сочинения. Своей небольшой книжкой «*Tractatus de duabus Sarmatiis*» (немногим более 30 страниц) он фактически открыл Московское государство для Европы и сыграл важную роль в деле ознакомления с ним западного мира. «Трактат» М. Меховского стал первой по времени работой, специально посвящённой обзору стран и народов северо-восточной Европы. Книга произвела чрезвычайно сильное впечатление на современников, немедленно стала фокусом учёных споров, выдержала одно за другим 16 изданий на 4 языках только в XVI в., долгое время оставалась одной из самых читаемых книг и источником постоянного заимствования для многих последующих исследователей.

Много внимания в своём «Трактате» М. Меховский уделяет описанию народов, когда-то населявших, а сейчас частично входящих в нашу страну: скифов, сарматов, готов, вандалов, аланов, саами, половцев, татар, калмыков, черкесов, югры, пермяков, карелов, черемисов, евреев, литовцев и др.

В «Трактате» есть и описание Карелы, Перми, Югры и её жителей. В частности, автор пишет: «*Пермь односложное слово, отсюда – земля Пермская, читая Пермская (Permska) двумя слогами. Эту область, почитавшую идолов, князь Московский Иван, около двадцати лет тому назад принудил принять крещение по русскому или греческому обряду. Он поставил там владыку, то есть епископа, по имени Стефана, но дикари, по уходе князя, содрали с него кожу заживо и умертвили. Князь, воротившись, побил их и снова поставил им другого главу, под духовной властью которого они и живут теперь вновь обращёнными в хри-*

стианство, следуя русскому схизматическому обряду».

Сегодня термин *Пермь* чаще возводят к прибалтийско-финскому слову *perä-maa*, которое переводится буквально «задняя земля». Этим термином прибалтийские финны (предки современных карел, вепсов) называли, по-видимому, земли *Перми Вычегодской*, лежащие к востоку и к северу от основного ареала их расселения. Можно предположить, что по мере продвижения славяно-русской колонизации всё далее на северо-восток Европы заимствованное из прибалтийско-финского название «задних земель» было перенесено на земли, расположенные дальше к востоку, – на бассейн Вычегды (*Пермь Вычегодская*) и Верхней Камы (*Пермь Великая*), а также на основное население, т. е. предков коми-зырян и коми-пермяков.

Объём статьи не позволяет упомянуть всех авторов, которые писали об этом регионе. Часто они пользовались информацией из третьих рук, слухами, ибо не имели возможности по ряду причин побывать в данных местах. В первую очередь в их сочинениях выдвигаются сведения о местоположении *Перми (Биармии)*, путях сообщения, богатствах (о пушнине, игравшей главную роль в средневековой торговле с Севером) и языческих верованиях. Здесь же упоминаются основные исторические легенды, связанные с Русским Севером, например, о *Биармии*, *Золотой Бабе*, которые остаются дискуссионными и до нашего времени, несмотря на их широкое обсуждение в течение последующих трёхсот лет.

В самом конце XVII – в начале XVIII века, в эпоху Петра Великого, нуждающегося в реальных знаниях о громадной империи и приглашающего в Россию иностранных специалистов, появляются попытки научно обосновать место и роль *Коми края* и его жителей в российской истории. Первым пытался рассмотреть происхождение коми **Эверт Избранд (Исбрандт) Идес** – гамбургский купец. Он неоднократно бывал в Москве, жил в Немецкой слободе, был знаком с Петром I. В 1692 г. возглавил посольство, отправленное в Китай для установления торговых и дипломатических отношений. После возвращения Э. Идес опубликовал записки о своей миссии.

Прекрасную характеристику таких людей, как Идес, дал немецкий историк Э. Амбургер: «Виниус, и вскоре обогнавший его Пётр Марселис, открывают собой галерею предпринимателей, типичных для XVII в. Это в первую очередь купцы, опирающиеся на родственников и деловых друзей в Амстердаме и Гамбурге, а также заводчики, правительственные поставщики, откупщики государственных монополий, торговые агенты иностранных держав в России, иногда используемые царём для дипломатических поручений... Как на последнего представителя этого типа, можно указать на Эверта Избранта Идеса, ездившего по приказу царя в Китай, затем поставившего свои собственные оружейные и пороховые заводы, строившего для Петра суда и закончившего свою деятельность торговым комиссаром в Архангельске».

Экспедиция Э. И. Идеса до Урала двигалась по хорошо известной в то время дороге через Вологду, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск и далее в Сибирь. Именно здесь в поле зрения путешественника и попали народы коми. Описание зырян начинается с прибытием в волость Ужгу. В XVII в. через Ужгу шла зимняя дорога от Сольвычегодска на Кайгородок. Л. П. Лашук приводит жалованную грамоту 1485 г. В ней упоминаются «крещённые сиряне Ужговские», которых он считал одной из верхнесысольских этнотерриториальных групп коми. По мнению Э. И. Идеса, именно отсюда начинается страна зырян, названных им сгренами, народа, *«говорящего на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия»*. На основании этого он делает вывод, что данный народ раньше жил по *«Лифляндским и Курляндским границам»*. А по поводу происхождения коми приходит к заключению, что *«народ этот в древние времена из-за войны или других причин попал сюда с лифляндской или карельской границы. Некоторых из них я из любознательности расспрашивал об их происхождении, но они не могли дать мне никакого представления о том, пришли ли их предки из чужих стран или нет; не могли также они объяснить, почему их язык не имеет ничего общего с русским»*. Размышления Э. И. Идеса мы можем считать первой попыткой разобраться в сложном вопросе происхождения коми.

Становление профессионального научного подхода к изучению народов коми связано с именем голландского государственного деятеля, учёного, друга Петра Великого **Николааса Витсена** (1641–1717). Н. Витсен бывал в Москве, имел там массу корреспондентов, которые снабжали его большим количеством информации. Посольства Нидерландской республики с известной регулярностью посещали Москву. Кроме того, представителей голландских торговых компаний интересовали сведения о Московии, в первую очередь о её природных ресурсах и богатствах, в том числе находящихся во внутренних районах Азии (Сибири). Купцы голландской Ост-Индской компании к этому времени поняли, что добираться до Азии морским путём чрезвычайно опасно и долго, попытки найти более короткий путь через Северный Ледовитый океан ни к чему не привели. Таким образом, путь во внутренние районы Азии был возможен только через Москву, которая контролировала любые попытки попасть в Сибирь и далее Китай. Поэтому путешествия по Сибири и Центральной Азии становятся одной из главных тем в творчестве Н. Витсена. Его обширная научная работа о России – книга «Северная и Восточная Тартария...» – снабжена подробной картой региона. В. Г. Мирзоев назвал это произведение *«образцовым сочинением исследователя издалека»*.

Несмотря на то, что Н. Витсен специально не занимался сравнением языков, собранные им фактические лингвистические материалы (небольшие словари, отдельные слова) способствовали обогащению

сведений о финно-угорских языках и народах, в том числе о коми. Он, по-видимому, первым отделил зырян от пермяков: пишет о Перми Великой, *Groot Permia*, и пермяках, *Permakken*, с одной стороны, и о зырянах, *Zirianen*, и Зырянской стране, *Zireners Land*, – с другой. На своей карте Н. Витсен попытался определить места их расселения: вокруг Перми Великой и соответственно с севера от пермяков располагаются зыряне, с юга – башкиры, на западе – Вятская земля, а на востоке – земля вогуличей, *Landshap vogulits*. В его книге имеется относительно точная географическая привязка Коми края – области зырян (*Zirianen*, или *Sireners*), которая располагается на 64° северной широты. Н. Витсен отмечает у зырян особый язык, который не имеет ничего общего с русским: «Язык народа зырян, области, расположенной на 64°, отличается от московитского языка». По его мнению, он похож на лифляндский, а также несколько на пермский и остяцкий языки.

В книге Н. Витсена приведён анонимный перевод молитвы «Отче наш» на пермском/коми языке. Несмотря на то, что он сильно искажён, это один из ранних образцов вновь возникающих текстов на коми языке после долгого периода забвения стефановских переводов.

Для нас важно то, что именно с Н. Витсена мы встречаем этноним *зыряне* в таком написании. Он складывается как завершение ряда терминов *серьяне* → *сырьяне* → *сурьяне* → *сиряне*, которыми в русских летописях обозначали некоторые этнические группы на территории современного Коми края. Как считает Е. А. Цыпанов, данный этноним опять начинает встречаться в употреблении путешественников и географов в XVIII – XIX вв. С тех пор он становится официальным наименованием коми-зырян. В научной литературе употребляется и в наши дни: коми-зырянский язык, коми-зыряне как этнос и т. д. Было выдвинуто множество объяснений истории возникновения этого слова и его первоначального значения, что непосредственно связано с освещением древнейшей истории коми народа, контактов коми языка с другими языками. Появляются новые версии расшифровки названия *зыряне*. Так, например, К. Попов считал, что слово *зыряне* произошло от русского глагола *зыря*, *зырить*, *вызырить* – «много, чрезмерно пить». Г. С. Лыткин же объяснял слово *серьяне* как производное от русского *осеренить*, *серень*, в значении «оттепель», что соответствует коми слову *сыл* – «талый». И. А. Куратов объяснял его происхождение двумя способами: от глагола *зырны* «вытеснять» (букв. «вытесненный народ») или от слова *сур* – «пиво» (букв. «народ, опивающийся своим национальным напитком»). Если же рассматривать этноним с точки зрения данных прибалтийско-финской лингвистики, то следует вспомнить объяснение А. М. Шёгрена. По его мнению, слово *зырянин* этимологически идентично финскому *syryäinen*, *syryänen*. В русские летописи оно попало из прибалтийско-финских языков, где обозначало жителей, народ, проживающий на краю, возле границы (ср. финск. *syryäläinen* – крайний, пограничный житель, где *syryä* – край, граница, *läinen* (-*lainen*) – представитель племени, рода).

Крайне важную роль в создании научной гипотезы происхождения народов коми в рамках семьи финно-угорских языков сыграл **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646–1716) – крупнейший немецкий учёный, математик, философ, лингвист, историк, который впервые обосновал генеральную идею классификации языков на основе их генетического родства. Он резко выступил против распространённой в то время теории моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского, первым осознав необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьёзных этимологических разысканий. Отсюда и появляется высказанная им идея о связи истории языка с историей народа: *«Племенные различия народов ничем лучше не может быть определено, как посредством языка, их сходств и родства»*. Учёный сформулировал задачу отыскать *«origines populorum»* (начало народов), понимая этногенез как процесс формирования языка, поэтому для него генеалогическая схема развития языка вполне соответствовала схеме этнического развития. Впервые в целом виде эта теория была разработана Г. В. Лейбницем в книге «Новые опыты о человеческом разуме» в 1704 г. В ней учёный пишет: *«Так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселении. Вот почему правильно понятия этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдалённому, не имея для этого надлежащих оснований»*.

Г. В. Лейбниц знал, что для решения вопроса о родстве языков и происхождении народов необходимо исследовать громадное степное пространство, которое простирается от Карпат к границам Китая. Не имея возможности самому пройти этот путь, он через своих корреспондентов старался получить как можно больше филологического и этнографического материала. А книга Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария...» становится основным источником для его лингвистических разысканий. Именно через Н. Витсена немецкий учёный начал получать материалы из Москвы. Так, в 1696 г. в письме к шведскому исследователю **Юхану Габриелю Спарвенфельду** немецкий учёный писал: *«Я полагаю, что Пермьяки, различные сибирские народы и т. п., говорят на языках, не сходных с языком Русских. В языке первых заметили ливонские слова. Это утверждает меня в убеждении, что все народы от Лапонцев до Татар, живущих за Каспийским морем, родственны по своему происхождению (d'une rase approchante), и что к ним нужно отнести Финнов, Эстонцев, Ливонцев, Пермьяков, Самоедов и даже Венгерцев, которые живут между Сибирью и Каспийским морем»*. Одним из главных научных достижений Г. В. Лейбница было то, что языки/народы можно объединить в родственные группы, которые в свою очередь восходят к некому общему языку.

Дальнейшее развитие эта теория получила в трудах двух исследователей, которые впервые побывали в России и Сибири и смогли использовать теоретические разыскания Г. В. Лейбница. Речь идёт о **Данииле Готлибе Мессершмидте** (1685–1735) и **Филиппе Иоганне Табберте фон Страленберге** (1671–1747). Д. Г. Мессершмидта пригласил Пётр I для описания Сибири. Учёный в свою очередь привлёк в путешествие Ф. И. Страленберга, который находился в Тобольске как шведский пленный. Собранный в ходе поездки материал, в котором имеются сведения по коми языку, был опубликован Ф. И. Страленбергом после возвращения в Стокгольм в 1730 г. под названием «Северная и восточная часть Европы и Азии...». В этой книге находятся 2 классификационные таблицы – «Gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum harmonia linguarum» (Гармония языков северо-восточных народов, обыкновенно называемых татарами) и «Harmonia linguarum» (Гармония языков). В них приводится лексикографический материал по 20 языкам. Также выделена группа в составе венгерского, финского, (эрзя-)мордовского, вотякского (удмуртского), пермского (коми), вогульского (мансийского), черемисского (марийского) и остякского (хантыйского) языков. Определение состава группы финно-угорских языков стало важным этапом в разработке проблемы происхождения коми. Но это уже другая история.

Так же по-разному трактуется самоназвание этой этнической группы – коми. В настоящее время главенствующей является, видимо, этимология В. И. Лыткина: «наиболее правильным нужно считать сопоставление коми *komi* с удм. *kum*: родня, родственник, человек одного рода, одного корня. Общеперм. **kot* – человек, человек своей национальности. Фонетически и семантически эта версия выглядит вполне безупречно.

Подводя некоторые итоги рассмотрения вопроса: «Кто мы – пермяне, зыряне, коми?», можем предположить, что слова *пермяне* и *зыряне* могут объясняться как народ, проживающий на краю, пограничный народ по отношению с другими.

АЛЕКСАНДР ЧУВЬЮРОВ

Александр Алексеевич Чувьюров – старший научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея. Родился в Республике Коми. В 1994 году закончил Сыктывкарский государственный университет (исторический факультет). В 2003 году в НИИ МАЭ им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) защитил кандидатскую диссертацию. Автор около 70 научных трудов по традиционной культуре коми.

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ

*Горсть жемчуга в ладонях –
Вот путь, который я оставлю тайной.
Благодарю тебя за этот дар:
Уменье спать и видеть сны –
Сны о чём-то большем...*

Б. Б. Гребенщиков
«Сны о чём-то большем»

*Предметы фотографируют, чтобы
изгнать их из сознания. Мои истории –
своего рода попытка закрыть глаза.*

**(Из разговоров Густава Яноуха
с Францем Кафкой)**

В детстве мне часто снились кошмары. От этих кошмаров я просыпался и плакал. К моей кровати подходила мама, начинала что-то ласково говорить, гладить по голове.

Большинство этих сновидений не сохранилось в памяти, но одно я помню до сих пор. Может быть, ещё и потому, что этот ночной кошмар неоднократно в течение полугода повторялся...

МЫ тогда жили в старом дедовском доме. В похозяйственной книге нашего Соколовского сельсовета было указано, что дом построен в 1917 г. И эта архивная справка согласуется с тем, что рассказывала бабушка. По её словам, дом построили в первый год женитьбы моего деда, – Афанасия Павловича Уляшова, ещё до прихода «красных».

История замужества моей бабушки, Марии Афанасьевны Уляшовой (в девичестве Пастуховой), довольно-таки запутанная. Мой прадед, Афанасий Назарович Пастухов, был торговцем-перекупщиком: оптом покупал у торгующих на Печоре чердынских

купцов хлеб, соль, сахар и другие товары, а потом их выдавал в долг охотникам-промысловикам и рыбакам, которые расплачивались за это товарами своей промысловой деятельности (пушнина, боровая дичь, ценные породы рыб – сёмга, сиг, нельма). На своём торговом судне – *каюке** – он развозил товар по деревням на Печоре. Зимой занимался извозом: по Сибиряковскому тракту перевозил с Оби более дешёвые в сравнении с чердынскими купцами продукты – хлеб, зерно, сахар, охотничьи припасы, одежду и обувь. Вероятно, и моя прабабушка Меланья Марковна также принимала участие в его торговых делах: так, в материалах I Всеобщей переписи населения 1896 г. в переписном листе семьи Афанасия Назаровича Пастухова указано, что Меланья Марковна находится в «отъезде в Тобольской губернии».

Свои дела с чердынцами прадед вёл через приказчика по фамилии Палехов, работавшего у одного из чердынских купцов, торговавших по Печоре. Поэтому за моим прадедом в деревне закрепилось прозвище – *Паляхов*, фонетически слегка перестроив фамилию на более приемлемый для коми звучания лад. Нас, потомков Афанасия Назаровича, по сей день в деревне называют родом Паляхова (*Паляхов рөд*).

На одном из сайтов генеалогических исследований я обнаружил репрессированного в 1934 г. жителя села Якши – Александра Васильевича Палехова, 1877 года рождения¹. В 2016 г., во время работы в соста-

КАЮК –

большая дощатая лодка с крышей и мачтой для паруса.

*Александр Алексеевич Чувьюров, с. Соколово
1966 (1967?) г. Фото из семейного архива
А. А. Чувьюрова.*

¹ Палехов Александр Васильевич (1877, Коми АССР, Троицко-Печорский р-н, с. Якша, 1934), коми, пекарь, житель: Коми АССР, Троицко-Печорский р-н, с. Якша. Арест: 1934.03.12. Осужд. 1934.06.07 тройка при ПП ОГПУ Северного края. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 3 года лишения свободы [Книга памяти Республики Коми].

ве комплексной экспедиции коми отделения РГО, в с. Новикбож я познакомился с семьёй Василия Альбертовича Палехова. От них узнал, что их прадед, житель Якши, был репрессирован, а до революции, как и мой прадед «Паляхов», занимался извозом. Возможно, это и есть тот самый Палехов, о котором упоминалось в нашем семейном предании.

У прадеда было семь сыновей и одна дочь – моя бабушка Мария. Дела его шли в гору, но наступил революционный семнадцатый год, и торговле пришёл конец. Окончательно прадед разорился уже после Гражданской войны.

Рассказы моей бабушки о Гражданской войне весьма существенно отличались от канонической версии триумфального шествия советской власти, изложенного в советских учебниках истории. Красные вовсе не выглядели бескорыстными идейными борцами за свободу, а сбродом мародёров и грабителей: «Пришли красные – всё забрали: лошадей, коров, платки, сарафаны, – всё забрали. Полностью нас разорили...» Особенно не жаловала она вычегодских коми, которые составляли значительную часть красноармейских отрядов, действовавших на Печоре: «*дыш эжвасаяс, кодлы дыш вöлі рöбитны, сыа краснöяс и муніс*» («ленивые вычегодцы, – кому лень было работать, тот в красные и шёл»). Моему отцу, который был родом из вычегодского села Деревянск, частенько приходилось выслушивать эти упреки за своих земляков. Поэтому отношения между отцом и бабушкой так на протяжении всей жизни оставались натянутыми. Прадед, по словам бабушки, до 1921 г. скрывался в лесной избушке на реке Большой Вятке (*Вяткино*), опасаясь репрессий «красных», так как один из его сыновей, Савватий, воевал на стороне белых.

Спустя время, когда в 1990-е гг. стали публиковаться архивные материалы и воспоминания участников этих событий, рассказы бабушки получили документальное подтверждение. Так, генерал В. В. Марушевский следующим образом описывает события 1919 г. на Печоре: «В этих глухих местах революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счётов. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приёмами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый, – было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае»².

По словам моей мамы, прадед был дважды раскулачен. Его фамилия встречается в списке за 1934 г.: «Пастухов Афанасий Назарович, 1867 г. р., м. п. с. Соколово, Печорский р-н. Отнесён к кулакам 05.04.1934 г. Признаки: кулацкое хозяйство; занятие торговлей (скрытно после 1926–1927 гг.); применение наёмного труда» (Раскулаченные в Коми АО. Том VI).

Бабушка с моим дедом поженились ещё до прихода «красных». Как рассказывала мама, Паляхов, по своей купеческой жилке, присмотрел для своей единственной дочери богатого кавалера (*озыр кавалер*), но моя кроткая и тихая бабушка, ка-

² Марушевский В. В. *Белые в Архангельске (Гл. IX. Март 1919) // Гражданская война в России: Война на Севере.* – М.: СПб., 2004.

Мария Афанасьевна Уляшова (в дев. Пастухова) и Афанасий Павлович Уляшов. 1955 (1956?) г. Фото из семейного архива А. А. Чувьюрова.

кой она мне и запомнилась, послушалась отца и настояла на замужестве с парнем из соседней дер. Уляшово – Афанасием Уляшовым. Он был родом с Верхней Ижмы, из деревни Лайково (Чулки), – *изъваса*, как у нас про них говорили. На Печору их семья перебралась незадолго до Первой мировой войны. Вначале кто-то из Уляшовых съездил на «разведку» на Печору, а потом, вернувшись в Лайково (Чулки), поведал, насколько богаты рыбой и дичью печорские места. Вот Уляшovy и перебрались на Печору. Поселились они в выселке Самоедский Ручей (дер. Родионово), в двадцати пяти километрах от Соколова, затем основали новый выселок в нескольких километрах от устья реки Лиственничной (в двенадцати километрах от Соколова), который позднее получил название от фамилии первопоселенцев – Уляшово.

КАК рассказывала бабушка, Уляшovy жили бедно (*нужнõя олісны*). Все они были рослые, высокие. Дед, Афанасий Уляшов, в свои шестнадцать лет имел рост два метра и четыре сантиметра (*кык метра и кык чунь*).

В нашей деревне народ высоким ростом не отличался, поэтому, наверное, неудивительно, что бабушка обратила внимание на моего деда, который оказался младше её на четыре года. Прадед, Паляхов, был против того, чтобы породниться с «безлошадными» Уляшовыми, но, возможно, в первый и последний раз бабушка послушалась своего отца.

В итоге их повенчали в церкви в Усть-Кожве. Конечно, истые староверы избегали венчания в новообрядческой (никонианской) церкви: вопросы брака решали без никонианского попа. Такие браки не имели какой-либо юридической силы, по-

*Павла Афанасьевна
Чувьюрова (в дев. Уляшова)
с сыном Колей и дочерью
Тамарой. 1960 г.
Фото из семейного архива
А. А. Чувьюрова.*

этому дети, которые рождались в таких семьях (без венчания в официальной церкви), считались «незаконорожденными» и не имели каких-либо юридических прав на отцовское наследство. По этой причине состоятельные старообрядцы искали разные лазейки, чтобы с одной стороны соблюсти все необходимые юридические нормы, с другой оставаться в старой вере. Собственно, и мой прадед пошёл по этому пути, поэтому и решили закрепить брак венчанием в официальной церкви.

Православный священник Усть-Кожвинской церкви вначале не хотел их венчать, так как деду Афанасию Уляшову в ту пору было 16 лет. Тут в дело вмешался Паляхов – вручил священнику небольшое денежное вознаграждение – и дело с венчанием благополучно разрешилось. В итоге была придумана хитроумная комбинация: бабушку и деда уравнивали в летах, – 20-летнюю бабушку и 16-летнего деда в метрических книгах прописали 18-летними.

Что здесь правда, а что вымысел, сказать сложно. Пока что мне не удалось выявить каких-либо архивных документов, связанных с их венчанием.

Семейную жизнь моей бабушки счастливой не назовёшь: дед, в отличие от бабушки, оказался любителем шумных компаний, его застолья иногда затягивались до самого утра, был заядлым картёжником. Как-то раз, по словам мамы, он даже проиграл в карты лошадь. В том самом семейном предании о женитьбе бабушки и деда рассказывалось, что одним из условий согласия Паляхова на брак было то, что после венчания дед, Афанасий Уляшов, примет «старую веру» (перейдёт в старообрядчество). Но своего обещания он не сдержал, и лишь за полгода до смерти его, уже тяжелобольного (он жил тогда у тёти Василисы), покрестили в большой купели (*ыджыд кантукын*).

Дед – инвалид Гражданской войны. В 1919 г. в Усть-Кожве гостил красноармейский отряд «печорского Чапаева», Мориса Мандельбаума. Для пополнения

личного состава из соседних с Усть-Кожвой деревень насильно мобилизовали новобранцев. В их числе оказался и Афанасий Уляшов. Воевать за новую власть он, судя по всему, не горел особым желанием, к тому же на стороне белых воевали некоторые его родственники, и при первой же возможности, по дороге на Ижму, дед пытался бежать, но кто-то из красноармейского дозора сумел его ранить. Дед, скрываясь в лесу, добрался до Соколова. В итоге началась гангрена, и он остался без ноги. Поэтому всех потомков Афанасия Уляшова называли – *коко рёд* (род безногого).

Семья моей бабушки до последнего отказывалась вступать в колхоз. К 1936 г. в селе осталось только несколько семей, так называемых трудовых единоличников. В Печорском архиве в материалах заседаний Соколовского сельсовета 1990-х гг. я обнаружил дело, которое касалось истории семьи того самого периода. В протоколе № 8 от 28 апреля 1936 г. моя бабушка причислена к единоличникам, «злостно уклоняющимся от уплаты недоимков за I квартал 1936 г.»: «Уляшова Мария Афанасьевна. Недоимка за I квартал 1936 г. 61 литр (молока – А.Ч.). Особо предупредить и дать срок ликвидировать к 10-мая все недоимки. Корова отелилась».

Деда своего я уже не застал, он умер в 1958 г., в возрасте 56 лет, за несколько месяцев до рождения моей сестры Тамары. Осталось от него несколько фотографий и дом, в котором прошло моё детство, – от рождения до юности.

С ЭТИМ домом и связан один из ночных кошмаров, который в течение долгого времени преследовал меня. В жилой части дедова дома было две комнаты. В первой, большой, центральное место занимала русская печка с полатями, платяной шкаф жёлтого цвета, который служил также перегородкой между большой комнатой и кухней перед русской печкой. Справа у входа стояла большая кровать, на которой спала бабушка. Далее вдоль стен до красного угла тянулись деревянные лавки (*лабич*). Между лавками и кроватью громоздился сундук. В кухоньке (*кётшас*), напротив русской печки, стоял стол и висело два навесных кухонных шкафчика.

В маленькой комнате ночевали мои родители. Там располагались их двуспальная кровать, стол, на котором стояли магнитола «Серенада», патефон и пластинки отца. Бабушка в шутку называла эту комнату «кабинетом отца» (*айыдлён кабинетыс*).

Здесь же находилась моя детская кроватка, с раздвижной боковой стенкой с сеткой. Напротив неё через узкий проход стояла печка-плита. Вот с этим узким проходом и связано моё ночное кошмарное сновидение. И этот сон во всех его мельчайших деталях раз за разом повторялся.

Мне снилось, что я нахожусь в поле, на лугу, за ручьём (в верхнем конце села, возле ныне не существующего здания конюшни), и меня кто-то преследует. Его лица я не видел, так как боялся оглянуться. И преследователь не бежал по земле, а парил в воздухе. Я видел на земле большую тень, которая накрывала меня, и слышал дыхание. Оно становилось всё ближе и ближе. Я бежал изо всех сил, но оторваться от преследователя мне не удавалось: ноги были как будто ватные и плохо повиновались, я чувствовал слабость. И он презрительно улыбался, так как легко мог догнать меня, но его забавляло преследование беспомощного ре-

бёнка. Он словно играл со мной, как кошка с мышью. Потом во сне я добежал до прохода между моей детской кроваткой и печкой и там застревал. Сзади совсем рядом ощущал дыхание своего преследователя. Я пытался пролезть через узкий проход, но мне это не удавалось, а он нависал надо мной сзади и ухмылялся. Не видя лица, я лишь чувствовал его иронично-презрительную ухмылку. Я в страхе просыпался и плакал, отчего ко мне подходила мама и начинала утешать.

Этот сон, всё в тех же деталях, повторялся снова и снова. И всякий раз, когда на меня наваливался кошмар, я просыпался от ужаса в слезах. В конце концов отцу мои ночные истерики надоели, и меня переместили в большую комнату на полати, туда, где обычно спали брат и сестра. Но и здесь кошмар не оставлял меня, и вновь я просыпался с плачем. Вставала с кровати бабушка, поднималась по ступенькам на полати, начинала гладить меня по головке, как это делала мама, и успокаивала: «Узь, жальё, узь» («Спи, миленький, спи»). Я потихоньку засыпал.

Перед сном бабушка говорила мне, чтобы я сложил пальцы в фигу и просунул руку под подушку. В этом случае, мол, дурные сны не приснятся: «*Пöдушкатö вöч да пöдушка улад китö сюй – и лёк вöтсö он вöтась*» («Пальцы сложи в фигу и так просунь руку под подушку – и дурные сны тебе не приснятся»).

Спустя годы, вспоминая советы бабушки, я думал, почему это она, истая староверка, давала такие странные советы: почему именно пальцы нужно было сложить в фигу, а не в крестное знамение?

В этом часто повторяющемся кошмарном сне не было ничего антропоморфного. Ведь во сне я не видел лица своего преследователя и не мог сказать, был ли это человек или какое-то летающее чудовище, но почему-то в моём детском воображении этот сон крепко-накрепко связался с *Можаихой*, с нашей соколовской *еретницей* (колдуньей) – с Анной Демидовной Пастуховой.

Можаиха приходилась родственницей моей бабушке – была женой её старшего брата Петра Афанасьевича Пастухова по прозвищу Можаев. Как мне рассказывала мама, Можаев – неродной сын моей прабабушки Меланьи Марковны. Ещё до того, как мой прадед Афанасий Назарович Пастухов женился на моей прабабушке Меланье Марковне, он встречался с одной женщиной, и в результате у них появился первенец – сын Пётр. Если я всё верно сохранил в своей памяти, эта женщина вскоре после родов умерла. Спустя некоторое время мой прадед женился на Меланье Марковне и взял сына в свою новую семью. Его деревенское прозвище Можаев также было связано с чердынскими торговцами – основными поставщиками товаров на Печору в предреволюционные годы. Можаев был мастеровитым плотником – строил большие лодки. Его постоянным заказчиком являлся торговец из Чердыни по фамилии Можаев, потому и прозвали первенца моего прадеда *Можаевым*. Наверное, именно из-за того, что Можаев не был сыном моей прабабушки, его потомков всегда отделяли от рода Паляхова, для жителей села они так и оставались родом Можаева (*Можаев рöд*).

Жена Можаева, Анна Демидовна, была на четыре года старше моей бабушки, а родом из той же Извайльской волости, откуда переехала на Печору семья моего деда, возможно, даже из той же самой деревни Лайково или из соседней деревни Няюд. По крайней мере, в Лайково её тоже знали.

*Мамины сёстры – Анастасия
Афанасьевна Давыдова (тётя Настя)
и Василиса Афанасьевна Вахрамеева
(тётя Василиса – справа). с. Соколово.
1950-е гг. Фото из семейного архива
А. А. Чувьюрова.*

В начале 1950-х гг. мамина сестра – тётя Василиса – поехала с моим дедом-инвалидом к родственникам в деревню Лайково. Там она познакомилась с одной местной женщиной, которая, узнав, что тётя Василиса приехала из Соколова, спросила про Можайху:

– *Мый нё, Анна Демидовнаыс пыр на съод делаяснас занимайтчö?* («А что, Анна Демидовна до сих пор занимается чёрными делами?»)

– *Кутшöм съод делöясөн?* («Какими это чёрными делами?») – удивилась тётя Василиса.

– *Ся взд еретнича – тшыкöдысь, уна тані йöзлы лёксö вöчис* («Она ведь еретница, колдунья, много зла здесь людям сделала»), – ответила женщина.

Любопытно, что и саму тётю Василису многие в Соколове подозревали, что она знает с недобрыми силами. Помнится, в детстве, когда мне случалось бывать у неё в гостях, кто-нибудь из взрослых спрашивал:

– *Мый нё, аддзылін тьöтыдлысь съод книгасö?* («Что, видел у своей тёти чёрную книгу?»)

Причина этих расспросов была мне непонятна. Уже позже от своей мамы я узнал, откуда возникли эти истории про *съод книгу* («чёрную книгу»).

Дело в том, что мой дед, Афанасий Уляшов, происходил из семьи знахарей

(*тöдысь*). Когда и кто передал ему дар знахарства, – неизвестно. Тöдысем был также его брат Николай, возможно, и их отец, мой прадед Павел Уляшов, также знахарствовал. Не исключено даже, что лечением они занимались параллельно, в одно и то же время. По словам мамы, до самого крещения в «старую веру» (хотя в детстве был крещён в православной (новообрядческой) церкви) дед не носил нательного креста. На вопросы, почему не носит, отшучивался: «Я большевик».

В памяти односельчан дед остался человеком широкой натуры, хлебосольным, не чуждым различным порицаемым склонностям: пил, курил, был страстным картёжником. Несмотря на такую видимую открытость, о его знахарской деятельности известно мало: эта сторона жизни, даже если он был подвыпившим, никогда не становилась предметом бесед. Возможно, что внешне открытый, бесшабашный стиль жизни имел скрытую мотивировку: умерить любопытство окружающих к его знахарской практике.

Кое-что из того, чем занимался дед, осталось в памяти моей мамы, но как она сама признавалась: «Я никогда этим не интересовалась – боялась». К нему обращались, когда было подозрение на сглаз и порчу. Обычно свои знахарские обряды дед проводил у себя в доме после захода солнца (*шонді пуксьöм бöрын*). При этом никто, кроме непосредственных участников ритуала, не должен был знать, что собираются пойти к Афанасию Уляшову. После прихода «больного» дед посылал за водой кого-нибудь из домашних или же сопровождавших больного родственников. Воду следовало набирать в месте соединения трёх ручьёв, обязательно по течению. Для такой воды предназначалась специальная посуда – берестяной туесок. Посланный за водой по дороге ни с кем не должен был разговаривать, отвечать на приветствия (такая вода называлась *«шыасьтöм ва»* – «безмолвная вода»).

Затем дед брал белый камень и железную пластину (они хранились специально для этого обряда) и, стуча ими друг о друга, читал «какую-то молитву», заговаривая воду, после этой водой обливал больного. Из дома во время проведения ритуалов удаляли всех домочадцев и посторонних; не разрешалось рассказывать о времени и месте проведения лечения. Существовал и ряд других предписаний, без которых, считалось, лечение не будет иметь должного результата.

Дед, как я уже отмечал, умер рано, в 1958 г. в возрасте 56 лет. Последние годы сильно болел и часто повторял фразу: «Если есть Бог, он даст мне смерть – и я умру». Говорил так, потому что очень тяжело болел. За полгода до смерти принял крещение в «старую веру». Перед тем как креститься, по словам мамы, он передал свой дар одной родственнице из деревни Уляшово, которая к тому времени уже переехала в Печору. А перед этим сказал тётё Василисе: *«Ме бы тэныд сеті дарсö, тэнад характеры сы вылö лöсьлö, но тэнад вывті ота восьса вомыд, став мир кузьтаыс разöдан, оз позь»* («Я бы тебе передал дар, твой характер для этого очень подходит, но у тебя слишком открыт рот, и ты по всему миру всё разнесёшь, а это нельзя»).

Народная молва называла моего деда *бур вöчысь* («делающий добро»), и, собственно, о его знахарской стороне жизни рассказывают только в связи с теми или иными исцелениями, в то время как Можайха фигурировала исключительно в

рассказах, связанных с порчей. В годы моего детства (1960–70-е) в Соколове бродило много историй о Можайхе.

Одна из этих историй касалась жителя деревни Уляшово Мишарина. Рассказывали, что у Мишариных перестала доиться корова, пропало молоко. И так продолжалось две недели. Как-то раз, зайдя в хлев, Мишарин увидел большую серую собаку. Он сильно удивился: хлев был закрыт, и обычным способом туда собака попасть не могла. Кроме того, в ближайшей округе таких собак серой масти не держали. Мишарин взял большую палку и несколько раз сильно ударил собаку, а затем выгнал её из хлева. Спустя несколько дней, когда Мишарин по каким-то делам приехал в Соколово, ему сообщили, что Можайха упала с повети и так сильно ушиблась, что даже пришлось вызывать врача. Мишарин на это попросил передать Можайхе следующие слова: «Смотри, сука, если ещё раз попадёшься мне в руки, заколочу до смерти!»

В другой также весьма известной истории про Можайху рассказывалось, что к ней на проживание временно поселили молодую девушку-фельдшера. И та однажды увидела, как Можайха кружится, кружится, а затем превращается то в собаку, то в кошку. Спустя некоторое время эта девушка, будучи одна в доме, заглянула в туесок, который находился на половине Можайхи. Там копошились мыши и ящерицы. Когда она рассказала об увиденном местным жителям, они объяснили, что это *шева*, нечистые духи, посредством которых еретницы наводят порчу на людей.

Одну из историй, связанных с Можайхой, я слышал в детстве от нашей соседки Маргариты Васильевны Хозяиновой (деревенское прозвище – Силь Петь гётыр).

История следующая. В конце шестидесятых к нам в Соколово летом, в июне, заехали цыгане. Неизвестно откуда они прибыли и как добрались сюда: в те времена летом единственной дорогой, которая связывала нас с «большой землёй», была река. Я помню, в верхнем конце села (*Катыдном*) стоял цыганский лагерь – то ли большая брезентовая палатка, то ли шатёр; на костре возле этой палатки готовили еду. Днём цыгане ходили по деревне и продавали шерстяные свитера, шали. Жители деревни опасались их, говорили, что цыгане под видом продажи воруют вещи. И поэтому предусмотрительно закрывали двери, завидев идущих по улице цыган.

Цыгане пробыли около недели, а затем как внезапно появились, так внезапно и уехали со всем своим скарбом. После себя они оставили разные истории, одна из которых связана с Можайхой.

И вот к Маргарите Васильевне зашла цыганка. Наша соседка была одной из немногих деревенских хозяек, которая не держала корову. Её попытки завести корову заканчивались одним и тем же: коровы через какое-то время умирали, то от попавшей в пищу иголки, то от какой-то непонятной болезни. Вначале цыганка предложила купить у неё пуховые шали, свитера. Маргарита Васильевна отказалась. Цыганка немного посидела и потом говорит:

– Слышала, что коровы у вас подышают. Так вот что я вам скажу. Невысокого роста женщина порчу на вас навела: в хлеву, под половыми досками, зарыла она ногти и волосы умершего, поэтому коровы у вас идохнут. Ничего вы с этим не сможете поделать: надо перестроить хлев и на новом месте его поставить.

Цыганка рассказала историю про порчу и ушла: ни денег, ни другого не попросила.

Рассказы о Можайхе были частью фольклорной действительности, частью повседневных бесед наших соколовских женщин: различные истории про то, как Можайха превращалась в ящерицу или же преследовала кого-то в лесу. При этом человек саму Можайху не видел, а только слышал её голос, например, прислонившись к берёзе.

Возможно, именно поэтому и мой навязчивый ночной кошмар стал ассоциироваться с её образом.

Хотя Можайха приходилась нам родственницей, заходила редко. По соседству через небольшой переулочек жила её дочь Агафья (*Ӧгаш*), и по пути к ней Можайха иногда, случалось, заходила к нам. Она, пожалуй, была единственным человеком в деревне, к кому моя бабушка (человек редкой доброты) относилась неприязненно. Всякий раз, когда случалось Можайхе проходить по переулку мимо нашего дома, бабушка посылала меня припереть дверь: «*Мун өддӧ, сипты өддӧссӧ, мед лешачихаыс-еретницаыс оз пыр!*» («Иди быстрее, закрой двери, чтобы эта еретница не зашла в дом!»)

Если же по моей нерасторопности дверь оказывалась незапертой, то между невесткой и золовкой начиналась словесная перепалка, скрытая от глаз непосвящённых, но понятная всем, кто мало-мальски был в курсе всех деревенских историй, связанных с Можайхой.

Внешне Можайха держалась доброжелательно, участливо, со всякими подробностями расспрашивала про жизнь нашей семьи (и про нас, детей, и про корову – сколько даёт молока), про всех многочисленных внуков и детей, сопровождая бабушкины ответы репликами: «*Майбыръяслӧн челядьыс, скӧтыс, ставыс бур*» («Счастливцы – всё у них хорошо: и дети, и скот – всё в порядке»). Бабушка на её расспросы отвечала сухо и, как только за Можайхой закрывалась дверь, набирала в рот воды из ковша и обрызгивала порог, приговаривая:

– *Сӧс лешачихаӧй, мый гӧран-кӧдзан, мед ставыс аслыд лоас!* («Поганая колдунья, что ты сеешь-ворожишь, чтоб к тебе самой вернулось!»)

Со мной бабушка тоже проводила подробные инструкции, как мне следует вести себя, если случится где-нибудь встретиться с Можайхой. Я должен был три раза незаметно плюнуть через левую руку со словами:

– *Сир пинь тэныд горышад! Мый тэ гӧран-кӧдзан, мед ставыс аслыд лоас!* («Щучий зуб тебе в горло! Что ты сеешь-ворожишь, чтоб к тебе самой вернулось!»)

От сглаза бабушка прикрепляла мне булавку на рубашку с тыльной стороны.

После одного случая отношения между бабушкой и Можайхой расстроились окончательно. На берегу реки, возле большой поляны (*ыджыд креждор*), жил сын Можайхи – Василий Петрович Пастухов (*Можаяев Вась*). Василий Петрович работал в клубе, у него было четверо детей: два сына и две дочери.

Весной и осенью, в свободное от сенокосной страды время, поляна возле дома Василия Петровича становилась главным местом игрищ деревенской детворы. Играли в догонялки (*кутасьӧмӧн*), в «рыбаки и рыбки», а также в типичные мальчишеские игры с пистолетиками со всякими шумовыми эффектами. Было два вида таких детских «огнестрельных» игрушек. Первый мы называли «пугач»:

к корпусу вырезанного из дерева пистолета прикреплялась медная трубочка, один конец которой был загнут. В трубку набивалась селитра из спичек. Затем загибался гвоздь такой толщины, чтобы он мог свободно входить вглубь этой медной трубки. К загнутому концу гвоздя закрепляли резинку. Гвоздь под углом, чтобы не произошло «самопроизвольного выстрела», вставляли в отверстие медной трубки. И после этого его загнутым концом легонько постукивали по какой-либо деревяшке, чтобы освободить гвоздь от зацепления; под натяжением резинки он ударялся в конец трубки, и раздавался хлопок от возгорания спичечной селитры. Другой разновидностью «детского огнестрельного оружия» был «поджиг». В этом случае обходилось без гвоздя и резинки. В трубку подсыпался порох и поджигался через маленькое отверстие – происходил хлопок. Из-за таких не совсем безопасных игрушек нередко случались травмы, когда в пылу азарта в трубку набивалось слишком много селитры или пороха. Однажды, играя на берегу, из самодельного пистолета-поджига попали в глаз младшему сыну Василия Петровича Николаю. В своё время деревенские острословы «окрестили» Николая прозвищем *Берия* (в обиходе его так и величали – Берия или Берия Коля). Мальчика увезли в печорскую больницу. Кто-то из детей пустил слух, что этот злополучный выстрел сделал мой брат Коля.

Сейчас, по прошествии многих лет, подробности этого события забыты даже непосредственными участниками и свидетелями. Много позже выяснилось, что виновником в действительности был не мой брат Коля, а мой одноклассник Ваня Канев (*Ваня Грузин*).

Я стал очевидцем финальной части этой истории. После случившегося Можайха прибежала к нам. Бабушка чем-то занималась во дворе. Я, услышав крики, выбежал во двор. Перед крыльцом у нас был дощатый настил, и вот на этом настиле стояли моя бабушка и Можайха. Можайха кричала, проклиная наш род, перечисляя всех нас поимённо, а бабушка в ответ лишь приговаривала:

– *Мед тэныд аслыд став лёкыс лоё, мый тэ гёран-кёдзан, мед ставыс аслыд локтас, сёс лешачихаёй! Сир пинь тэныд горшад! Мый тэ гёран-кёдзан, мед ставыс аслыд лоас! Тьпу, тьпу!* («Что ты сеешь-ворожишь, чтоб к тебе самой всё вернулось, поганая колдунья! Щучий зуб тебе в горло! Что ты сеешь-ворожишь, чтоб к тебе самой вернулось! Тьфу, тьфу!»)

Увидев меня, выскочившего из дома, бабушка отогнала обратно... Можайха к нам потом уже не заходила.

Спустя годы отголосок этих событий получил продолжение в одной истории. В 1970-е гг. в Соколово на танцы в поисках «легкодоступных девиц» приезжала «молодёжь» из посёлка Путеец. Между соколовскими ребятами и «гастролёрами» из Путейца частенько происходили драки. Участником одной из драк оказался мой брат Коля. В итоге он на четыре с половиной года попал в исправительно-трудовую колонию (ст. 206 УК РСФСР).

И вот после возвращения из заключения, как рассказывал Коля, ему по дороге встретилась местная старообрядка, Александра Пастухова (деревенское прозвище – *Лаве Санэ* («Александра, дочь Клавдии»). Она подошла к нему, неожиданно обняла и обратилась со следующими словами: «*Коля, жальё, ме вед тёда, тэныд зэй-зэй сьёкыд. Тэно вед ёрёмаось. Сійён тэ и тышкасян, асьтё он вермы кутны*

с. Соколово. На фотографии виден фронтон перестроенного после пожара дома Чикуновых (слева по кадру).

и лёкас пыран. Тэно ёрöмаось – сійён тэ тадз и олан» («Коля, миленький, я знаю, тебе очень-очень тяжело. На тебя навели порчу, потому-то ты и дерёшься, делаешь то, чего не хочешь, сам себя не можешь удержать, потому что навели на тебя порчу»).

Можайха дружила с Трабать Татьяной, часто приходила к ней в гости. Трабать Татьяна тоже имела недобрую репутацию – была она женщиной злобной, склочной, завистливой. Как говорили отцы церкви, «подобное тянется к подобному»...

После переезда в новый дом меня вновь стали преследовать разные ночные кошмары, связанные с Можайхой. Один из этих кошмаров я помню до сих пор. Во сне я увидел наш двор. На небе висела полная луна, и снег искрился в лунном свете. Возле дома Трабать Татьяны стояла Можайха, одетая в *ной парку**. На голове вместо платка – чугунок, который, подобно рыцарскому шлему,

НОЙ ПАРКА –

глухая верхняя одежда с капюшоном из фабричного сукна серого цвета.

закрывал всё лицо. Но я знал, что это Можайха. Она разбежалась от дома Трабать Татьяны и врезалась чугунком в угол нашего дома, да с такой силой, что он содрогнулся. Удары повторялись несколько раз... Я в ужасе проснулся с колотящимся сердцем. На улице стояла зимняя ночь, и казалось, что где-то там, за стенами дома, бродит Можайха в ной парке, с чугунком на голове.

Спустя несколько недель после этого сна произошло моё столкновение с Можайхой. Как-то после уроков я решил покататься на лыжах. Я шагнул по переулку между домами Трабать Татьяны и Чикуновых. От Трабать Татьяны вышла Можайха и направилась к тропинке, которая вела по переулку. Я хотел проскочить мимо неё, чтобы избежать встречи. Но со мной случилось то, что часто происходило во сне: я почувствовал какую-то слабость в ногах, они стали будто ватные.

Я рассчитывал, что мне всё-таки удастся проскочить мимо Можайхи, но мы встретились на перекрёстке. Я шёл по снежной целине, а она по тропинке. Боковым зрением я видел её лицо, большие очки, тонкие губы, которые беззвучно шевелились, что-то нащёптывали. И тут Можайха замахнулась и ударила меня своей палкой. Удар пришёлся по спине...

У Чикуновых была собака – дворняжка непонятной породы. Надо заметить, что в детстве меня испугала собачка дочери Можайхи – Людмилы Петровны, и с тех пор я боялся собак. Поэтому, чтобы снискать их лояльность, я всегда таскал с собой хлеб и печенье. Возле дома Чикуновых мне часто приходилось проходить, поэтому я всегда старался подкармливать их собачку. Мы с ней подружились. Увидев меня, она всегда радостно выбегала навстречу. Вот и в этот раз тоже побежала ко мне. Увидев, как Можайха замахивается и ударяет меня палкой, собака бросилась на неё. Можайха размахивала палкой, пытаясь отогнать её, сделала шаг в сторону от тропы и провалилась в снег, а затем потеряла равновесие и упала. Я пошёл дальше, не стал наблюдать за схваткой.

А ночью в доме Чикуновых случился пожар. Никто не пострадал, успели вывести скот, вытащили мебель, и дом тоже в общем-то удалось спасти. В пожаре погибла только эта собачка: ночь была морозная, и собачку пустили переночевать в хлев, а во время пожара о ней забыли...

Для меня это было жутким потрясением. Мне казалось, что я единственный человек, который знает истинную причину пожара...

А наш дом, в котором мы жили с 1973 г., сгорел в 1990-е вместе с нашим семейным архивом (с дневниками моей мамы и тёти Насти, а также семейными фотографиями), а в 2004 г. сгорел и дом деда. Станным образом история с этим пожаром оказалось косвенно связана с Трабать Татьяной.

В начале 2000-х гг. ко мне в Петербург приезжала родственница (врачи определили у неё глаукому). В какой-то газете она прочитала, что в Петербурге есть целительница, к которой обращаются с разными заболеваниями, и попросила меня сопроводить её к этой целительнице. После так называемого сеанса целительница, выходя из комнаты с моей родственницей, подошла ко мне и обратилась с такими словами: «Александра сказала, что у вас в деревне сгорел дом. Женщина, которая навела порчу, сама придёт, и ты увидишь, кто это сделал».

Л ЕТОМ 2003 г. я поехал к родителям. И вот там мне приснился странный сон. Как будто я сплю в большой комнате, окна не занавешены, на улице светло – белая ночь. Вокруг дома ходит Трабать Татьяна, заглядывает в окна; в руке у неё какой-то свёрток – что-то обёрнутое в плотную белую бумагу, и я знаю, что она собирается подкинуть этот свёрток в дом.

Буквально через несколько дней всё это практически в деталях повторилось наяву. Я лежал на кровати, дремал, а брат Коля сидел, смотрел телевизор. Вдруг я очнулся от дремоты и увидел в окне Трабать Татьяну. Окно не было занавешено, она стояла и смотрела внутрь, потом постучала в окно. Я встал. На часах было около половины двенадцатого ночи. Брат говорит: «Выйди узнай, что ей нужно». Я вышел. Трабать Татьяна обратилась ко мне:

– Вернулись с сенокоса, племянник решил покурить, а спичек в доме не оказалось. Вынеси спички.

Я вынес коробку.

– Коробка у меня есть. Штучек семь спичек возьму, а потом уже утром в магазине спички куплю и верну вам, – сказала Трабать Татьяна. Достала из коробки семь спичек и ушла. Я вернулся в дом.

– Зачем она приходила? – спросил Коля.

– За спичками, – ответил я.

– Бур йёзыс татшөм кадö спичкила оз ветловлыны, – сказал Коля. – Из ков сетны. Висьталін бы, мый тоже асланым спичкиыс абу («Добрые люди в такую пору не ходят за спичками. Не надо было давать, сказал бы, что у нас у самих нет спичек»).

Я подумал, что поступок действительно странный: наш дом не самый близкий к дому Трабать Татьяны, да и раньше не случалось, чтобы она зачем-то к нам приходила (по соседству с нами жила Маргарита Васильевна, с которой Трабать Татьяна враждовала – А.Ч.). К тому же почему отказалась взять коробку, а взяла только семь спичек, и почему именно семь, а не просто на глазок четыре-пять?

Спустя полгода дом деда сгорел. Вот и думай, что хочешь...

А Можайха умерла в 1980-е гг. Как мне рассказывали, последние месяцы жизни она провела в доме дочери – Людмилы Петровны Каневой.

Некоторые истории про Можайху можно услышать и сейчас. Кое-что я записывал во время своих этнографических экспедиций в 1990-е гг.

Вот одна из этих историй, которую мне в 1993 г. рассказала моя соседка Маргарита Васильевна:

«Зимой это было. Пришла с работы и вижу: в сених лежит новая калоша. Я подумала, что это одна из заходивших к нам бабушек по случайности оставила. Положила на полку, подумала, что зайдут за пропажей и спрошу. А потом, через несколько дней, вот так же вечером вернулась с работы, смотрю – опять на полу валяется калоша. Вначале мне показалось, что это кошки уронили с полку ту, предыдущую. Посмотрела на полку, а та калоша на месте, и обе калоши новые, как будто только что из магазина. И у меня вроде как получилась пара новых калош. И главное, никто не спрашивает. Ладно, думаю, нет так нет. Рассказала мужу, что так и так, калоши новые кто-то у нас в сених оставил. А муж стал меня ругать: «Дура, это кто-то из еретников порчу на нас наводит!» Затем он взял две иголки,

*Людмила Петровна Канева
(Энциклопедия уральских мифологий) ►*

*Валера Шарапов (первый ряд слева)
с членами семей Чувьюровых и Овериных.
Экспедиция КНЦ УРО РАН. 1993 г. ▼*

разломал ушко и воткнул их над косяком, а мне сказал, чтобы я растопила печку, закрыла дверь и сожгла эти калоши. Кто бы ни стучал, хоть с каким важным делом, ни в коем случае не открывать – так он сказал. Калоши новые сжигать было жалко, но я послушалась мужа: растопила печку, бросила калоши. И тут в дверь настойчиво стали стучать. Стучат и стучат, я думаю – что-то случилось. Открываю, а там в дверях соседка, Анна Игнатьевна (*Иге Анна*), говорит, гости пришли, хотела уху сварить, а картошки нет: укрыла, мол, свою картошку, и не хочется копаться в погребе, так дай пару картофелин. Я и дала. А потом, вечером, внук Иге Анны пришёл в гости к моим детям. Спросила, что за гости к её бабушке пришли. Он говорит, какая-то старушка, невысокого роста, в очках. Это была Можайха. Спросила, что они делают. Сказал, что уху едят. Вот они моё добро и съели: через несколько лет сын погиб, муж пьяный отморозил руку. Вот они моё добро и съели (*менсьым бурсö сёйисны*)».

С дочерью Можайхи связана одна забавная история из моей экспедиционной практики. В 1993 г. я вместе со своим университетским товарищем и коллегой Валерой Шараповым собирал материал в Соколове. Валера делал фотографии женских костюмов для атласа Республики Коми. Мы собрали детали костюма (рубашу, сарафан и платок), но бабушки позировать отказывались. Согласилась только дочь Можайхи – Людмила Петровна Канева. Мы договорились, что на следующий день утром зайдём к ней.

– Если получится, – уточнил Валера.

– А почему не должно получиться? – спросила внучка Можайхи Лидия.

– Так вон всё время дожди идут, – ответил Валера.

А погода действительно стояла скверная. Уже около недели шли дожди, небо затянуло, и казалось, конца и края не будет этой дождливой мороси.

– *Нинём, ми войбыд кутам киместитчыны, и аски лоас бур поводдя!* («Ничего, мы ночь поколдуем, и будет хорошая погода!») – сказала внучка Можайхи.

Я посмотрел на неё, и она засмушалась.

И что удивительно, на следующий день действительно стояла чудная погода, – ясно, ни облачка. Фотосессия вышла удачной, и сейчас фотография дочери Можайхи находится в одном из экспозиционных залов Национального музея Республики Коми в Сыктывкаре.

Спустя годы все эти былички про Можайху я во многом воспринимаю как фольклорную действительность, но поскольку я человек мнительный, то стараюсь держать дистанцию от потомков Можайхи...

Так всё-таки спокойнее и легче...

Путешествие по северу России

Французский путешественник
у коми-зырян

Сочинение французского исследователя Арктики, путешественника, географа, переводчика, журналиста и популяризатора науки Шарля Рабо «Путешествие по северу России» (*A travers la Russie boréale*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1894. 320 p.) написано в научно-популярном жанре. Оно рассказывает о поездке её автора с 19 июня по 27 сентября 1890 г. к восточно-финским народам России, а в основе книги лежат не только непосредственные, пронизанные мягким юмором наблюдения за их жизнью, но и различные исследования.

Ш. Рабо родился 26 июня 1856 г. в городе Невер, в центральной Франции. Свою карьеру он начинал как альпинист, а с 1880 г. проводил географические и этнографические исследования в Финляндии, Норвегии, на Кольском полуострове и Шпицбергене, внёс большой вклад в изучение гидрографии, гляциологии, метеорологии, магнетизма и геологии этих территорий. Рабо вёл активную популяризаторскую деятельность, публикуя в иллюстрированных журналах статьи об Арктике. Рабо являлся членом Лондонского королевского географического общества, рыцарем ордена Почётного легиона, за вклад в изучение Арктики имел шведские и норвежские награды. Скончался путешественник 1 февраля 1944 г. в д. Мартинь-Фершо в Бретани и был похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Его книга – это своеобразное «медленное чтение» географического и социального пространства Северного Урала. Медленное оно ещё и потому, что он путешествовал на лодках, на нанятых вместе с кучером лошадях, а то и вовсе пешком. Сочинение Рабо решительно разрушало бытовавшие на Западе представления о России как исключительно холодной и мрачной стране. Он старается

ШАРЛЬ РАБО
(1856-1944)

*Французский географ,
гляциолог, путеше-
ственник, журналист,
преподаватель, пере-
водчик и проводник.*

внушить читателю мысль, что это не так, что на самом деле эта территория состоит из множества природно-географических зон и отнюдь не является покрытой льдом пустыней, хотя характеристики российских ландшафтов у французского исследователя близки привычным западным стереотипам, что, впрочем, неудивительно: он путешествовал по северу страны, и его текст является частью большой библиотеки подобных сочинений, стиль которых по аналогии с «ориентализмом» с недавних пор принято называть бореализмом (от греч. borealis, «северный»), – пронизанным определёнными стереотипами европейским восприятием пространства и культуры северных областей земного шара. А эти области в общественном сознании западноевропейцев ассоциировались преимущественно с Сибирью – страной тайги и болот, таящей несметные сокровища земных недр и пушнины и населённой вдали от дорог и благ цивилизации людьми крепкого («сибирского») здоровья и спокойного мужества.

Рабо обычно прибегает к наиболее удобному способу передвижения в исследуемых им местах – по реке, которая, задавая структуру их пространства, в какой-то мере приобретает в его описании характеристики Мирового древа. С мифопоэтической точки зрения его странствие происходит не по горизонтали, а по вертикали, и изоморфно путешествию шамана по мирам Вселенной, поскольку, как и в шаманских мифологиях, олицетворяет движение из Верхнего мира (в данном случае – из цивилизованного, окультуренного западноевропейского пространства) в расположенные ниже миры.

При этом нарастание энтропии в виде расширения зоны, если не откровенно враждебной, то, во всяком случае, не вызывающей тёплых чувств природы и всё большей примитивизации местного населения, происходит в процессе реального перемещения путешественника вниз или вверх по водной поверхности. Рассказ Рабо глубоко мифологичен, пропитан предметами и образами, характерными для мифологических текстов: дремучими лесами, бесконечными реками, топкими болотами, мостами, языческими богами, странными обычаями и т. д. Его описаниям легко можно подобрать соответствия в мировой мифологии и в произведениях художественной литературы.

К авторскому тексту даны мои примечания. Перевод с французского выполнен А. Ш. Губайдуллиной.

*И. В. КУЧУМОВ,
кандидат исторических наук.*

Из Чердыни на Печору

*Колва. – Вогулка. – Комары. – Затопы из деревьев. –
– Волок между Вогулкой и Печорой. – Зыряне.*

Чердынь – городок с населением в 4 тыс. жителей, живописно раскинувшийся в долине Колвы. Здесь впервые после Казани пейзаж изменился. Вдали за сиеновой лесов виднелся возвышающийся на 524 м Полюдов Камень – последняя уральская гора. Торчащий посреди ровной поверхности, он походит на выступающую из моря одинокую скалу. После Перми мы двигались вдоль отрогов Урала и неожиданно наткнулись на этот объект.

В Чердыни мы продолжили свои исследования. Отныне у нас больше не было дорог и привычных транспортных средств. Дорога через безлюдный регион, простирающийся на 300 км до Печоры, шла мимо множества притоков Камы. Сначала это была Колва, затем – Вишерка и Берёзовка, потом Еловка и, наконец, Вогулка. Лодки плывут по последней реке только 6 км до Волосницы, судоходного притока Печоры, так что от Камы до Печоры тянется почти непрерывная судоходная линия, такая естественная магистраль посреди этих глухих мест.

В момент нашего прибытия в Чердынь один из местных именитых купцов, месье Суслов¹, собирался отправить на Печору на своём пароходе 2 инженеров. Он любезно предложил нам поселиться в его доме и воспользоваться этим судном. Всюду нас встречали очень тепло, хотя мы были здесь совершенно чужими людьми.

В 7 часов утра мы отправились в плетёнке в расположенную в 21 км к северу от Чердыни деревню Камгорт, где проживал месье Суслов и стоял его пароход. Россия – страна иерархичная, поэтому каждый её житель знает своё место. Месье Суслов считался крестьянином, однако землю он не пахал. Во Франции он был бы окружённым почётом влиятельным буржуа, но в России до появления среднего класса ещё далеко, а когда это случится, его составят вот такие энергичные и зажиточные крестьяне. Здесь много инициативных, готовых рисковать ради процветания страны людей. Разве не простой оренбургский мужик основал один из первых центров русской промышленности в Туркестане, подобно тому как Суслов создал в своих краях важный торговый путь? И таких примеров можно привести множество.

Месье Суслов организовал в честь нас восторженный, истинно русский приём. 4 часа мы только и делали, что пили и ели. Чтобы выдержать такое проявление гостеприимства, путешественнику требуется немало усилий.

В час ночи мы отправились в путь. Над Колвой стелился лёгкий туман, отчего очертания леса были как бы размыты. Иногда сквозь дымку на мгновение, словно призрак, проступал чёрный силуэт большой ели, благодаря преломлению света приобретающий гигантский размер, но вскоре всё снова становилось белёсым, полупрозрачным, воздушным, как будто мы плыли в облаках.

¹ Суслов Иван Агафонович (1838–1900) – крестьянин, инициатор пароходства на р. Печоре.

18 июля наш путь по Колве продолжился. Быстрая и светлая река протекала между красивыми лесистыми холмами. Там и сям в зеленеющей массе сосен чернели европейские кедры, которые мы впервые видели здесь так близко; рядом с этими тёмными пятнами белел, как позёмка, олений мох. В 11 часов мы сделали остановку на пристани Ветлан, чтобы побывать в Ныробе – селе в 4 км от Колвы.

Ныроб – селение историческое. По указу Бориса Годунова сюда сослали и посадили в яму дядю Михаила Романова. Воздух и свет проникали к нему только сквозь маленькое отверстие в потолке, через которое дети передавали ему пищу. Потом над склепом возвели часовню; там благоговейно хранятся тяжёлые кандалы, в которые был закован несчастный князь.

Многие дома здесь построены по типу пермяцких кирку Кудымкара. Местные жители жнут хлеб серпом. Финская культура в этих местах, как, впрочем, и во всём Чердынском уезде, явно преобладает, правда, здешнее население уже не помнит о своём происхождении и считает себя русским.

У пристани Ветлан левый берег Колвы представляет собой красивые высокие известковые скалы высотой 60–80 м, и в 3 км отсюда такую же форму имеет правобережье, поэтому кажется, что река течёт как бы по ущелью. Впервые после приезда в Россию мы увидели настоящие скалы.

В 6 часов вечера наш пароходик покинул Колву и вошёл в её левый приток, Вишерку. Течение у неё медленное или вовсе отсутствует, а глубина довольно велика: говорят, вблизи её устья она достигает 6 м. На Колве же, по причине её многочисленных мелководий, навигация затруднена. Русло Вишерки шириной метров 10 и петляет то между болотами, то между глиняными и песчаными террасами. Берега часто бывают подвержены оползням, которые увлекают в воду целые купы деревьев. Наше судно постоянно сталкивалось с плывущим лесом или уклонялось от смытых с берегов деревьев.

На следующее утро мы повстречали бригаду рабочих, которые расчищали русло реки от древесных заторов. Это мероприятие организовал министр путей сообщения для обеспечения удобного торгового пути между Камой и Печорой.

Вокруг простирался привычный пейзаж – заболоченные леса. Протекавшая по ним река казалась водным проспектом. Затем русло Вишерки расширилось и влилось в Чусовское озеро. На его горизонте виднелась тонкая зеленоватая полоска земли, которая, казалось, парила между небом и водой – настолько плоский здесь рельеф. Повсюду были заболоченные ивняки и рыхлая почва, которые покрывал восхитительный небосвод. Своим грустным величием этот пейзаж напоминал Римскую Кампанию.

За Чусовским озером находилась р. Берёзовка. Её глубина стремительно уменьшалась, заставляя пароходик снижать скорость; матрос постоянно прощупывал дно шестом. В какой-то момент судно остановилось – между его килем и дном оставались считанные сантиметры воды. Дальнейший путь нам предстояло совершить на лодках, которые пароходик тащил за собой. По словам местных жителей, нужно было преодолеть ни много ни мало 100 км, – и притом по болотам!

Быстро погрузив багаж в лодки, наша команда взялась за вёсла. Экипажи поддразнивали друг друга шутками и криком, споря, кому быть флагманом. Выбившись из сил, победители вскоре уступили место шедшим сзади. Всё это сопро-

вождалось смехом и криками. Считается, что русские крестьяне всегда мрачны и молчаливы, но на самом деле это не так. Дело в том, что, как правило, путешественники общаются с ними в городах или на волжских пароходах. Действительно, в чуждой ему среде мужик сдержан, робок и нерешителен, но у себя дома он превращается в жизнерадостного и приятного попутчика.

...Мимо нас опять потянулись бесконечные болота, ивняки и песчаные террасы, покрытые безбрежными лесами.

С наступлением сумерек с болот поднимались тучи комаров. Не меньше сотни этих насекомых исполняли свои противные зудящие песни вокруг каждого из нас. Чтобы спастись от них, лодочники обернули свои головы платками, а мы надели американские накомарники – натянутую на пружины жёсткую кисею, напоминающую рыболовную вершу. Эту оснастку дополняли толстые перчатки и сапоги. Все отверстия в одежде пришлось тщательно закрыть. В таком облачении было неизменно жарко, хотелось открыть лицо, но... Накомарники приходилось носить круглосуточно неделями, не снимая их даже в избе, что очень затрудняло приём пищи: сначала следовало отогнать платком насекомых, затем быстро поднять сетку и только потом быстренько запихнуть в рот большой кусок еды. Но, несмотря на это, москиты успевали проскользнуть под сетку, и каждый глоток пищи сопровождался по меньшей мере 2-3 их укусами. А ведь это был конец июля, и уже 2 недели количество этих насекомых сокращалось. Представляете, сколько их кишло в разгар сезона?

Вечером мы наткнулись на баржу, служившую жилищем инженеру, руководившему работами по очистке русла реки. Для защиты от комаров домик на ней был снабжён двойными дверьми, муслиновыми занавесками и накомарниками, у входа курился торф, но всё казалось напрасным.

Большой интерес представляют жилища речных рабочих, напоминающие логова троглодитов. На вершине песчаного берега виднелись вырытые ямы, входившие в которые нужно через отверстие. Вместо крыши у них был лыковый настил, лежащий на деревянных опорах. Эти дома, видимо, сохранились здесь с доисторических времён, ибо в связи с отсутствием скал в этих местах нет пещер, которые можно было бы приспособить под жильё. В таких землянках жила некогда обитавшая в северных лесах чужь, а в Архангельской губернии такого рода берлоги встречаются очень часто и называются чудскими.

В полночь мы прибыли в урочище Усть-Еловка, расположенное у впадения р. Еловки в р. Берёзовку. Там не было ничего, кроме складов, принадлежащих чердынским купцам, и амбара для муки, которую туземцы запасают на зиму. В настоящее время в Усть-Еловке живёт одна семья: это единственные люди, которых мы встретили на почти 20 км от Чусовского озера, а их ближайшие соседи живут в 60 км отсюда, на волоке между Печорой и Вогулкой. После скудного ужина мы растянулись на полу комнаты, согретой домашней печью. Проветривать помещение было нельзя из-за комаров, а доски, ставшие нам постелью, кишели клопами. Конечно, в сравнении с москитами, клопы – сама кротость.

Подремав часа 3, мы отправились в путь. Примерно в нескольких сотнях метров от Усть-Еловки находится Вогулка – приток Еловки, последнее ответвление речной сети, по которой мы плыли. Мелкая речушка шириной в несколько ме-

тров берёт своё начало в окрестных торфяниках. Справа и слева от неё – одни болота, берёзовые и ивовые чащи, которые сменяет обширный хвойный лес, или, как называют его русские, бор. Вокруг нет ни человека, ни зверя, ни птицы, – лишь хмурая, удручающая глушь да облачное небо.

Ветра не было и в помине, воздух наполнился влажностью, стояла унылая, тягостная духота. В полдень температура достигла +29° С. В этих условиях засилье moskitov стало совершенно невыносимым. Сетки против них уже не помогали, и для разгона наиболее крупных стай нам приходилось устраивать на дне лодки дымокур в котелке. У нас было только 2 выхода: либо погибнуть от укусов комаров, либо под действием дыма превратиться в ветчину. Для отпугивания комаров местные жители жгут грибы, которые собирают со стволов берёз: при горении они издадут резкий запах, но в тот день то ли комары были какие-то неправильные, то ли дым плохой.

Наши лодки постоянно натыкались на скопления коряг или сухих веток. Подобно Вишерке и Берёзовке, Вогулка оказалась завалена топляком. По словам одного человека, ответственного за очистку русел этих рек, только в 2 местах Берёзовки имеется не менее 27 тыс. куб. м затопленного валежника. Такие же заторы существуют на большинстве рек Сибири и северо-востока России. По словам А. Алквиста, ему однажды пришлось преодолевать 11 км по одной из рек Зауралья целые сутки. В 40 км от своего устья р. Пиш, правый приток Печоры, становится недоступной для лодок в связи с такими заторами. В 1847 г. экспедиция Э. К. Гофмана была остановлена скоплением топляка на Волок-Еле, притоке Илыча. Не сумев избавиться от этого препятствия с помощью топоров и огня, путешественникам пришлось отступить. Подобные заторы в гораздо большем масштабе существуют на притоках Миссисипи и в канадских лесах. Одна из рек в Канаде так и называется – р. Баррикад. В начале нашего века большая часть притоков Миссисипи – рек Атчафалайа и Уошито – была полностью загромождена топляком, так что их переходили, даже не подозревая, что под ногами река. На Урале эти завалы, конечно, не столь огромные, но их тоже нельзя назвать маленькими. Такие реки часто меняют своё русло, оставляя после себя нагромождения деревьев, которые затем заторфяниваются. Эти отложения представляют интерес для изучения процесса образования каменного угля.

В час дня мы сделали остановку, чтобы дать отдохнуть гребцам, которые 8 часов не выпускали вёсел из рук. Пока они пили что-то вроде чая с земляничными листьями, мы зажарили подстреленную накануне утку. В качестве вертела были использованы 2 деревянные рогатины и железный шомпол от моей винтовки системы Гра. Несколько раз повернув его, мы получили блюдо, приготовленное на берегу Вогулки по всем правилам кулинарного искусства.

В 4 часа пополудни мы снова отправились в дорогу. Теперь русло Вогулки резко сузилось и покрылось ивами. И всё было бы нормально, если не комары и жуткая сырость: по нашим спинам лились струи дождя, ноги оказались в воде, заполнявшей дно лодок. Последние постоянно садились на мель, и, чтобы снять их с неё, лодочникам приходилось орудовать баграми.

В 6 часов вечера мы прибыли на Вештомову пристань, расположенную на волоке между Вогулкой и Печорой. Полицейский и двое сопровождавших нас лю-

дей сошли на берег, чтобы найти лошадей и пригнать их на Пуповую пристань, где заканчивалась речная часть нашего маршрута. Чтобы размяться, я пошёл с ними. Мне сказали, что в этих местах есть тропинка, по которой можно погулять в лесу, – после 14 часов пребывания в лодке это казалось совершенно необходимым, а кроме того, в лесных дебрях можно было подстрелить дичь.

Мы с трудом преодолели большое болото, но вскоре мои проводники заволновались, – оказалось, они сбились с пути. Мы стали искать ту самую заветную тропинку, но вдруг поняли, что заблудились. Солнечный свет едва пробивался сквозь листву, у нас не было при себе ни компаса, ни продуктов, и нас окружал густой лес. Наши спутники ушли вперёд по Вогулке. Но как отыскать среди болот эту прячущуюся в траве речушку? Мы двинулись в разные стороны, периодически окликая друг друга, но миновал час, а тропинки всё не было. Нас охватила паника, полицейский совсем сник, но в это время один из нас радостно закричал – оказывается, Вогулка нашлась! О, сколько волнений за эти часы нам пришлось пережить!

Тропы вдоль реки не оказалось, поэтому мы побрели по болотистым ивнякам, по высокой траве, перепрыгивая ямы, перелезая через поваленные деревья и преодолевая заросшие рытвины, однако никто из нас ни разу не упал – в таких случаях обычно везёт. К сожалению, не было накомарников, а вокруг носились тучи moskitov. Часа через полтора мы догнали своих спутников, и вскоре, насквозь мокрые и сильно искусанные насекомыми, прибыли на Пуповую пристань.

В этом месте Вогулку и Волосницу, судоходный приток Печоры, соединяет проложенная через лес широкая выемка длиной 6 км – что-то вроде дороги для перетаскивания судов между реками. Посредине неё живёт русский крестьянин, который за определённое жалованье содержит этот волок в исправности и за плату предоставляет лошадей и телеги для перевозки товаров.

Едва сойдя на берег, наш инженер сразу отправился к этому отшельнику, а мы разожгли костёр и тотчас уткнулись носами в дым, спасаясь от комаров и болотной влаги. Лошади могли прибыть в любую минуту, поэтому еду мы не варили, однако, мучимые голодом, каждые полчаса принимались что-то жевать или прохаживались, чтобы высушить одежду и скоротать время. Через 9 часов вечером за нами прибыла повозка, которой управлял кривоногий кучер в красной фуражке и с огромным алым платком на спине: местные жители считают, что красная и белая ткань отпугивает moskitov, – в отличие от чёрной, которая их притягивает.

Станция расположена всего в 3 км от Пуповой пристани и представляет собой 2 затерянные в лесной глуши скромные хибарки. Переночевав в них на полу, мы двинулись дальше, но не на Волосницу, а, свернув налево, направились по лесу к Якшинской пристани.

Багаж наш лежал на паре деревянных саней (так называемых нартах) с очень высокими сидениями – только на таком транспорте можно передвигаться по здешней рыхлой почве. В одни нарты были запряжены цугом 3 лошади, во вторые – только 2, а люди сидели верхом.

Тропа, по которой мы ехали, оказалась шириной не более метра и покрыта корягами, однако наш экипаж двигался довольно резво. Справа и слева торчали стволы деревьев, о которые в случае падения лошади можно расшибиться, но у

русских скакунов ноги столь же крепкие, как у альпийских мулов. Когда мы подъехали к 2 переброшенным через заросший тиной ручей брусьям, служившим мостом, наши лошади пронеслись по ним, не сбавляя темпа. Потом они стали нюхать землю, затем осторожно ступать по красивому травяному ковру и, сделав ещё несколько шагов, с шумом провалились в ил по самую пясть. Оказалось, что под цветущим пастбищем скрывалась топь, коих нам далее повстречалось ещё 4-5. Такого рода мелкие происшествия хоть как-то скрашивали эту тоскливую поездку.

Неожиданно перед нами посреди лесных дебрей предстала огромная чёрная поляна, образовавшаяся в результате пожара, вероятно, вспыхнувшего от удара молнии. Лежащие на земле обугленные стволы походили на скорчившиеся скелеты. Обезображенная огнём почва напоминала изъеденное проказой тело: всюду лежали едва дымившиеся кучки золы. Каждое лето пожары уничтожают в России и в Сибири тысячи гектаров леса.

Земля в этих местах была на 3-4 м приподнята, отмечая водораздел между Камой и Печорой, несущих свои воды в Каспийское море и Северный Ледовитый океан. Вскоре мы перешли вброд Волосницу.

Ещё несколько затянутых тиной болот – и вот уже земля стала твёрже, лес поредел и в полную силу засияло солнце. Вдали показалась большая синяя полоса – то была Печора. Здесь, в более чем 1,3 тыс. км от своего устья, она шире, чем Сена у Парижа. После 3 дней, проведённых в хмуром и безрадостном лесу, этот украшенный рекой пейзаж казался невероятно красивым.

Якшинская пристань, расположенная на правом, а не на левом берегу реки, как ошибочно показывают карты, издавела напоминала большой посёлок, но на самом деле все избы её заколочены и обитаема лишь одна. Пристань оживает только в дни ярмарки и в навигацию, а в остальное время на ней живёт сторож, охраняющий склады с товаром.

Удивительно, но торговля в этих местах довольно развита. На территории размером почти с Францию живёт 100 тыс. человек, для которых единственным связующим звеном с внешним миром является Печора. Охотники и рыболовы, они нуждаются в злаках, которые здесь не растут, и в промышленных изделиях, которые не способны изготовить сами. Взамен эти люди предлагают пушнину и рыбу. Почти вся здешняя торговля находится в руках чердынских купцов. В декабре-январе товары доставляют по суше на Якшинскую пристань, а в начале мая, после ледохода, их развозят на лодках по множеству рек, главной из которых является Печора. К середине августа так называемый «весенний караван» с пойманной зырянками рыбой собирается на Якшинской пристани, а другой, «осенний», преимущественно нагруженный сёмгой, возвращается в начале октября. Рыбу хранят на складах и, как только появляется возможность, везут на санях в Чердынь.

В течение зимы 1881–1882 г. с Якшинской пристани было отправлено на Каму и далее в Европейскую Россию 900 т сига и 32,5 т сёмги. Обычно же в год добывают 130–160 т сёмги, которую особенно ценят гурманы в России.

В конце декабря здесь проводится большая ярмарка, на которую съезжаются негоцианты вплоть из расположенного более чем в 800 лье отсюда Архангельска. Торгуют в основном мехами. Туземцы привозят свои охотничьи трофеи, расплачиваются ими за товары, взятые в долг летом, и совершают новые покупки. День-

ги при этом не используются, как и во времена булгар 9 столетий назад, здесь царит натуральный обмен. Постоянные должники, зыряне вынуждены почти даром отдавать купцам всю заготовленную пушнину. Они боятся предложить её более щедрым торговцам, поскольку постоянные покупатели могут перестать отпускать нужные туземцам вещи в долг. Поэтому печорские зыряне полностью зависят от чердынских купчишек, которые продают им свои товары втридорога (пуд ржаной муки стоит у них 8–10 руб., или 24–30 франков), а трофеи туземцев скупают по дешёвке. Обманывая доверчивые и невежественные отсталые народы, представители высокоразвитых обществ искренне полагают, что тем самым приобщают дикарей к цивилизации. С каждым годом долговая кабала затягивает зырян всё глубже и глубже, почти все они должны чердынским торговцам, иногда до 2-3 тыс. франков, – невероятные для туземцев суммы. Впрочем, эта практика широко распространена на всём Севере: на ярмарке в сибирском Обдорске русские купцы точно так же поступают с остяками и самоедами, а норвежцы не менее бесстыдно надувают лапландцев, – цивилизованный человек просто не может вести себя иначе.

На Якшинской пристани нас встречал урядник Евлампий Арсеньевич Попов². Вологодский губернатор приказал ему сопровождать нашу экспедицию на Печору, но вовсе не для того, чтобы защищать от местного населения, а дабы помочь нам нанять гребцов³. В итоге Попов проехался с нами до самой Сибири. Без него наша поездка была бы менее успешной. Сообразительный и исключительно порядочный, он не раз выручал нас. Будучи зырянником, Попов обладал всеми положительными качествами своего народа.

Мы плыли по Печоре в направлении Уральских гор. Эти более чем 150 лье оказались для нас лёгкой и приятной прогулкой.

Прибыв вечером на Якшинскую пристань, мы сразу продолжили свой путь и в 3 часа ночи прибыли в деревенку Усть-Пожег. Боянус сразу отправился искать дом, который нам рекомендовали как самый ухоженный. Несмотря на то, что хозяина пришлось разбудить, он встретил нас с распростёртыми объятиями. Российские крестьяне всегда вызывают у меня восхищение: к ним можно завалиться посреди ночи, поднять их домашних, а они всё равно примут вас как друга. Такова их суть.

² Попов Евлампий Арсеньевич (1855 – ок. 1930) – урядник трёх волостей Печорского края в 1887–1914 гг., сын священника Савиноборской Николаевской церкви Усть-Сысольского уезда. Родился в с. Помоздино Усть-Сысольского уезда.

³ Сам Е. А. Попов позже излагал иную версию: «Получаю телеграмму от исправника, чтобы ехать на Якшинскую пристань Чердынского уезда и встретить там путешественников. Тотчас же я поехал и встретил там путешественника Рабо (Попов делает ударение на первом слоге) и переводчика его, господина Баянус, русскоподданного студента, окончившего университет. Как только встретились, они сейчас же заставили меня искать потерянные в пути 2 места, которые, надо быть, у них украли; в Якише они хватились этих мест, а их и нет. Была уже ночь и я не поехал тотчас искать пропавших вещей, да и понятых ночью негде было взять, утром же стал искать по дороге, которою они ехали, и на 7-ой версте очутился в очень густом еловом лесу, и по лесу тому протекает ручей; тут я заметил новых лошадиных следов и пошёл по ним и нашёл пропавшие 2 места висящими на ели и с радостью отправился обратно к путешественникам» (Бессонов Б. В). Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. Спб., 1909. С. 40–41).

Наш хозяин предоставил нам 2 комнаты, обстановка которых состояла из стола, скамьи и прибитых к стене дощатых нар. Постельных принадлежностей в доме не было вообще, и поэтому мы расстелили на голых досках наши покрывала и палатку. Для защиты от комаров соорудили навес из сетки, а у дверей поставили ведро-дымокур. Так как мы уже 4 дня толком не спали, то сразу же провалились в забытьё.

Деревня Усть-Пожег расположена в излучине левого берега Печоры, приблизительно в 700 м ниже слияния её со своим притоком – р. Пожег.

В дни нашего пребывания в этих местах солнце светило ярко и стояла высокая, даже, на наш взгляд, слишком высокая температура: 26 июля весь день было +26° С в тени, а утром на солнце – +33° С. Для этой холодной области это довольно жарко. В деревянных избах становится невыносимо, но проветривать их нельзя – сразу налетят стаи москитов. И всё же лучше страдать от зноя, чем мучиться от укусов этих треклятых насекомых.

На Печоре, как и на Волге, интерес представляет лишь местное население. Зыряне, которых мы впервые встретили в Усть-Пожеге, более цивилизованны, чем черемисы и чувашы, и хотя хуже сохранили свою культуру, всё же представляют определённый интерес⁴.

Превосходя в развитии поволжских финнов, они, живя в непригодных для земледелия местах и среди девственных лесов, так и остались охотниками, в то время как населяющие более плодородные места Казанской губернии их двоюродные кузены перешли к земледелию.

Зыряне занимают восток Архангельской и Вологодской, а также крайний север Пермской губернии, небольшие группы их проживают в низовьях Оби.

Живут они в расположенных вдоль рек (преимущественно верховья Печоры, Мезени и Вашки, бассейны Ижмы и Вычегды) маленьких деревушках. Главным зырянским селом является Ижма. Согласно статистике, которая в данном случае не полностью отражает реальность, зырян насчитывается 95 тыс. человек, и они рассеяны на огромной территории.

Список населённых пунктов Троицко-Печорской волости

(звёздочкой обозначены селения, расположенные на Илыче, остальные находятся на Печоре)

	Налогооблагаемые души
Село Троицко-Печорский погост	280
Деревни:	
Усть-Илычская	45
Покчинская	144
Скаляповская	41
Кодачдинская	42
Сойвинская*	13
Порог	4
Пиля-дин*	10
Грише-став*	8
Усть-Ляга	15
Когил-усти*	9

⁴ Спустя 18 лет Е. А. Попов вспоминал об экспедиции Ш. Рабо: «В деревне Мамыль... прожили они неделю, всё производили свою работу, собирали насекомых, рыб, разные старые вещи» (Бессонов Б. В. Поездка по Вологодской губернии... С. 41).

Максимова*	9
Морт-юр-дин*	7
Горд-му*	15
Сар-ю-усти*	20
Кодачдикость	7
Яг-ты-дин*	2
Марко-ласта*	3
Нынешнее население	680

Эта данные получены в ходе последней переписи, которая проводилась лет 10 назад. В настоящее время население указанной волости составляет 2101 человек (936 мужчин и 1165 женщин).

Список населённых пунктов Савиноборской волости

(все они расположены на Печоре)

	Расстояние до административного центра (в вёрстах)	Мужчины	Женщины
Село Савиноборский погост		53	76
Деревни			
Митрофановская	63	31	55
Овининская	50	17	24
Евтюгинская	40	12	12
Тайнинская	25	30	30
Демино	15	11	10
Пырединская	7	59	78
Куздибожская	20	35	49
Дутова	30	28	20
Лемты	40	24	40
Лемтыбожская	47	37	38
Вятский-норис	35	1	1
Нынешнее население		338	439

Список населённых пунктов Усть-Щугорской волости

(все они расположены на Печоре)

	Мужчины	Женщины
Село Усть-Щугорский погост	67	63
Деревни		
Лебяжевская	4	5
Вухтыльская	5	10
Подчерская	128	136
Боярский Яг	20	16
Усть-Соплясска	12	22
Усть-Воя	12	17
Берёзовка	20	29
Позорихинская	60	80
Борис Дикость	33	34
Нынешнее население	361	475

Населённый пункт, в котором имеется церковь, по-русски называется «село», а если её нет, то «деревня».

Зыряне, по крайней мере те, которых мы встречали, долгое время проживая рядом со славянами, практически полностью обрусели подобно своим соседям карелам, однако сохраняют своё этническое самосознание и на вопрос об их национальности всегда с гордостью отвечают – «зыряне».

Они близкородственны пермякам и фактически образуют с ними единую общность. Деление финнов, проживающих в верховьях Камы и Печоры, на зырян и пермяков – чисто искусственное. Оба эти народа говорят

фактически на одном языке, очень схожи антропологически и имеют одинаковое самоназвание (коми морт – «народ Камы») – следовательно, зыряне раньше проживали на Каме рядом с пермяками, а потом ушли на север. Согласно А. М. Шёгрёну, название зырян происходит от финского слова «сюрье» (syrtjä), означающего «край, рубеж»: значит, когда-то они жили на границе, что подтверждается топонимией.

Из всех зырян, которых мы встречали, лучше всего сохранили свою изначальную культуру жители Усть-Пожега. Они, особенно женщины, ещё мало пользуются русским языком.

Удивительно, что национальный костюм преимущественно сохранился у мужчин. Летом они носят брюки и белую блузу-рубашу, зимой сверху надевают длинный и плотный белый же кафтан, а когда идут на охоту, то лузан – двойной квадратный нагрудник из украшенной чёрными и белыми полосками грубой шерсти, который спускается спереди и сзади и опоясывается на талии ремнями, оставляя руки свободными. За спиной у зырянина крепится ремнём охотничий топор. В Усть-Щугоре юноши лет 15 носят напоминающие эскимосские анораки белые блузы с капюшоном для защиты от moskitov.

Зимой эти туземцы носят шапку, украшенную теми же узорами, что и лузан, летом же предпочитают чёрную русскую фуражку. Их обувь – низкие кожаные сапоги-самоделки, в которых в качестве стелек используется, как у лапландцев, сухая трава. Подобно черемисам и чувашам, зыряне обёртывают ступни тканью.

Все зырянки носят сарафаны. Дома они обычно ходят в кофте из грубой ткани тёмно-красного цвета. Зимой женщины носят чулки и разноцветные шерстяные перчатки с симпатичными узорами из зубчиков и ромбов – вот и всё их национальное искусство.

Жилище зырян – керка – очень похоже на избу пермяков. У него та же архитектура: занимающие по половине дома 2 комнаты, сени (посводз), в которые ведёт прилегающая к фасаду крытая лестница. Позади избы располагается двор, увенчанный чердаком. Комнаты в избе обычно разделены на 2 части перегородкой в половину высоты жилища. У некоторых изб крытую лестницу заменяет расположенное невысоко над землёй обычное крыльцо с 3-4 ступеньками.

Во всех дворах имеются баня (пывсян) и ледник – глубокий погреб для хранения молочных продуктов и свежей рыбы. Особо надо отметить амбар, напоминающий норвежский стаббур. Он ставится над землёй на 4–6 опорах, чтобы в него не проникли грызуны. В сезон сенокоса и рыбалки зыряне обычно на несколько недель уходят из дома и живут в шалашах (чом) из бересты. Все постройки у них деревянные, поскольку так теплее, да и других строительных материалов в этих местах нет.

Жителям Усть-Пожега и зырянам верховьев Печоры в течение года приходится попеременно быть земледельцами, охотниками и рыболовами. Выращивать зерновые здесь рискованно: заморозки могут случиться даже в августе и погубить урожай, но и в хорошие годы хлеба не хватает, поэтому благодаря охоте и рыбной ловле зыряне могут покупать в Чердыни муку и переживать зимы.

И всё же в Усть-Пожеге и в верховьях Печоры выращивают рожь, ячмень, картофель, капусту и репу. Зыряне пользуются сохой и бороной с деревянными зубьями. У них есть лошади, коровы, бараны, но нет коз и свиней. В Усть-Пожеге корова стоит приблизительно 50 франков, лошадь – 100 франков, овца – от 3,5 до 5 франков, курица – 1,5 франка, а охотничья собака – 12–18 франков. По этим ценам можно судить о стоимости денег в этой глуши.

Некогда зыряне жили в основном за счёт охоты, но сегодня количество дичи, особенно куропаток, уменьшилось. Туземцы рассказывают, что эти птицы не могут противостоять ветру и под влиянием преобладавших ранее южных ветров всё больше и больше продвигались на север, пока не были снесены в Северный Ледовитый океан и там утонули.

В настоящее время считается удачей, если охотник за год добудет до 150 белок, до 100 рябчиков и до 200 тетеревов. Белок зыряне истребляют нещадно, ибо шкурки этого зверька, образно говоря, являются валютой и используются для товарообмена с русскими. Стоимость всякой вещи зырянин сначала назовёт в количестве беличьих шкурок и только после долгих подсчётов – деньгами.

Статистика охотничьих трофеев в 1889 г.

	Волость					
	Троицко-Печорская		Савиноборская		Усть-Шугорская	
	Кол-во	Стоимость в руб	Кол-во	Стоимость в руб	Кол-во	Стоимость в руб
Белки	12 000	2520	3600	680	2115	1830
Горностаи, соболя, зайцы, медведи	539	427	13	91		
Рябчики	10 000	2000	4000	800		
Прочие птицы	1000	200	415	130		

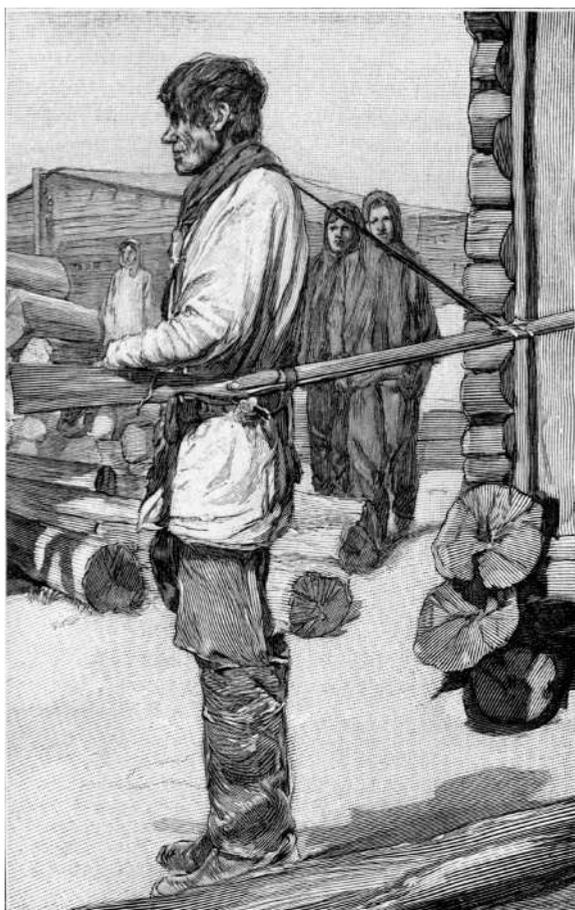
Охотятся зыряне с начала октября до середины декабря и с февраля по апрель. Они очень меткие стрелки, хотя их ружья весьма старомодны (см. рис.): чтобы спустить собачку, надо привести в действие кость, прикреплённую к гвоздю. Зимой снаряжение охотника дополняет пара лыж.

Зыряне ловят тетеревов при помощи удавок. Чтобы не тратить дорогой и редкий в этих краях порох, они придумали множество удивительных приспособлений такого рода. В некоторых деревнях жители устраивают по берегам рек искусственные гнёзда, куда водоплавающие птицы откладывают яйца, а люди их потом собирают. Иногда зыряне подкладывают их под своих кур, получая таким образом домашних уток.

В период линьки водоплавающих птиц 3-4 зырянина спускаются в лодках по реке, гоня перед собой стаю уток, которые в это время не способны летать. Встретив на своём пути речной приток, зыряне обследуют его и выгоняют обнаруженных там птиц к остальным. Спуск по реке может длиться несколько дней, и, чтобы птицы не исхудали от усталости, охотники позволяют им ночевать в заранее намеченных местах. В устье реки пернатых загоняют в поставленную на берегу огромную сеть и потом оттуда достают. За 1 раз таким способом можно поймать до 1,5-2 тыс. птиц.

Самой доходной рыбалкой на Печоре считается ловля сига. Жителям Усть-Пожега попадаются особи по 200–240 кг, и стоят они 10 руб. за пуд. Сигов ловят с июня по сентябрь, остальных рыб – весной и осенью. Зыряне рыбачат с факелом при помощи ставных сетей или перегораживают ими реку, посреди которой ставят ивовые верши. Подобно лапландцам и финнам Финляндии, в качестве поплавков они используют деревянные пластинки и куски берёзовой коры, а вместо грузила – зашитые в кору камни и кусочки обожжённой глины.

На севере Печорского бассейна, в прибрежной тундре Северного Ледовитого

океана, зыряне пасут северных оленей, ведя кочевую жизнь. Самыми многочисленными оленьими стадами, приобретёнными у самоедов, обладают зыряне Пустозерского уезда. За Уралом мы встретили множество этих финнов, владеющих тысячами северных оленей, которых пасут остяки.

Зыряне – опытные торговцы. Зимой многие из них уезжают торговать с остяками за Урал и при этом не гнушаются прибегать к открытому обману, демонстрируя полное отсутствие совести. Предварительно напоив остяков водкой, зыряне приобретают у них великолепные меха в обмен на дешёвые железяки, которые остяки очень любят, или могут, например, всучить им за 1,5 франка дешёвенькие медные пуговицы. Подобно многим культурным народам, зыряне считают, что в этом нет ничего зазорного. Но друг с другом и с путешественниками они исключительно честны. В зырянских избах нет замков и не бывает краж, и говорят, что в их языке вообще нет слова для обозначения воровства. В расположенные по берегам рек амбары местные жители закладывают продовольствие для путников и всех нуждающихся, которые пользуются им, оставляя соответствующую плату.

Предметы домашнего обихода зыряне делают сами, используя для этого дерево и кору: железо в этих местах редкость, и стоит оно дорого, поэтому здешние жители, можно сказать, живут в деревянном веке. Из сосны они изготавливают тарелки и чашки, из бересты – сумки, вёдра, солонки, верёвки и корзины. Их мебель очень похожа на мебель финнов Финляндии.

У зырян отсутствуют следы язычества. Они были крещены очень давно, однако среди них имеется немало раскольников, которые прячутся в этих глухих местах от преследования властями. Бывает, что деревня староверов находится более чем в 230 км от ближайшей православной церкви, куда и дороги-то нет. Поэтому раскольники совершенно не опасаются за себя. Как известно, в любой стране безлюдные места являются царством свободы.

Печора

Общая характеристика реки. – Историческое значение Печорского края. – Пермь Великая и Югра. – Арабская и византийская торговля на этих землях. – Печора как связующее звено для торговли с Востоком. – Норманны. – Влияние скандинавов на пермяков и зырян. – Появление здесь новгородцев. – Англичане в устье Печоры. – Будущее этих мест.

Печора, по которой мы двигались в сторону Северного полярного круга, берёт своё начало на Урале, на 62°11' с. ш. До слияния с р. Волосницей она течёт мимо пещеристых берегов (отсюда и её название), и эта так называемая Малая Печора несудоходна.

За Волосницей начинается Большая Печора. В верховьях она проходима для барж только в дни весеннего паводка. Ниже по течению летняя навигация бывает затруднена. Между Троицко-Печорском и Усть-Щугором наш пароходик не раз садился на мель, хотя и имел низкую осадку. Середина августа – период мелководья, а в начале сентября уровень воды поднимается по причине осенних дождей.

Судоходство бывает возможно в течение 5 месяцев в южной части бассейна Печоры и только 4 месяца в северной. На Якшинской пристани лёд сходит в конце апреля – начале мая, а в первых числах октября вновь сковывает реку. 7 зимних месяцев, 2,5 месяца морозов и 10 недель лета – таков здешний климат. В отдельные годы температура воздуха поднимается выше нуля только в июле и августе, иногда доходя до +26° С, зимой же мороз достигает 44° С – разброс составляет целых 70°!

Таяние снега на Печоре приводит к большому паводку. На Якшинской пристани уровень воды в реке, зажатой высокими берегами, поднимается примерно на 15 м, в Усть-Пожеге, где таких препятствий нет, – на 6-7 м, а в Троицко-Печорском – на 5-8,5 м.

В конце четвертичного периода русло Печоры, как и других северных рек, было шире нынешнего, о чём свидетельствует почти непрерывная линия 2 террас по берегам.

Расположение и высота этих старых берегов сильно различаются. На Якшинской пристани, т. е. на левобережье, они расположены на 10 м выше современно-го берега. В Усть-Пожеге, на правобережье, высота террас достигает 35 м, а самые низкие возвышаются над поверхностью реки всего на 6-7 м. В Троицко-Печорском первая линия старого берега, на которой стоит это село, громоздится над рекой метров на 10, а вторая, увенчанная церковью, – на более чем 20 м. На Подчереме обе террасы расположены, соответственно, на 10 и 20 м выше русла реки. Казалось, что по мере нашего продвижения на север береговые террасы становятся всё выше и выше.

На Печоре мы не видели доминирования правого берега, как в долинах великих сибирских рек, текущих почти в меридиональном направлении. Во многих местах правобережье Печоры низкое, а на противоположной стороне оно представлено высокими террасами. Обычно на правобережье недалеко от русла реки простираются болотистые водоёмы, образуя своеобразные псевдореки.

Начиная с Якшинской пристани и до Усть-Щугора, скалы нам не попадались. Берега здесь песчаные, со слоями гравия. Местами, где песок более или менее связан железистым цементом, они напоминают песчаник.

Ныне находящийся вдали от главных торговых путей бассейн Печоры некогда был одной из крупнейших европейских транспортных артерий и входил в число главнейших коммуникаций России. С юга сюда по нему приходили арабы, с севера – норманны, а позже эта великая река и её правые притоки привели славян в Сибирь накануне её покорения Ермаком.

Природа сама подсказывала людям путь. Если посмотреть на карту, то сразу обращаешь внимание на разветвлённую речную сеть. Между притоками Волги, Северной Двины и Печоры нет гор, там везде низины, по которым судно легко перетащить с одной реки на другую, повсюду узкие волоки, упоминаемые в исторических источниках. Эти перешейки способствовали колонизации Русского Севера и Канады. Благодаря им территории, прилегающие к Северному Ледовитому океану, были включены в состав огромной славянской империи. Если не они, то русские не попали бы на огромные пространства Архангельской губернии, которые остались бы такой же глухоманью, как окраины Сибири.

На севере Пермской губернии, между бассейном Каспийского моря и впадающими в Северный Ледовитый океан крупными реками, 3 волока связывают Волгу и Печору с Кельтмой, приводящей к Северной Двине, и перешейком, отделяющим приток Берёзовки от притока Вычегды. Одновременно притоки Печоры и Северной Двины часто образуют сплошную сеть, позволяя без труда преодолевать большие пространства.

Но даже при наличии отменных естественных коммуникаций эти места не привлекли бы к себе внимания, если не изобилие здесь пушного зверя. Леса буквально кишели соболями, выдрами, куницами, белками, белыми, чёрными и голубыми лисицами. Сколько их осталось сегодня? Местное население, как и нынешние зыряне, охотились на этих зверей, продавая их шкурки северным и южным народам. Население Печоры не только само заготавливало пушнину, но и закупало её у своих северных и восточных соседей: ещё в давние времена печорские финны освоили торговлю на Оби.

В древнейших русских исторических источниках северные области Европы и Азии носят названия Пермь Великая и Югра.

В средние века и позже эти места были как бы северным Эльдorado. Страна мехов, напоминавшая земли вблизи Гудзонова залива, привлекала арабов, монголов, византийцев, норманнов и новгородцев.

Во времена расцвета Булгара арабские купцы, приезжавшие на Волгу, проникали и в Пермь Великую. Мусульманские географы знали эти земли и даже доходили до их северной окраины. Видимо, их Ибн Баттута называл «сумеречными странами», находящимися в 40 днях пути от Булгара.

Пермь Великая быстро приобрела славу. Византийские и славянские летописцы, а также арабские географы рассказывали об изобилии здесь редкой пушны, в то время как Марко Поло сообщал о контактах Югры с монголами.

Через новгородцев дорогие меха из Перми Великой и Югры попадали в Византию, а пермяки взамен получали восхитительные произведения греческого искусства.

Торгуя с восточными странами, пермяки тесно общались и с норманнами, которые доходили до Белого моря. Скандинавские саги называют этих финнов «биармы», а их страну – Биармаланд. Она включала в себя весь северо-восток России, побережье Белого моря, бассейны Северной Двины и Печоры, а также часть Прикамья. Тем же именем норвежцы называли земли чуди заволочской и Пермь Великую славянских летописцев. В старинных скандинавских сагах Белое море именуется Гандвик, а Северная Двина – Вимр.

Норманны доходили по Северной Двине и по волокам Позы и Вычегды до Печоры и Прикамья. В Биармаланде их тоже привлекали меха, здесь они покупали восточные товары, приобретаемые пермяками у арабов и болгар. Вскоре через эти безлюдные места стал проходить торговый путь в Азию. По волокам, по Печоре или Северной Двине пермяки доставляли товары скандинавам, а те переправляли их в Западную Европу⁵.

Основная часть этого пути проходила по Северной Двине и Кельтмскому волоку, а также между Берёзовкой и Немом, но не по более протяжённой Печоре. Затем, как и в наши дни, караваны с товарами уходили из Чердыни к норманнам. На Северной Двине их перевалочным пунктом были Холмогоры (Хольмгард скандинавских источников), расположенные в 47 милях от Белого моря, вблизи устья Пинеги.

Самым ранним свидетельством о появлении скандинавов на Белом море является рассказ о путешествии Оттара (IX в.), сохранившийся в предпринятом королём Англии Альфредом переводе труда Павла Орозия «История против язычников». Скандинавы посещали Белое море ещё в III в. н. э., однако Оттар считается

⁵ «Товары доставлялись из Булгарии в Чердынь, старый торговый городок на Колве, по Волге и Каме. Биармы привозили южноазиатские и свои товары на Печору и Арктическое море; в обмен они получали меха для жителей Южной Азии. Там они встречали скандинавов, которые приплывали в Биармаланд, т. е. Пермь Великую, ныне Архангельскую губернию» (Rasmussen J.-L. *Essai historique et géographique sur le commerce et les relations des Arabes et des Persans avec la Russie et la Scandinavie dans le moyen âge // Journal asiatique : ou recueil de mémoires, d'extraits et de notices relatifs à l'histoire, à la philosophie, aux sciences, à la littérature et aux langues des peuples orientaux... 1824. Série 1. T. 5).*

первопроходцем этих мест, потому что упоминание о его экспедиции сохранил король Альфред.

Как и в других местах, на берегах Белого моря скандинавы нередко вели себя как пираты и грабили местных жителей. В саге Харальда Прекрасноволосого (IX в.) упоминается, например, крупный разгром биармов Эйриком Кровавая Секира⁶, а при Олаве Святом некий Торир снял и забрал украшения со священного идола биармов Йомали, – согласно легенде, статуи, покрытой золотом и серебром.

После 1217 г. скандинавы не посещали Биармаланд, и до прибытия сюда в 1553 г. англичан Белое море и Северная Двина утратили значение торгового пути.

Экспедиции норманнов к берегам Белого моря – это историческая реальность, подтверждённая множеством источников, но ни в одном из них не говорится о проникновении этих северян вглубь Перми Великой и торговом пути между Чердынью и Холмогорами. Историки (назову только самых крупных) Чулков, Шторх, Страленберг, Расмуссен, Г. Миллер и Шёгрэн отмечают связи пермяков со скандинавами через Северную Двину или Печору, но не приводят никаких доказательств этого. Недавно финский археолог И. Р. Аспелин поставил под сомнение этот, казалось бы, общепризнанный факт, но тоже безо всяких аргументов. И здесь на помощь историку приходит этнография. Отмеченные нами у пермяков и зырян следы скандинавского влияния позволяют сделать вывод, что норманны всё же посещали южные земли Перми Великой и даже заключали брачные союзы с местными жителями и распространяли среди них свою культуру.

У пермяков, например, имеются деревянные солонки в форме птицы, очень похожие на скандинавские, а у зырян бытуют покрытые геометрическими знаками палочки, служащие календарём и обладающие большим сходством с древними норвежскими календарями.

На палочке, изображение которой взято мною из публикации месье Кузнецова, простые дни обозначены горизонтальной линией, воскресные – крестом, постные – наклонной линией, постные воскресные – косым крестом, а праздники – точками⁷.

Наконец, месье Соммье смог выявить антропологическое сходство между зырянами и норвежцами. По мнению этого учёного и путешественника, зыряне суть германизированные норманнами финны.

По волокам, соединяющим бассейны Северной Двины и Печоры, сюда пришли славяне. В конце IX в. или в начале X в. новгородцы проникли в бассейн Северной Двины, населённый заволочской чудью, а оттуда попали в расположенную на

⁶ Эйрик I Кровавая Секира (885–954) – король (конунг) Норвегии в 930–934/935 гг., король англосаксонского королевства Нортумбрия (Йорк) в 947–948, 952–954 гг. Речь идёт о совершенном им ок. 930 г. морском походе к устью Северной Двины против местных жителей. Сведения об этом сохранились в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», которую имеет в виду Ш. Рабо, а также в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне» и «Саге о Кормаке». Согласно им, Эйрик Кровавая Секира совершал походы в Биармию неоднократно.

⁷ Кузнецов Н. И. *Природа и жители восточного склона Северного Урала: предвар. сообщение* // Изв. Импер. Рус. Географ. о-ва. СПб., 1887. Т. 23, вып. 4. Этот календарь обозначает следующие праздники: 1 августа (Спасов день), 6 августа (Преображение Господне), 15 августа (Успение Пр. Богородицы), 29 августа (Усекновение главы Св. Иоанна Предтечи), 1 сентября (Пр. Симеона Столпника), 8 сентября (Рождество Пр. Богородицы), 14 сентября (Воздвижение Креста Господня) (даты приведены по ст. ст.). Другие месяцы нанесены на разные стороны палочки. Истёкшие дни обозначаются срезом сбоку.

востоке страну мехов, о которой им поведали волжские финны. До этого славяне покупали меха у болгар.

В начале XI в. славяне достигли Печоры и собирались перейти через Урал, чтобы добраться до легендарной Югры. В 1032 г. они попытались пересечь «Железные Врата», но были разбиты юграми. Историки затратили немало усилий, чтобы идентифицировать это место. Одни исследователи полагают, что речь идёт о проливе Вайгач, отделяющем одноимённый остров от материка, другие более аргументированно доказывают, что это проход на Урале, возможно, долина Щугора.

В 1096 г. Печора стала данником Великого Новгорода, несколько лет спустя такой же статус получила Югра, однако уже в 1187 г. их население восстало и изгнало представителей великой республики из Югры и вплоть до Заволочья. В 1193 г. Великий Новгород предпринял безуспешную попытку вернуться сюда вновь, и только в 1264 г. сумел подчинить себе Югру и «Печорскую волость».

После покорения Великого Новгорода Иваном Великим Югра стала платить дань московским князьям, что вызвало сопротивление туземцев. В 1465 и 1483 гг. Иван посылал свои войска за Урал. Вторая из этих 2 экспедиций перешла через горы, вероятно, в районе нынешнего Екатеринбурга, взяла г. Сибирь, спустилась по Иртышу, затем по Оби и, усмирив остяков, ушла. В следующем году югорские князья явились в Москву, чтобы признать власть великого князя. Столетие спустя этот маршрут повторил Ермак.

В 1499 г. состоялся третий поход русских на Югру. 21 ноября их 4-тысячное войско на лыжах двинулось из устья Печоры и через 2 недели достигло Урала. Разбив отряд самоедов, оно подошло к Ляпину городку на р. Сыгве и захватило его. Разделившись на 2 отряда, завоеватели взяли свыше 40 городков и множество пленных. Так в Югре окончательно установилась власть великого московского князя.

К Ляпину городку русская армия шла по долине Щугора. В средние века это была оживлённая дорога, её в качестве единственного прохода через Урал упоминает Герберштейн, по ней велась торговля между Москвой и Югрой, а славяне проникали в Сибирь. В конце XVI в., когда Ермак пересёк Средний Урал, она постепенно утратила своё значение. Сегодня главным путём в Сибирь является низина, по которой проложена Пермская железная дорога, а северные перевалы ныне используются только туземными охотниками и кочевниками. Печорский край перестал быть связующим звеном между Россией и богатыми пушнинной областями Северной Азии.

В настоящее время Русский Север стал возвращать себе эту функцию. В 1553 г. один английский капитан достиг Белого моря и по Северной Двине прибыл ко двору Ивана Великого. Вскоре по этому маршруту установили коммерческие и дипломатические отношения между царём и королевой Англии. Как и во времена норманнов, Северная Двина вновь стала гигантской торговой артерией, связывающей Северную Европу со странами Востока. Именно через неё англичане впервые попали в Центральную Азию: в 1557 г. сотрудник созданной для торговли с Россией английской Московской компании Э. Дженкинсон добрался до Белого моря, а оттуда по Северной Двине, Волге и Каспийскому морю прибыл в Самарканд.

От англичан не отставали французы. В 1580 г. некий Жан Соваж, торговец из Дьеппа, посетил Вардё в Норвегии и порты Белого моря – Холмогоры и мона-

стырь Св. Николая. 6 лет спустя Генрих III попросил преемника Ивана Грозного царя Фёдора разрешить французам торговать в Московии и открыть факторию в Колмагре (Холмогорах), и на следующий год царь даровал парижским купцам жалованную грамоту на выгодных для них условиях. Французы получили право «прохода в вотчины наши, чтобы везти товары на кораблях и торговать в Холмогорах и новой крепости Архангельской, в Вологде...». Царь приказал «предоставить им свободную торговлю, чтобы они платили лишь половину от той пошлины, что платят другие иноземцы во всех поименованных городах...».

Фактически монополизировав торговлю в Белом море, Московская компания планировала получить доступ к пушнине, о местах бытования которой её агенты узнали в Холмогорах и Архангельске.

В 1611 г. англичане отправили корабль под командованием капитана Джеймса Вздена в устье Печоры. Торговля здесь показалась им весьма многообещающей. «С помощью наших людей в Пустозерске, Усть-Зыльме и Перми, – писал агент компании Ричард Финч её директору Томасу Смигу, – мы сможем организовать прибыльный бизнес, покупая зимой меха». 2 участника этой экспедиции, Джосиас Логан и Уильям Персглоу, перезимовали в Пустозерске; 3 года спустя это же проделал второй помощник капитана Уильям Гордон. Интереснейшая информация, собранная сотрудниками Московской компании, свидетельствует, что в те времена на Печоре и на Северном Ледовитом океане была очень оживлённая навигация. Каждое лето из Холмогор, Мезени и Пустозерска в находившуюся в устье Оби Мангазею уходило множество судов. Все они отправлялись в Карское море, затем по волокам преодолевали п-ов Ямал и попадали на Обь.

После завоевания русскими Прибалтики и Чёрного моря торговля по Северной Двине прекратилась, а Печора стала обслуживать только ближайших соседей. Однако благодаря инициативе месье Сулова эта прекрасная река скоро станет, как во времена норманнов, одним из путей доставки товаров с востока России. По инициативе этого благоразумного человека построят узкоколейную железную дорогу через перешеек, отделяющий притоки Камы от Печоры. Привезённые паровозами на эту реку, товары затем будут перевозиться пароходами к берегам Северного Ледовитого океана. У месье Сулова уже есть 3 парохода на Печоре, 1 на Колве и морское судно, которое в 1889 г. доставляло грузы отсюда в Санкт-Петербург.

Русское правительство, понимая важность этого проекта, произвело углубление русел Вишерки и Берёзовки, ведущих к будущей железной дороге. В итоге Печора вновь станет дешёвой транспортной артерией, по которой будут перевозить часть хлеба с Поволжья и товары из Средней Азии к берегам Северного Ледовитого океана, по которому 4,5 месяца грузы можно доставлять в Европу. Одновременно, как я расскажу далее, месье Сибиряков наладил доставку товаров с Оби в Европу через Урал⁸.

⁸ Сибиряков Александр Михайлович (1849–1933) – русский предприниматель, исследователь Сибири. Построил по Щугорскому волоку дорогу от Печоры к Оби (так называемый Сибиряковский тракт), по которой сибирские грузы вывозились на Печору, Мезенский уезд, на Мурманский берег, в Северную Норвегию, Данию, благодаря чему цены на хлеб в Печорском крае снизились в 1887 г. втрое.

Не стоит принижать экономическое значение Русского Севера, который обычно представляют как пространство вечных снегов, а граничащее с ним море – всегда покрытым льдами. В наши дни побережье Русской Лапландии обеспечивает навигацию круглый год, а Печора – единственная река, по которой можно легко доставлять грузы с востока России к морю.

По Печоре от Усть-Пожега до Усть-Щугора

Пороги. – Лес. – Зырянская деревня.

Пробыв 4 дня в Усть-Пожеге, мы опять отправились в путь по Печоре на лодке: здесь это единственно возможное средство передвижения.

Погода была великолепна, небо сияло голубиной как на средиземноморском побережье, в лучах солнца сосновые иглы сверкали металлическим блеском. Во всём пространстве сияла ослепительная ясность. В 2 ч. 30 мин. вечера температура воздуха достигла +33° С, и, чтобы не получить солнечный удар, нам пришлось воспользоваться зонтами.

Плыть в такую погоду по Печоре – сплошное удовольствие. Вокруг ни души, абсолютная тишина, никаких потрясений, всё монотонно и безмолвно. Этот неживой покой усыпляет. Страсти остались где-то позади, здесь нет ни тревог, ни несчастий, одно только спокойствие и счастье. Солнце и запасы еды – вот и всё, что нужно для полного блаженства в поездке.

Неожиданно послышалось глухое бурление воды: мы приближались к порогам. Река с шумом билась о камни, затем в вихре неслась по ним на протяжении 200 м. Наша команда на несколько минут остановилась, чтобы обследовать проход: не дай Бог разбиться о какой-нибудь выступ. Но вроде всё нормально, и теперь снова вперёд! Лодочники, чтобы управлять нашими судёнышками, разогнали их быстрее течения. Ещё несколько секунд – и порог был преодолён.

Но через 5 км возникло новое препятствие, посложнее предыдущего, затем ещё 2 других маленьких порожка. Наконец, мы прибыли в деревеньку Порог, расположенную в 20 км от Усть-Пожега.

Опять перед нами простирался бескрайний лес, состоящий по большей части из лиственниц и елей. Берёз и сосен здесь меньше и почти совсем нет кедра. Сюда почти не забредают дровосеки, поэтому, когда в центральной России леса будут полностью уничтожены, их заменят здешние массивы.

В течение дня прекрасный северный свет придаёт этим деревьям различные оттенки. Вечером, в ясных сумерках, можно подумать, что находишься в стране, воспетой в поэтических балладах; бесшумно течёт широкая река, и во всей природе царит молчание, которое заставляет почувствовать одиночество.

В 11 часов мы высадились на покрытом лесом острове, первом, встретившемся нам на Печоре (по-русски о. Еловик, по-зырянски – Варади), и разбили там лагерь. Тёплый воздух благоухал лесными ароматами, при ярком свете луны пейзаж

казался отливающим серебром. Мы уже настроились было предаться мечтам при сиянии звёзд, но проклятые комары лишили нас этого удовольствия.

На следующий день из-за сильной грозы наша команда отправилась в путь только в 11 часов. Температура воздуха была +24° С, так что в этих северных местах дрожать от холода не приходилось.

И опять нас окружал лес, лишь изредка встречалась заброшенная избушка, а на крупных излучинах реки устремляли в небо свои удивительные концы мрачные православные кресты. Проходя мимо них, зыряне, по словам А. И. Шренка, обычно кладут в качестве приношения камень.

Вечером мы прибыли в деревню Усть-Илыч, название которой говорит о том, что она находится в устье Илыча, притока Печоры. Илыч столь же широкий, как Печора, и, получив его воды, она становится вдвое шире.

В Усть-Илыче проживает приблизительно 180 человек, и все они зыряне.

На следующий день, 28 июля, мы продолжили плавание по Печоре. В 10 км от Усть-Илыча показалась деревушка Усть-Ляга. В ней имеется 25–30 жителей. На протяжении 127 км, отделяющих Усть-Пожег от Троицко-Печорского, единственными обитаемыми селениями являются Порог, Усть-Илыч и Усть-Ляга, а общая численность их жителей не превышает 230 человек. На сотни километров по обе стороны от Печоры тянутся безлюдные пространства.

Днём мы повстречали зырянских косарей. Они пришли косить траву сюда, в более чем 15 км от своих домов, чтобы приготовить побольше корма. Туземцы знают обо всех покосах вокруг и не упускают возможности ими воспользоваться.

Погода была пасмурная, поэтому сосновый бор напоминал погост. 10 часов мы плыли в гнетущей тоске молча. Вечером тяжёлые облака превратились в длинные полосы, и чистый до этого небосвод потемнел. Не было ни ветерка, ни всплесков воды. Вдруг в пространстве пронзительной тишины и сумеречного света на фиолетовом горизонте показались холмы, напоминавшие цепь великолепных гор. На них, подобно маяку, сверкал позолоченный купол церкви. В наступавших сумерках он указывал нам путь в Троицко-Печорское (по-зырянски Мылва), где заканчивался очередной этап нашей поездки.

Это село является административной столицей всего края, здесь находятся церковный приход и волостной центр. Состоит оно из 2 частей. На левом берегу Северной Мылвы, в самом селе, живут православные, а на правом – раскольники. Оба квартала представляют собой хаотичное нагромождение построек, возведённых безо всякого плана, как придётся. Кажется, зыряне не любят ровную застройку, привычную для русских.

Из Троицко-Печорского до Усть-Щугора, конечного пункта нашей поездки по Печоре, было ещё более 300 км. Плыть на лодках, используя вёсла, – отнюдь не просто, особенно на такой унылой реке, как Печора. Поэтому мы очень обрадовались, когда узнали, что скоро до Пустозерска пойдёт пароход и нам можно будет им воспользоваться.

Вечером 29 июля мы сели на это судно и 1 августа в час утра прибыли в Усть-Щугор, где нас тепло приняли в торговой конторе местье Сибирикова. Весь этот долгий путь мы видели вокруг только лес и несколько деревень, отделённых друг от друга большими расстояниями. Одна из самых крупных, Подчерская, находит-

ся в устье р. Подчерем, и не на левом, как обозначено на карте русского Главного штаба, а на правом берегу Печоры. Скучную поездку отчасти скрашивали частые посадки парохода на мель.

Плавание по Щугору. Переход через Северный Урал

*Уральские дороги. – Сибиряковский тракт. – Щугорские пороги. –
Восхождения на Уральские вершины.*

По прибытию в Усть-Щугор нам предстояло пройти самый трудный участок нашего маршрута – Северный Урал.

На юге, между притоками Камы и больших сибирских рек, Уральские горы похожи на веер, но по мере продвижения к северу сужаются. В тех местах, где мы оказались, они не очень широки, хотя именно здесь находятся наивысшие точки их северных отрогов – горы Сабляиз и Тельпосиз. От возвышающихся над долиной Щугора первых высоких холмов до последних уральских валов в Сибири чуть больше 100 км, но обрывистые склоны при этом полностью отсутствуют. Всюду можно видеть высокие холмы, разделённые широкими низинами, и если не гигантские топи, то преодолевать эти места не составило бы труда. Именно болота являются главным препятствием для путешественников по Северному Уралу. Далеко вокруг нет и дюйма сухой земли. От Усть-Щугора до Урала тянется заболоченный лес шириной примерно 30 лье, по которому текут глубокие реки.

Приведу один характерный пример, показывающий, насколько здешние болота осложняют жизнь людей. Несколько лет тому назад по причине осенней слякоти императорская дорога, соединяющая Пермь с Тюменью через Южный Урал, превратилась в распутицу: повозки вязли в грязи, а в Екатеринбурге, административном центре этих мест, улицы превратились в сплошные трясины, в которых можно было запросто утонуть. Ходить и ездить по городу стало настолько опасно, что пришлось закрыть все учебные заведения. Но Екатеринбург стоит на сухом месте, нам же пришлось ехать там, где вместо дорог было одно сплошное болото! По этой причине в летнее время поездки по Северному Уралу бывают крайне затруднены, и лишь зимой, когда зыбкая почва замерзает и покрывается толстым слоем снега, путешествовать становится легче. В северных странах зима – время активной жизни, грузоперевозок и ярмарок. Грязи в это время нет, реки скованы льдами, поэтому лыжи и сани быстро несутся по снегу. Земля и вода образуют прочное и твёрдое покрытие, напоминающее хрусталь.

Напротив, лето – время походов для натуралиста. Те, кто рекомендуют заниматься изучением холодных мест зимой, сами, видимо, в них никогда не были. Ну что можно сделать, когда почва покрыта белым саваном?! В этих условиях невозможно произвести даже простейшую топографическую съёмку. Попробуйте под

толстым слоем снега увидеть озеро, реку или сушу! И как можно собирать под снегом естественнонаучные коллекции?

Эти заболоченные места можно преодолеть только по рекам. Если взглянуть на карту, то можно увидеть, что истоки Печоры и её правых притоков находятся от сибирских рек лишь в нескольких километрах и отделены от бассейна Оби только узкими перешейками. Уральские горы прорезаны почти непрерывными речными потоками, этими естественными путями, связывающими Европу и Азию.

От истоков Печоры до Северного Ледовитого океана Северный Урал пересекают 4 главных прохода. Самый южный идёт вдоль верховий Печоры к истокам Сосвы. Севернее Илыч и его приток Егралыга ведут туда же. Третий и главнейший переход образован Щугором и выходит к верховьям Сыгвы в бассейне Оби. Наконец, на южной границе тундры по Усе можно достичь притоков Оби – Войкара и Соби. Как я уже отмечал, эти проходы уже давно освоены туземцами и русскими.

Сегодня, благодаря стараниям месье Сибирякова, они, наряду с другими путями, должны способствовать доставке сибирских товаров на рынки сбыта.

В предыдущей главе я упоминал месье Сулова, который намеревается проложить новый маршрут для товаров с востока России. В свою очередь месье Сибиряков уже 14 лет вкладывает средства, чтобы облегчить продвижение на рынки сибирской продукции. В России очень развита частная инициатива, и в вопросах колонизации русские действуют без оглядки на правительство. Нам бы не помешало повнимательнее присмотреться к этому опыту.

Несмотря на расхожие представления, Сибирь вовсе не является бескрайней заснеженной пустыней. Напротив, она удивительно плодovита. Это один из самых прекрасных сельскохозяйственных регионов на планете, но из-за отсутствия коммуникаций его продукция пока не доходит до потребителя. Часть своего огромного состояния месье Сибиряков тратит на создание путей, по которым эти богатства можно будет доставлять к берегам Северного Ледовитого океана. Первоначально, вдохновившись исследованиями знаменитого Норденшёльда, Сибиряков попытался связать европейские порты с устьем Енисея, но его усилия не увенчались успехом: одни его суда были раздавлены льдами, другие не смогли пробиться через ледовый заслон. Это предприятие обошлось месье Сибирякову в несколько миллионов рублей, но он почти не почувствовал этой потери и сразу занялся прокладкой дороги через Северный Урал, чтобы соединить бассейны Оби и Печоры. На азиатском склоне Урала по Оби, Сосве и Сыгве пароходы легко достигают Ляпинской пристани⁹, находящейся лишь в 40 км от подножья этих гор. Оттуда до Печоры по прямой всего 200 км, из которых 70–80 км проходят по Уральской гряде. Именно в этих местах месье Сибиряков проложил свой тракт.

⁹ Ш. Рабо имеет в виду ныне не существующее поселение Русь-пауль («Русское селение»), или Пристанское (Пристань), находившееся на нынешней р. Хулге (в описываемое время эта река не выделялась из р. Сыгвы, современное название которой – р. Ляпин) в Берёзовском муниципальном р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Встречающееся в документах того времени с. Ляпино (Ляпинская пристань) состояло из 3-х соседних населённых пунктов – коми-зырянской д. Саран-пауль, русского торгового посёлка Русь-пауль (собственно Ляпинская пристань) и с. Щекурья. Каждое из этих селений в отдельности тоже могло называться Ляпин (Ляпинская пристань). Такую путаницу в XIX – нач. XX в. вносили приезжие купцы, и она отражалась на картах и в литературе.

Сначала он стал строить дорогу от Аранца на Печоре, но вскоре передумал и занялся возведением второй, пролегающей по Щугорскому волоку. Дорога идёт от Сибиряковской пристани, расположенной на правом берегу Печоры вблизи её притока Щугора, и доходит до Ляпинской пристани. К сожалению, эта местность покрыта горами, лесами и болотами, что делает невозможным прокладку здесь дорог и езду на повозках. Поэтому, поговаривают, месть Сибиряков вроде бы имеет намерение оставить этот тракт и построить третий, на этот раз в долине Илыча, где почва не такая влажная. Однако уже проложенный им большак тоже может использоваться, но только зимой. Летом пароходы привозят сибирские товары по Сыгве на Ляпинскую пристань, а когда болота замерзают и дороги покрываются снегом, продукцию доставляют на берега Печоры, откуда следующим летом вывозят в Европу через Северный Ледовитый океан.

Зимой 1886 г. из Сибири на Печору по р. Большой Аранец доставили 640 т груза, а зимой 1889–1890 г. 247 т привезли уже по новому тракту. Теперь, когда работы на Щугорском волоке завершены, товарооборот будет расти из года в год. Для Печорского края этот тракт имеет первостепенное значение: по Щугору хлеб можно доставить быстро и дёшево. Теперь голод здешнему многочисленному населению не грозит, оно может питаться хлебом ежедневно, тем более, что щедрый филантроп месть Сибиряков продаёт его по себестоимости. Если до появления этого тракта мешок зерна (144 кг) здесь стоил 40 франков, то сегодня – не более 23 франков.

Но этим деятельность месть Сибирякова не ограничивается, он проявляет заботу о развитии науки и профинансировал множество экспедиций. В частности, совместно с королём Швеции и месть Оскаром Диксоном, этот меценат участвовал в организации знаменитой экспедиции на «Вега». Любезно предупредённый тобольским губернатором, генералом Тройницким¹⁰, о моём грядущем прибытии на Урал, месть Сибиряков приказал своим людям оказывать мне самый тёплый приём в его торговых конторах и отправить навстречу экипаж, необходимый для перехода через горы. Без этой трогательной заботы преодоление Северного Урала стало бы очень трудным, если вообще выполнимым делом.

В 3 часа ночи 31 июля мы сошли на берег у торговой конторы Сибирякова в Усть-Щугоре, днём занимались естественнонаучными исследованиями и готовились к поездке по Щугору до Волоковки, в самый центр Урала, ибо на тот момент дорога была непроезжей. В 6 часов 1 августа мы отправились из Усть-Щугора с командой из 4 сильных молодцев. Наше судно напоминало большую китобойную шлюпку. Сзади у неё имелась маленькая кабинка в форме гроба, как у венецианских гондол. Эта каюта 2,1×0,9 м больше чем на неделю стала нашим жилищем. Поставленные внутри неё ящики с багажом служили кроватями, впереди находился салон – крохотный уголок вокруг большой коробки, заменявший стол. Перед дверью на широком плоском камне тлел отпугивавший комаров дымарь. В общем, разместились мы неплохо.

¹⁰ Тройницкий Владимир Александрович (1847–?) – тобольский губернатор в 1886–1892 гг. Ш. Работ употребляет армейское соответствие гражданского ранга В. А. Тройницкого, который являлся гражданским служащим – действительным статским советником.

Едва лодка вошла в Щугор, её сразу подхватил бурный поток. Широкая река, как большой рукав Сены вокруг о. Сите, неслась с головокружительной скоростью. Двое из нашей команды сразу спрыгнули на берег и стали тянуть лодку за верёвку, в то время как оставшиеся на борту отталкивали её баграми. Так нам пришлось идти по всему Щугору! На своём протяжении он отличается бурным течением. Чтобы преодолеть его, приходилось тащить лодку за собой. На спокойных участках мы проходили по 3 км за час. Выше русло перекрывают нагромождения камней, и вода с шумом устремляется в бреши между ними. До Волоковки нам встретилась целая дюжина этих порогов. Чтобы преодолеть их, экипаж направлял наше судно в середину потока, бурлаки изо всех сил тянули верёвку, а оставшиеся на борту удерживали судно баграми. С огромными усилиями лодку удавалось перетащить на 2-3 м, после чего лодочники переходили дальше вверх по берегу и начинали тянуть корабль снова. Таким образом, мы передвигались урывками подобно гимнасту, который поднимается по ступеням верёвочной лестницы, перебирая их руками. Если бы в этот момент сломался багор или оборвалась верёвка, нас неминуемо бы смыло в реку, и мы утонули бы в её бурном потоке. Если в подобных случаях жизнь, как говорится, висит на ниточке, то наша в те минуты держалась на лыковой верёвке.

2 августа пейзаж стал более привлекательным. Щугор течёт то по равнине, то в глубоких теснинах между увенчанных лесами прекрасных крутых скал. Его берега сложены из известняка и сланца, которые, вероятно, относятся к пермскому времени. В сланцах имеются многочисленные следы ископаемых растений. Правда, в тех образцах, которые мы взяли, их виды, к сожалению, определить было нельзя: по словам горного инженера месье Зейлера¹¹, который любезно согласился изучить наши находки, прежде чем оставить свои отпечатки, эти растения, вероятно, долго находились в воде.

Утром мы миновали высокие известковые скалы Ульдор-Кырта (Железные Ворота). Вечером вдали, за синеватым лесом, показалось большое фиолетовое облако – то были Уральские горы. Отныне мы никогда не теряли их из виду.

В 10 часов вечера наша экспедиция сделала привал. Более полусуток пришлось тянуть лодку, но, несмотря на все тяготы, удалось продвинуться только на 8 чумкост, т. е. на 40 км.

Ночью к нашему лагерю приходил медведь, но быстро ретировался, испугавшись костра. Как жаль! За 10 лет странствий по Северу я ни разу не смог не только подстрелить, но даже увидеть этого зверя.

3 августа стояла великолепная погода. В 2 часа термометр показывал +22,8° С. Мы миновали Паток-ю, самый большой приток Щугора, и днём достигли Шер-Кырта, столь же узкой теснины, как Ульдор-Кырта, после чего русло реки стало широким, напоминая изумительной прозрачности маленькое озеро. Щугор на всём своём протяжении отличается кристальной чистотой, иногда сквозь зелёную, глубокую воду можно увидеть мельчайшие детали дна, находящегося на глубине 10 и более метров. Позже нам пришлось преодолеть 2 ужасных водоворо-

¹¹ Зейлер Шарль-Рене (1847–1915) – французский палеоботаник, изучал флору пермского периода.

та с труднопроизносимыми названиями – Зырянкось и Тарашимкось¹² – и только тогда разбить лагерь.

Наши лодочники-зыряне вызывали восхищение своей энергией и терпением. Какими крепкими малыми оказались эти финны! В течение 14 часов они ступали по воде, а вечером, не забывая о просушке своей одежды, засыпали в палатке в рубахе и штанах, хотя ночи здесь весьма прохладные. При этом они питались только рыбой и ржаным хлебом. Как и все финны, зыряне очень искусные лодочники. На русском флоте они могли бы стать первоклассными матросами, такими, как лапландцы и карелы Архангельской губернии.

Ещё 2 тяжёлых дня (4 и 5 августа), и 6-го числа мы прибыли к подножию Пычечук-Пармы, крупной вершины, расположенной на левом берегу реки, и сразу же забрались на неё. Мне не терпелось увидеть сверху округу, ведь сквозь густой лес иначе определить рельеф местности невозможно.

С вершины Пычечук-Пармы (её высота 490 м) открывается обширная панорама, вытянутая в длину, как вид с воздушного шара. К западу, насколько хватало глаз, отливали синевой лесные массивы, изредка прерываемые участками Щуго-ра, затем постепенно появлялись округлые холмы с пологими склонами, напоминавшие вздувающееся длинными волнами крупной зыби море. Позади, величественный в своём одиночестве, выросла могучий Тельпосиз – самые высокие горы в этой части Урала, наиболее величавые из всех, которые я когда-либо видел. Их зубчатые макушки круто поднимались ввысь на более чем 1,6 тыс. м. На всей этой обширной территории, раскинувшейся под нами подобно рельефной карте, не оказалось ни домов, ни шалашей, ни людей. На протяжении 230 км от Усть-Щуго-ра до деревеньки Щекурья-пауль, расположенной на другой стороне Урала, мы лишь дважды встретили людей. Мрачное безлюдное пространство было покрыто бескрайним зелёным лесом. Быстренько нанеся на карту самые высокие точки этой местности, мы опять сели в лодку.

При приближении к Тельпосизу пейзаж становился величественным. В окружении этой прекрасной природы плавание казалось не столь уж трудным, восхитительная панорама позволяла забыть о мучениях. Однако по мере дальнейшего продвижения трудности нарастали. Пройдя 3 порога, мы попали в некое подобие покрытого заболоченными островками озера, в которое впадает большая р. Глубник. И тут наши лодочники заблудились. Четверть часа мы тыкались то туда, то сюда, не раз садились на мель, а когда, наконец, нашли путь, уже стемнело. Заметив нечто вроде пляжа, выбрали его для ночёвки. Давно мы не спали на такой мягкой постели!

Ночь была тёплая и светлая. Вершина Тельпосиза мерцала, подобно упавшей на землю звезде, а на горизонте покоящиеся в сумерках синеватые купола одиноких гор освещали последние отблески заката. Стояла пронзающая тишина, всё вокруг, казалось, погружено в сон. Мы долго беседовали у костра и чувствовали себя невероятно хорошо среди этой глуши и тишины!

¹² Автор записывал названия на слух. Скорее всего, имелся в виду Таркакывныкось (от коми «таркакывны» – греметь, стучать (звукоподраж. слово).

В 4 часа утра 7 августа мы были уже на ногах, хотя так хотелось ещё поспать под столь ласковым солнышком! Выпив чая, бурлаки вновь взялись за верёвки. 5 часами позже перед нами предстал Дурной-Порог, самая грозная быстрина на Щугоре, напоминающая загромождённую валунами бурную альпийскую реку с каменистым дном. Промучившись час, мы прибыли в устье р. Дурная-ю, долина которой, как сказали наши люди, ведёт к вершине Тельпосиза.

Согласно местной мифологии, Тельпосиз – место пребывания зырянского Эола, поэтому, идя у подножия этого пика, лодочники, повинувшись тому же суеверию, что и древнегреческие моряки, запретили нам свистеть и кричать, опасаясь вызвать бурю. Тельпосиз в переводе с зырянского означает «гора гнезда ветров». Местные жители считают эту гору неприступной: как только вы приближаетесь к её вершине, злой дух вызывает ураган и сбрасывает вас в бездну. Говорят, что одного самоеда, решившегося взобраться на этот пик вопреки предупреждениям зырян, ветер разорвал на куски. Но любопытство наших лодочников оказалось сильнее их страха, и трое из них согласились сопровождать нас на Тельпосиз. Мы пересекли болото, затем участок леса и наткнулись на кучи огромных камней. Ложбина р. Дурная-ю представляет из себя скопление каменных обломков, как будто землетрясение разрушило когда-то существовавшую здесь гору. Посреди этого запустения светится маленькое озеро с зеленоватой водой, выше белеет пятно покрытого льдом фирна. Дальше, между каменными осыпями, простираются утопающие в ярких цветах маленькие альпийские луга, затем вновь начинается большая пустыня. Серая, голая и мёртвая, она поднимается в виде крупных каменных волн-террас. И только за ней появляется главный хребет Тельпосиза, напоминающий выщербленное лезвие ножа. Мы поднялись по нему на 849 м, когда неожиданно макушку горы окутали тучи и разразился ливень с грозой. Погода стремительно ухудшалась, и вскоре дождь уже лил как из ведра, а укрыться от него было негде. Одновременно отовсюду налетели тучи комаров. За несколько секунд мы стали чёрными от набросившихся насекомых, но не смогли воспользоваться накомарником: он мешал бы смотреть на сыпавшиеся из-под ног камни.

Закрыв платками шею как самую чувствительную часть тела, мы на минуту остановились и начали хлопать себя по лицу, превращая тучи комаров в кашицу. Наши ужасные страдания продолжались целый час. Удивительно, но внизу, у болота, этих насекомых было гораздо меньше.

Вечером мы наконец добрались до лодки. После таких испытаний какой же уютной показалась наша убогонькая плавучая хижинка! В ней мы были защищены от дождя, а добротный дымарь отпугивал комаров. Обсохнув, мы скромно поужинали. Сухая одежда и кусок хлеба – вот, оказывается, что нужно настоящему исследователю!

8 августа мы продолжили своё плавание. Стоял туман, поэтому подниматься на Тельпосиз было нельзя. Видя это, зыряне ещё больше поверили в неприступность горы.

Один сложный порог – и вот перед нами открылась широкая тенистая долина, окаймлённая голыми плоскими горами. Казалось, мы попали в Юру. Своими лесами, чистыми водами и мягкими, обтекающими формами рельефа эта часть Урала напоминает Франш-Конте. Пейзаж повсюду был наполнен воздухом, нигде не чув-

стновалась та теснота, то нагромождение давящих и заслоняющих перспективу гор, характерное для Альп.

Затем ещё излучина реки – и мы уже на окружённой горами равнине. Наше плавание завершилось на станции Волоковка, расположенной у слияния одноимённой реки с Щугором.

Станция состояла из 2 деревянных избушек. Обстановка их была крайне примитивной: традиционная русская печь в углу, 2 походные кровати, стол и скамья. Впрочем, даже такой интерьер в этих местах редкость.

Выполняя приказ месье Сибирякова, ящик (так в России называют почтальонов) уже месяц ожидал нас здесь с 4 лошадьми.

Волоковка – одно из самых восхитительных мест, которые я когда-либо встречал в северных горах. Мимо неё текут невообразимой красоты речки, вокруг раскинулись великолепные изобилующие дичью еловые и берёзовые леса и радующие глаз горы. Эх, если бы только не комары! К счастью, когда температура воздуха неожиданно понизилась, эти твари исчезли.

«Какая волшебная сторона эта Калифорния!»

(А. Г. Ротчев)

УРОЖЕНЦЫ российского Севера, в том числе Коми края, внесли значительный вклад в освоение Сибири и Дальнего Востока. Неслучайно в центре Великого Устюга возвышается памятник Семёну Дежнёву, посвящённый памяти землепроходцев и мореплавателей XVII–XVIII вв. Коми зверобои являлись проводниками многих экспедиций, снаряжаемых из центра России в обширные неизведанные земли (в основном, в погоне за «мягкой рухлядью» – пушниной), простирающиеся за «Камнем» – Уральскими горами. Топонимика Сибири пестрит названиями, в которых остались запечатлёнными коми названия и фамилии. Менее известен вклад выходцев из нашего края в освоение ещё более отдалённых территорий, например, Америки. Легенды гласят, что русские люди появились на Аляске в XV веке – то были новгородцы, бежавшие в Сибирь от московитов и добравшиеся до Нового Света. В реальной истории россияне открыли берега Аляски в 1732 г. (экспедиция Ивана Фёдорова – Михаила Гвоздева на боте «Святой Гавриил»).

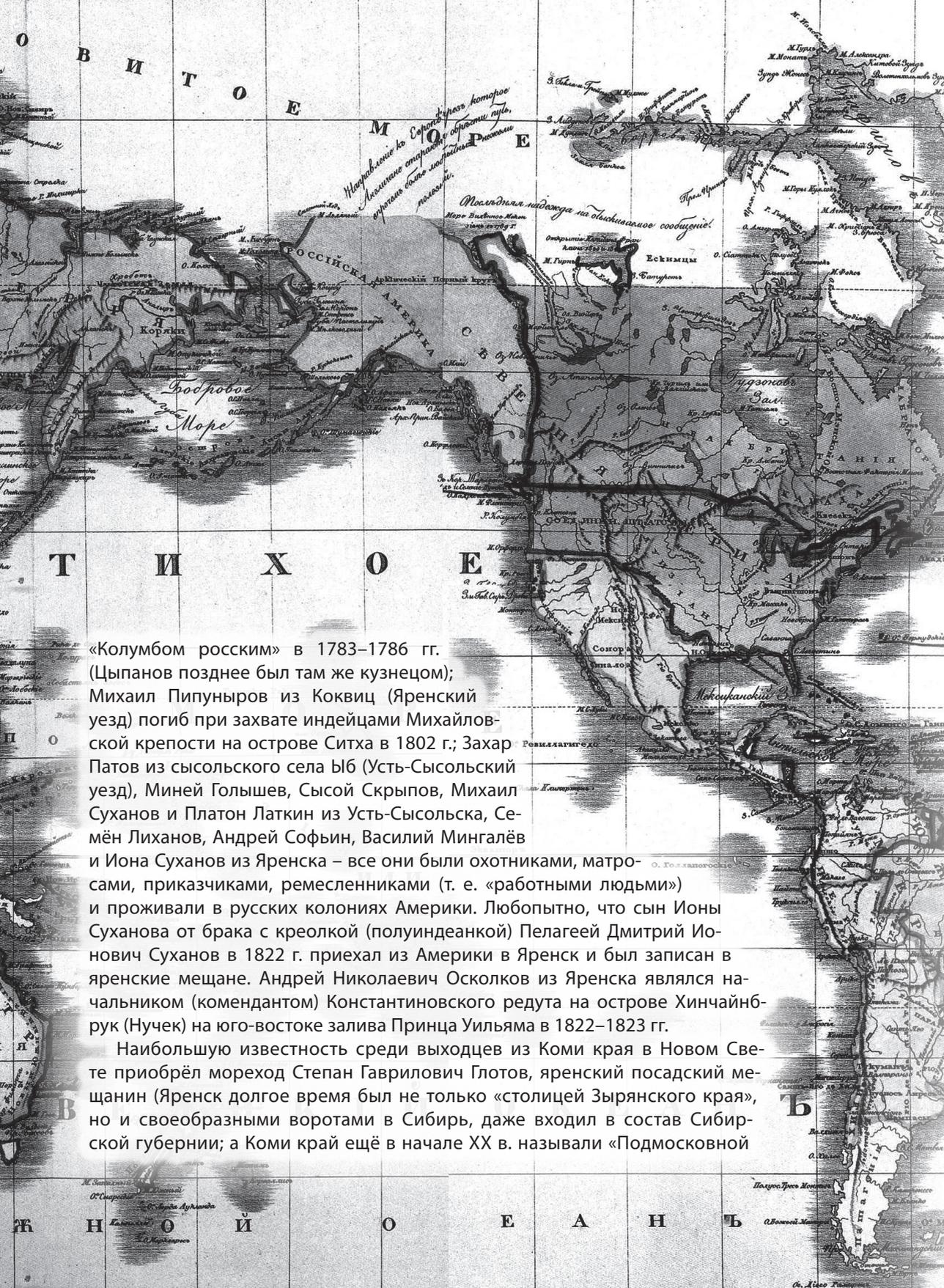
По сведениям О. М. Медушевской и позднее подтверждённым С. Г. Фёдоровой – известными исследователями истории Русской Америки, почти 70 % «рабочих людей» в русских колониях на Аляске составляли выходцы из Вологодской губернии, прежде всего Великого Устюга, Тотмы, Лальска, а также Яренского и Усть-Сысольского уездов. Пётр Перкушев из Палевиц плывал в Алеутском архипелаге на судне «Святой Иоанн – устюжский чудотворец» и погиб в 1761 г.; Тимофей Цыпанов из Усть-Сысольска и Андрей Кузнецов из Яренска участвовали в завоевании острова Кадьяк Григорием Шелиховым –

МИХАИЛ ТАСКАЕВ

Михаил Владимирович Таскаев – кандидат исторических наук, зав. отделом истории и этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Автор и соавтор свыше 200 научных и научно-популярных работ. Уроженец с. Ыб.

географический по проекту Меркатора карты, и состоящие из двух граверованных валь- вальбуе особо при само напечатанная книжонка.

«Колумбом rossким» в 1783–1786 гг. (Цыпанов позднее был там же кузнецом); Михаил Пипунеров из Коквиц (Яренский уезд) погиб при захвате индейцами Михайловской крепости на острове Ситха в 1802 г.; Захар Патов из сысольского села Ы6 (Усть-Сысольский уезд), Миней Голышев, Сысой Скрыпов, Михаил Суханов и Платон Латкин из Усть-Сысольска, Семён Лиханов, Андрей Софьин, Василий Мингалёв и Иона Суханов из Яренска – все они были охотниками, матросами, приказчиками, ремесленниками (т. е. «работными людьми») и проживали в русских колониях Америки. Любопытно, что сын Ионы Суханова от брака с креолкой (полуиндейкой) Пелагеей Дмитрий Иванович Суханов в 1822 г. приехал из Америки в Яренск и был записан в яренские мещане. Андрей Николаевич Осколков из Яренска являлся начальником (комендантом) Константиновского редута на острове Хинчайнбрук (Нучек) на юго-востоке залива Принца Уильяма в 1822–1823 гг.

Наибольшую известность среди выходцев из Коми края в Новом Свете приобрёл мореход Степан Гаврилович Глотов, яренский посадский мещанин (Яренск долгое время был не только «столицей Зырянского края», но и своеобразными воротами в Сибирь, даже входил в состав Сибирской губернии; а Коми край ещё в начале XX в. называли «Подмосковной

Ж Н О Й О Е А Н Ъ

Сибирью»), совершивший 3 важных многолетних плавания в Новый Свет и открывший более 30 островов в Алеутском архипелаге, среди них крупный остров Кадьяк. В 1768–1769 гг. С. Г. Готов участвовал в секретной правительственной экспедиции П. К. Креницына – М. Д. Левашова на галеоте «Святая Екатерина» и гукоре «Святой Павел», направленной к берегам Аляски с картографическими целями, и погиб 5 мая 1769 г. на острове Унимак во время зимовки. В честь яренчанина названа гора на Кадьяке. Надо заметить, что Степан Готов вошёл в историю Тихого океана не только как первооткрыватель, но и как организатор и участник карательного рейда во время русско-алеутской войны 1764–1766 гг. Тогда россияне во главе с Иваном Соловьёвым по прозвищу «Смертоносный Соловей» истребили несколько тысяч жителей Алеутских островов.

Драматична судьба ещё одного яренского посадского – передовщика Степана Кожевина (Кожевникова), разбившегося на судне «Святой Капитон» на Крысыих островах в 1758 г., но выжившего. Робинзоиада Кожевина продолжалась 2 года, за это время алеуты 2 раза нападали на лагерь россиян, свирепствовала цинга, из 39 человек экипажа «Святого Капитона» 26 погибли, но остальные всё же сумели построить маленький кораблик из обломков старого и отплыть домой. В пути кораблик попал в шторм и разбился на Ближних островах. Однако судьба хранила Кожевина и в этот раз: позднее его подобрал русский корабль.

В СЕРЕДИНЕ XIX в. российские колонии в Новом Свете стали считаться новой губернией Российской империи, о чём говорят даже такие бытовые мелочи, как, например, комплект сувенирных открыток 1856 г., посвящённый российским губерниям, среди которых выделяется открытка Российско-Американских владений. Алеуты наряду с коми-зырянами, мордвой и якутами были представлены на Первой этнографической выставке народов России в апреле 1867 г. «Губернской» столицей Русской Америки с 1808 г. являлся Ново-Архангельск (ныне г. Ситка), построенный в 1804 г. недалеко от сожжённой индейцами Михайловской крепости на Ситхе и образно называемый современниками «Тихоокеанским Парижем», – большой город в те времена, с развитой инфраструктурой: имелись морское училище, больница, православная и лютеранская церкви, магазины, множество мастерских, арсенал, магнитно-метеорологическая обсерватория. В окрестностях города размещался первый на тихоокеанском побережье Америки лесопильный завод, русскими досками торговали от Гавайев до Чили. До появления первых холодильных машин большую выгоду городу приносила также торговля аляскинским льдом, который вывозили в ковбойские салуны Калифорнии для охлаждения мяса и пива. В Ново-Архангельске имелось единственное в тихоокеанской Америке адмиралтейство с мощной верфью, на которой строили не только парусные, но и паровые корабли; британская Компания Гудзонова залива ремонтировала здесь свои пароходы. В 1839 г. в Ново-Архангельске спустили на воду свой первый пароход «Николай I», ставший грозой для индейцев. Русские пароходы часто плавали вдоль побережья, демонстрируя индейцам русский флаг, мощь и силу имперского ВМФ. Колониальный флот возглавлял построенный в Нью-Йорке, но регулярно ремонтирующийся на верфи Ново-Архангельска трёхмачтовый пароход «Император Александр II» с паровой

Сувенирная открытка 1856 г. «Российско-Американские владения» (лицевая часть).

Открытка (оборот).

машиной в 70 л. с. и вооружённый 6 карронадами. В 1864 г. на ново-архангельской верфи построили последний русский пароход в Америке «Политковский» с медным котлом. После продажи американцам «Политковский» был переименован в «Полли» и участвовал спустя пару десятилетий в Клондайкской золотой лихорадке, плавал по Юкону. Наличие русских пароходов на Аляске сильно понизило градус агрессии у индейцев. Последнее крупное нападение индейцев на Ново-Архангельск произошло в годы Крымской войны, когда тлинкиты чуть было не взяли город, вырыв подкоп под городские стены.

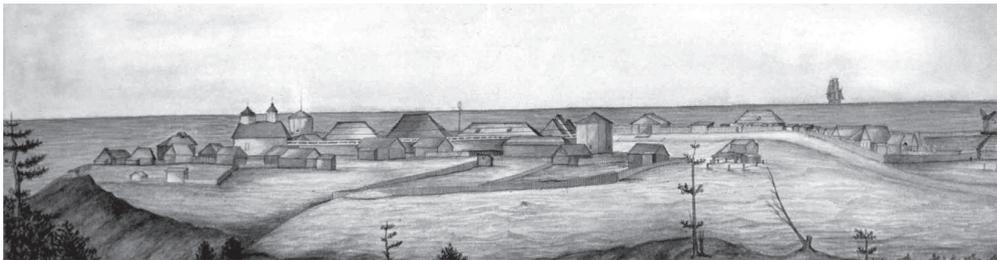
Российско-американские колониальные владения делились на 6 отделов (уездов), вторым русским городом после Ново-Архангельска являлась Павловская Гавань (ныне г. Кадьяк) на Кадьяке. Население американской «губернии» насчитывало до 40 тыс. чел. (причём русских и креолов было ничтожно мало, только около 2 тыс. чел., поскольку Правительствующий Сенат в 1808 г. запретил массовое переселение крестьян на Аляску из внутренних губерний страны, посчитав Новый Свет чересчур свободной территорией). В каждом селении алеутов и индейцев, признавших себя подданными Российской империи, развевались флаги Российско-американской компании (РАК), вожди и тойоны носили серебряные медали «Союзные России», в обиходе туземцев имелись русская мебель, посуда, одежда и обувь, дети аборигенов посещали русские школы. До сих пор американские лингвисты с удивлением находят, например, у тлинкитов устные изложения русских сказок про Ивана-дурака, Царевну-лягушку и трёх богатырей. Русская православная церковь крестила туземцев и не ушла с Аляски после её продажи в 1867 г.

Большой проблемой в российских владениях в Америке являлась нехватка привычного для россиян продовольствия, прежде всего хлеба. Рыбы, мяса, ягод и даже красной икры хватало, а вот хлеба не было. Губернатор (главный правитель) Русской Америки А. А. Баранов отправил своего ближайшего помощника, лейтенанта И. А. Кускова, найти местечко на тёплом юге, в Калифорнии, которое сможет обеспечивать урожаями зерновых суровую Аляску. Впервые об этом предпринятии задумался ещё граф Н. П. Резанов, камергер российского Императорского Двора, посетивший Сан-Франциско в 1805 г.

В 1808–1809 гг. в Калифорнии побывал с разведмиссией бриг Российско-Американской компании (РАК) «Мирт Кадьяк» под началом И. А. Кускова (Иван Александрович Кусков – уроженец города Тотьма Вологодской губернии, был женат на индейке из племени белла-белла или хайда, испанцы прозвали его Пи де Палу («деревянная нога»), поскольку у Кускова был протез. В 1822 г. И. А. Кусков вместе с женой-индейкой возвратился в Тотьму. Историки пишут, что в Форт-Россе «... он был задиристым, гневливым, но честным стариком, который мог прекрасно принять высоких гостей, удивляя их достижениями цивилизации, неожиданными в столь диком месте, но правил подчинёнными железной рукой»). Последний искал место для будущего российского поселения и, найдя его в заливе Бодега (первоначально россияне называли залив именем графа Н. П. Румянцева – министра иностранных дел империи), поставил на берегу деревянный православный крест и зарыл в землю медную доску «Земля российского владения» под № 14, тем самым расширив границы Российской империи в Новом Свете. Калифорния в те времена находилась под юрисдикцией испанской короны – военный отряд испанцев обстрелял российскую промысловую партию, среди зверобоев были убитые и раненые. В 1811 г. испанцы вновь напали на российских зверобоев, промышлявших вблизи гавани Бодега, убили 11 алеутов – союзников русских, а 15 зверобоев взяли в плен. Несмотря на это, администрация Русской Америки приняла решение основать колонию в Калифорнии.

В марте 1812 г. в бухте Бодега высадилась экспедиция РАК на шхуне «Чириков» в составе 115 зверобоев и мастеровых во главе с Кусковым с целью основания поселения. Земля под поселение (местность Метини за рекой Шабакэй, переименованной русскими в Славянку) была куплена у местного индейского вождя Валеннилы из племени береговых мивок за символическую плату: 3 одеяла, 3 пары штанов, 3 мотыги, пара топоров и бусы. Покупая землю у индейцев (сегодня считается, что земля не продавалась, а упомянутые выше вещи и предметы передавались русскими краснокожим в качестве подарка), русские подчёркнуто игнорировали испанскую юрисдикцию в Калифорнии.

Планировалось, что селение Росс будет снабжать русскую Аляску продовольствием – земля и климат этому благоприятствовали. Мощные блокгаузы из красной секвойи возвели достаточно быстро, крепость обнесли бревенчатыми стенами и восьмиугольными двухэтажными башнями, где позднее разместились пушки (артбатарея из 14 трофейных французских орудий, в т. ч. 2 карронады, заряд каждой из которых состоял примерно из 500 мушкетных пуль). Внутри крепости выкопали колодец, разместили арсенал, поставили колокольню (позднее на её месте возведут часовню Святой Троицы). 30 августа (11 сентября) 1812 г.,

Форт-Росс в 1841 г. Рисунок И. Г. Вознесенского.

в день тезоименитства императора Александра I, поселение торжественно нарекли крепостью Росс (название Форт-Росс прижилось позже с подачи американцев, испанцы называли поселение Эль Фуерто де Лос Русос). Над крепостью взвился трёхцветный флаг РАК (кстати, в ранних документах по истории колонии крепость и селение при ней также называют иногда Славянском). Интересно, что, когда в 1937 г. британская Компания Гудзонова залива основала свою последнюю торговую факторию на севере Канады, она получила название Форт-Росс (Fort Ross, Nunavut). Здесь, правда, вступает в силу разное значение понятия «Росс»: в случае с Калифорнией Форт-Росс обозначает русскую крепость, а в случае с британским Форт-Росс – возможно, в честь военного моряка сэра Джеймса Кларка Росса).

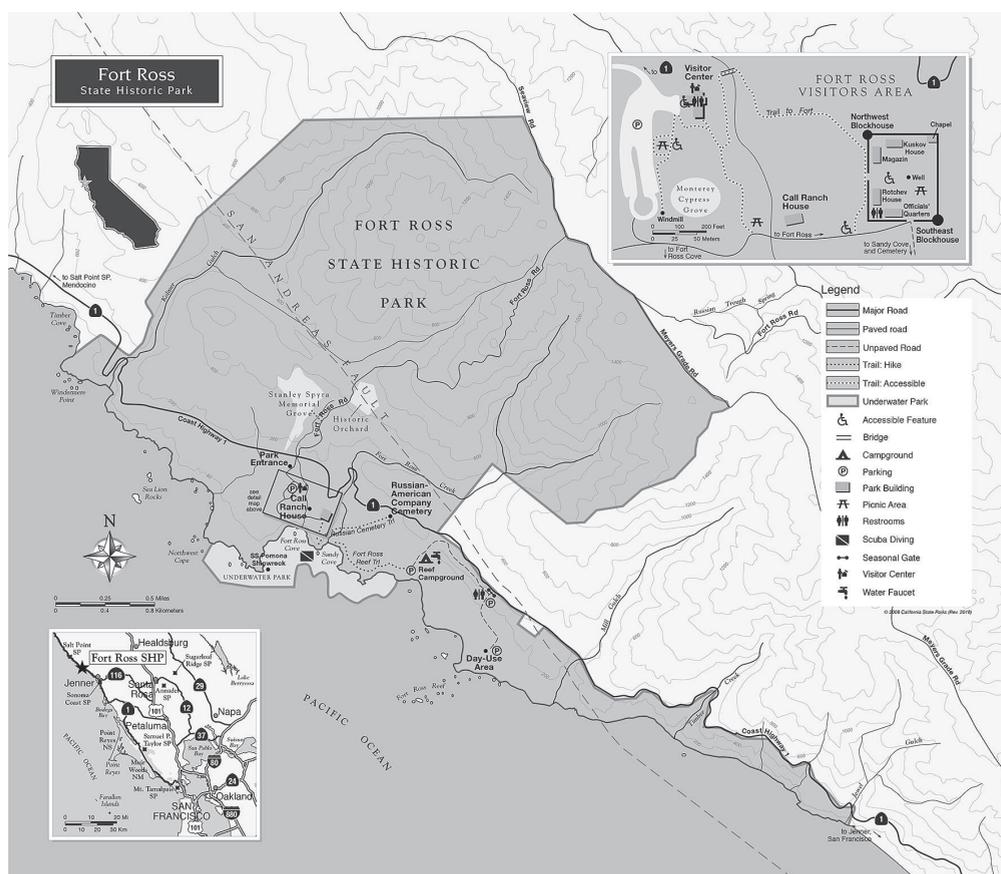
В 1817 г. в Форт-Россе прошли официальные переговоры с индейцами, во время которых вожди племён мивок, кашайя и помо Чугуан, Аматтан и Валеннила продемонстрировали своё дружелюбие к русским, надеясь, что они защитят их от испанцев, особенно от католических миссионеров, обращавших краснокожих в свою веру с излишней жестокостью. Индейцам вручили серебряные медали «Союзные России» и российские флаги, дали в их честь пушечный салют. Однако русские не оправдали индейские надежды. Во время восстания 1824–1826 гг., когда индейцы сожгли многие католические миссии в Калифорнии, русские поддержали как раз испанцев (вернее, уже мексиканцев), поставив им на корабле «Араб» ружья и порох. Любопытно, что вождём индейского восстания стал русский промышленник Прохор Егоров, сбежавший из Форт-Росса. Позднее он был убит самими индейцами.

Испанцы выступили резко против появления русской крепости в Калифорнии. Они постоянно нападали на русских зверобоев. Так, в 1815 г. испанцы дважды напали на российские промысловые партии, в т. ч. на охотничий лагерь (где были в основном алеуты) вблизи миссии Сан-Педро. Попавших в плен зверобоев развезли по миссиям Сан-Педро и Санта-Барбара. Одного из алеутов по имени Чунагнак (православное имя Пётр) испанцы зверски казнили после отказа перейти в католичество. Чунагнаку отрубили кисти рук, ступни ног и вспороли живот (в 1980 г. его канонизировала Православная церковь США как мученика за православную веру под именем Святого Петра Алеута).

В 1816 г. в Форт-Россе прошли протокольные переговоры капитана Отто Коцебу и коменданта Росса И. А. Кускова с губернатором Верхней Калифорнии Пабло

Висенте де Сола, на которых испанец потребовал ухода русских из Калифорнии. Позже, когда в 1821 г. на карте Северной Америки возникла независимая Мексика, уже мексиканцы потребовали того же и даже направили протест в российский МИД. Но российский МИД не реагировал.

Самые интересные события в истории Росса происходили в конце 1823–1824 годах, когда Россия имела шанс сделать всю Калифорнию своей колонией. Эти события связаны с деятельностью мичмана Д. И. Завалишина. Он прибыл в Калифорнию на военном фрегате «Крейсер» (кстати, вместе с мичманом П. С. Нахимовым, будущим адмиралом и героем Севастопольской обороны в годы Крымской войны). С фрегата сбежали музыканты, и капитан М. П. Лазарев был уверен, что их переманили монахи-францисканцы. Найти беглецов поручили мичману Завалишину. На всякий случай вооружившись пистолетами и ружьями и прихватив пушку, Завалишин с матросским отрядом выступил в поход. В окрестностях Сан-Франциско разнёсся слух: «Русские идут!» Жители попрятались – русский отряд спокойно занял полупустое президио (поселение), убедившись в полной военной беспомощности мексиканцев. Тогда-то и родилась у Завалишина идея создания

в Калифорнии пророссийской хунты – Ордена Восстановления, который придёт на смену мексиканской власти (в это время Мексиканская империя как раз трансформировалась в Республику Мексика).

Мичман начал плести заговор среди верных королю Испании людей, побывал почти во всех калифорнийских городках, президио и миссиях. Активней всех его поддержал настоятель миссии Сан-Франциско – падре Хосе Альtimiра. В гавани Сан-Франциско в это время по случайному стечению обстоятельств находились на длительной якорной стоянке 3 военных российских корабля «Аполлон», «Крейсер» и «Ладога». В довершение ко всему прибыло ещё промысловое судно РАК с вооружёнными зверобоями на борту – мексиканцы своими глазами могли убедиться в военно-морской силе России. Объективно Орден Восстановления выступал не только против Мексики, но и США.

Вскоре сложился круг испанских заговорщиков, согласных на колонизацию Калифорнии российской монархией. Д. И. Завалишин написал письмо российскому императору о своих планах завоевания Калифорнии и заселения новой американской колонии России освобождёнными от крепостного права крестьянами из центральных губерний империи. Однако Александр I не поддержал столь революционный проект. Мичмана отозвали в Санкт-Петербург, где он примкнул к декабристам. Калифорния осталась мексиканской...

За 3 десятилетия колония Росс расширилась. Помимо самой военной крепости Росс и селения при ней, на океанском берегу построили Порт-Румянцев, где име-

Форт-Росс в 1914 году.

лась судостроительная верфь. Здесь закладывали крупные морские корабли водоизмещением до 200 тонн. К сожалению, кораблестроители ошибочно выбрали для строительства калифорнийский дуб: прочное с виду дерево быстро гнило в морской воде, и уже через 6 лет корабль приходил в полную негодность. Строили в Порт-Румянцеве также небольшие речные суда и лодки, покупаемые католическими миссиями.

На юго-востоке колонии располагались несколько русских поселений: село Костромитиново, ранчо «Хлебниковские равнины», хутор «Новое ранчо» (или ранчо Черных), где размещались не только жилые дома, загоны для скота, но и пшеничные и кукурузные плантации, винодельни, амбары под зерновые хранилища, табачные склады, винные погреба. Форт-Росс также контролировал поселения зверобоев на Фараллонских островах. В целом, российская колония в Калифорнии была немногочисленной, не более 500 человек, из них непосредственно русских около 100, остальные – креолы, алеуты, кадьякские эскимосы, индейцы, приведённые в имперское подданство.

Форт-Росс быстро превратился в торговый центр Калифорнии. Здесь размещались сельскохозяйственные угодья: сажали картофель, репу, горох, свёклу, бобы, лук, капусту, арбузы, дыни, тыкву, сеяли чилийскую белую пшеницу, ячмень и рожь. Урожай снимали 2 раза в год, вывозя большую часть муки и овощей на Аляску. Разбили сад (росли груши, яблоки, сливы, апельсины, персики, вишня, айва) – всего около 500 фруктовых деревьев и до 2 тысяч виноградных лоз. Развивалось виноделие, были возведены первые в Калифорнии ветряные мельницы, в 1836 г. агроном Егор Черных построил в Форт-Россе чугунную молотилку. Колониальный скот насчитывал почти 5 000 голов, в т. ч. 1 700 коров, 940 лошадей и мулов, 900 овец. Мясо, сало, шерсть – всё в большом количестве транспортировалось на Аляску.

Не хватало рабочих рук, поэтому с 1827 г. стали практиковать «пригоны»: русские конные отряды регулярно нападали на индейские селения и, стреляя в воздух, сгоняли краснокожих на сельхозработы, за которые расплачивались потом пищей и кое-какой одеждой («примерным» выдавали ещё и одеяло). Посетивший Росс барон Фердинанд Врангель писал в 1833 г.: «От худой пищи и ничтожного платежа индейцы перестали сами приходиться в селение для работы, от чего контора нашлась принуждённо отыскивать их..., врасплох нападать, связывать руки и пригонять в селение как скот на работу: таковая партия в 75 человек мужчин, жён и детей приведена была при мне в селение с расстояния около 65 вёрст отсюда.... Само собою разумеется каковы со временем должны быть последствия подобных поступков с индейцами и друзей ли мы в них себе наживаем?» В Костромитиново, например, в сезонные работы трудилось до 300 рабочих-индейцев под присмотром 4 русских надсмотрщиков. Индейцы были недовольны появлением элемента насилия в русско-индейских отношениях, в ответ угоняли скот, в первую очередь лошадей. Конокрадов ловили и в кандалах увозили на суд в Ново-Архангельск.

Последний управляющий Росса А. Г. Ротчев так говорил будущему покупателю крепости Дж. Суттеру в 1838 г.: «...Человек здесь покорное дитя: за несколько ниток бисеру – индеец ваш работник; приласкайте его – и только не расстреливайте как собаку на каждом шагу по примеру калифорнских креолов». При А. Г. Ротче-

◀ Советская почтовая марка.

Российская марка, посвящённая 200-летию Форт-Росса. ▶

ве русские продолжали нападать на индейские селения (причём ночью), выбирая наиболее отдалённые кочевья и племена, не трогая индейцев в окрестностях Росса и в суматохе ночного нападения захватывая в первую очередь женщин. Каждый раз отряд под командой самого А. Г. Ротчева приводил в крепость до 100 туземцев. За работу на плантациях индейцам платили нитками бисера, рубашкой или одеялом.

В колонии имелись мельницы, лесопильня, кожевенный и кирпичный заводы (кирпичи делал мастерской Никифор Зырянов), кузница, различные ремесленные мастерские, в т. ч. литейные (русские колокола покупали католические миссии), мебельные и др. Форт-Росс торговал не только с Мексикой, но и с Гавайскими островами, Перу, Китаем. Прибыль от торговли во времена Ивана Кузовова (а он правил калифорнийской колонией 8 лет) достигала значительных сумм (до 20 тысяч испанских серебряных пиастров).

В конце 1830-х гг. в Калифорнию стали массово прибывать граждане США. Обострилась и мексиканская проблема: дипломаты требовали признания своей республики Российской империей в обмен на официальный статус колонии Росс. В 1836 г. барон Врангель вёл переговоры на эту тему в Мехико, однако император Николай I Республику Мексику не признал (Россия официально признала Мексику только в 1890 г.).

США предложили администрации Русской Америки поставки дешёвого продовольствия. Содержание Форт-Росс как продуктовой базы русской Аляски становилось убыточным. Российский МИД ничего не делал для установления диплома-

тического статуса колонии. В этих условиях администрация РАК приняла решение продать Форт-Росс гражданину Мексики швейцарского происхождения Иоганну Августу Зуттеру (Джону Саттеру), основавшему в 1839 г. в Калифорнии поселение Новая Гельвеция. Из Санкт-Петербурга в Ново-Архангельск поступило указание: «Оставить селение Росс, упразднить контору, его служащих там распределить по другим отделам, вывезти оттуда промышленников, орудия и товары, а всё, что окажется из имущества, продать или променять на пшеницу». В 1841 г. Форт-Росс продали Саттеру за 42 857 серебряных рублей (кстати, всю сумму он так и не выплатил). В 1848 г. американцы нашли на землях Саттера золото – началась знаменитая Калифорнийская золотая лихорадка.

ПОСЛЕДНИМ российским комендантом Форт-Росс в 1838–1841 гг. был Александр Гаврилович Ротчев, по мнению многих исследователей Русской Америки (например, М. Е. Барсуковой из Иркутска, специально занимавшейся историей рода Ротчевых), коми-зырянин по происхождению. Сама этимология фамилии Ротчев возможна только с коми языка («роч» на коми языке означает «русский»).

А. Г. Ротчев родился в Москве, по одним сведениям, в 1804, 1806 или 1807 г., а по другим – в 1813 г. в обер-офицерской семье. Существуют также версии, что он вырос в семье столяра-краснодеревщика, работавшего в Академии художеств, или в семье скульптора. А. Г. Ротчев рано лишился родителей, хлебнул горя, но сумел получить образование в Московском университете, который, правда, не закончил. Учился вместе с Фёдором Тютчевым. Печатал стихи и переводы в московских газетах и журналах, выступал в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, читал стихи в литературном кружке «Общество друзей» профессора С. Е. Раича, бывал на приёмах в известных московских домах, где тоже читал стихи.

В 1825 г. в альманахе «Уrania» вышла пьеса Ж.-Б. Мольера «Мнимый рогоносец. Комедия в одном действии в стихах» в переводе А. Г. Ротчева. Через 2 года студент-разночинец Ротчев познакомился с богатой и знатной княжной Еленой Павловной Гагариной, увлекавшейся поэзией и тоже писавшей стихи под псевдонимом «Ульяк-Тремадюр». Её родители были категорически против знакомства и последующего брака дочери с личностью «сомнительного происхождения», но это не остановило влюблённых, тайно обвенчавшихся через год. Свадебным подарком невесте стал сборник стихов А. Г. Ротчева «Подражание Корану», посвящённый «К[няжне] Е[лене] П[авловне] Гагариной», – единственный сборник произведений поэта, который удалось тогда опубликовать.

Редактор журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой так отозвался о сборнике: «Это собрание двенадцати небольших пьес, коих содержание взято из Алкорана Мугаммедова, можно назвать почти первым опытом юного Поэта. На первый случай можно извинить, что г-н Ротчев идёт по следам других: читатели припомнят, что первый начал подражать сильным песням Мугаммеда Пушкин. Но и после Пушкина стихов стихи г-на Ротчева прочтаете с удовольствием. Г-н Ротчев хорошо владеет языком и стихосложением русским. Напомним ему, однако ж, что одно из отличий людей с талантом состоит в оригинальности. Ради Феба, юный

Поэт! Если вы сочувствуете в душе своей небесное пламя поэзии, изданные вами подражания да будут для вас первыми и последними подражаниями».

Брак аристократки с безвестным студентом потряс московское общество. К тому же было известно, что за А. Г. Ротчевым, как автором и политических стихов, следит Третье отделение, сам шеф жандармов А. Х. Бенкендорф назначал следствие по отдельным «крамольным» стихам поэта. Тайный советник империи, сенатор и князь П. П. Гагарин отрёкся от дочери.

Стремясь прокормить семью (родился сын Михаил, потом Александр), А. Г. Ротчев берёт отпуск в университете и переезжает в Санкт-Петербург, где 6 июля 1833 г. поступает на службу копиистом и переводчиком в контору Императорских Санкт-Петербургских театров (при директоре театров С. С. Гагарине – дяде Елены Павловны). Через два года Ротчев переходит на службу в главное правление Российско-Американской компании (РАК) в Санкт-Петербурге. Авантюрный склад ума, отмечаемый современниками, а также влияние Кирилла Хлебникова, директора санкт-петербургского правления РАК, прожившего в Русской Америке 16 лет, вскоре толкают Ротчева на кругосветное путешествие.

В 1835 г. Ротчеву предложили выехать с семьёй для службы в российские колонии в Новом Свете, где ему обещали пост чиновника особых поручений в конторе Ново-Архангельска. 2 августа 1835 г. Ротчевы (причём Елена Павловна была беременна) отправились в Америку на трёхмачтовом и тридцатишестипушечном корвете «Елена» под командованием лейтенанта Михаила Тебенькова (к слову, десятое кругосветное плавание россиян). На борту корвета в числе экипажа находился мичман Константин Тимковский, внук Григория Шелихова, ставший потом близким другом А. Г. Ротчева. Во время морского путешествия Елена Ротчева родила дочь Ольгу.

В Ново-Архангельске Ротчев пишет «Очерки северо-западного берега Америки», отправленные с попутным кораблём в далёкий Петербург и опубликованные в журнале «Сын Отечества» в 1838 г. Выполняя торговые поручения колониальной администрации РАК, Ротчев побывал в Китае и Индии, написал об этом: «...Я был поражён бедностью и страшною нищетою, в которые погружены три четверти народонаселения Индии. Можно ли назвать счастливою страну, в которой мать, чтобы добыть себе кусок хлеба, часто продаёт дочь свою? Можно ли назвать образованною страну, в которой существует невольничество? (В 1837 году, когда я был в Калькутте и занимал дом на улице Шитподрад, возле одного монгольского семейства, молодая женщина, бежавшая из соседнего дома по уступам стены первого этажа, подошла к моему окну, ломая руки и выражая сильное отчаяние. Когда я впустил её к себе в комнату, она кинулась на колени, обнимала ноги мои и не хотела встать до тех пор, пока я ей не обещал своего покровительства. На шее у неё были знаки цепи, рот был весь в крови, и три передние зуба выбиты. Она рассказала мне, что она жила у моих соседей уже три года вместе с другими невольницами. Все они были закованы в цепи и обременены самыми тягостными работами. Я уведомил об этом полицию; несчастная объявила обо всём судье; но, несмотря на то, хозяева её не подверглись никакому взысканию). Ибо, несмотря на то, что в английских владениях оно воспрещено законом, на самом деле оно встречается беспрестанно: нет дня, в который бы не производились почти

◀ Ротчев
Александр Гаврилович.

Форт-Росс сегодня. ▼

публично постыдные торги людьми. Несмотря на то, однако ж, это рабство предпочтительнее той свободы, которою пользуются тысячи несчастных, скитающихся около селений, вдоль рек, в караван-сараях и по большим дорогам, просящих горсть суджи (мука из пшена), несколько зёрен пшена, или оспаривающих у голодных собак остатки от завтрака путешественника. Покрытые жалким рубищем и насекомыми, иногда совершенно нагие, с блуждающими глазами, впалыми щеками, выдавшимися зубами и высохшими ногами, эти странствующие скелеты едва имеют столько жизни, чтобы влачить свои сухие кости из одного места в другое. Страдания вырывают у них раздирающий крик: «Бука марта сагеп кангал магатадже ка пет кали хай» (о, милостивец, я умираю с голода; желудок несчастного пуст!). Лица их показывают, что они не лгут. Вдоль Ганга, между Голкондой и Мангиром, нередко встречаешь женщин, стариков и детей, которые нагишом выбегают из ущелий и гонятся за лодками, прося пригоршины риса, в которой им часто отказывают. Сколько нищеты в стране, которую Ауренгзеб (из Великих Моголов – прим. авт.) называл местным раем!...».

В 1836 г. А. Г. Ротчев впервые побывал в Калифорнии, выполняя поручение колониального начальства, а в 1838 г. его назначили комендантом Форт-Росса вместо Петра Семёновича Костромитинова (выходца из Великого Устюга). Дела в калифорнийском отделе Русской Америки обстояли не лучшим образом, как раз перед приездом нового коменданта в Россе вспыхнула эпидемия оспы.

Ротчевы привезли в Калифорнию библиотеку, фортепиано, ноты Моцарта и французские вина. Дом коменданта Росса быстро стал светским центром Верхней

Калифорнии: здесь часто бывали в гостях морские офицеры американских, французских и русских кораблей, испанские дворяне. Известный французский мореплаватель, капитан Сирил Пьер Теодор Лаплас, прибывший с колонизаторской миссией на Гавайи, писал о Форт-Россе в 1839 г.: «Этим селением управлял тогда человек, о котором мои знакомые в Гоголуло (Гонолулу) часто отзывались в моём присутствии с похвалой, выставляя его образование и его любезный и благосклонный характер. Подобные отзывы были более чем достаточны, чтоб побудить меня к посещению этого селения». В июле 1839 г. Лаплас на фрегате «L'Artemise» бросил якорь в бухте Бodega и провёл переговоры с А. Г. Ротчевым, убеждая последнего в необходимости устройства здесь французской морской станции для починки кораблей. В 1840–41 гг. в Форт-Россе проживал сотрудник Санкт-Петербургского зоологического музея И. Г. Вознесенский. В письме директору музея академику Ф. Ф. (Иоганн Фридрих фон) Брандту учёный высоко отзывался о Ротчеве: «...был обласкан и принят как родной радушным семейством его, где от первого дня приезда моего и до последнего... мне даны были все роды полезных средств и случаев для моих работ и экскурсий – короче, я имел столько средств от г-на Ротчева, что, думаю, едва ли где подобные найти могу ещё...».

Красота княжны Елены Ротчевой (в Калифорнии её звали принцесса Елена) поражала не только европейцев, ею восхищались и краснокожие, что чуть было не привело однажды к трагедии. Отношения россиян с индейцами в период правления А. Г. Ротчева резко ухудшились. Индейцы постоянно нападали на стада скота и лошадиные табуны, однажды перебили на мясо сразу почти сто лошадей. Русские поймали семерых индейцев, участвовавших в разбое, но пятерым удалось бежать из-под стражи, а оставшихся двоих в кандалах перевезли на Ситху.

Отношения с мексиканскими властями в период пребывания А. Г. Ротчева в Калифорнии также испортились, на российско-мексиканской границе «тучи ходили

хмуру»... Летом 1840 г. произошёл инцидент с участием корабля США у берегов Форт-Росса. Мексиканцы не без оснований считали, что янки готовят (причём совместно с русскими) заговор в Калифорнии с целью свержения администрации Мексики, поэтому запретили всем кораблям США приставать к калифорнийским берегам, за исключением захода в порт Монтерей. В июле 1840 г. торговое судно США «Sausanne» (по другой версии, «Lousianne») встало на якорь в заливе Бodega напротив Форт-Росса. Генерал-комендант Мариано Гуадалупе Вальехо отправил в Форт-Росс армейскую команду во главе с лейтенантом Альфрезо Лазаро Пина с целью ареста экипажа и груза, заметив, что корабли США не могут бросать якорь у берегов Калифорнии где попало, а только в Монтерее; в противном случае с ними будут поступать, как с контрабандистами. Мексиканцы бесцеремонно ворвались в Форт-Росс, а затем и на борт судна США, захватив его.

А. Г. Ротчев решительно воспротивился мексиканскому нажиму и, собрав в свою очередь тоже вооружённую до зубов русскую команду, арестовал мексиканцев, выдворив их как с борта «Lousianne», так и с территории Форт-Росса. В своём донесении главному правителю Русской Америки каперангу Адольфу Этолину в Ново-Архангельск от 11 августа 1840 г. комендант Форт-Росса так описал инцидент: «...Возвратясь на долину Хлебниковскую (А. Г. Ротчев отъезжал в Эрба-Буэно – прим. авт.), с удивлением узнал я, что уже три дня присланы в порт Бodega солдаты с офицером, часть которых находится у нашего магазина на берегу, а другая на американском судне. Первым долгом моим было спросить у офицера,

Форт-Росс сегодня. ▼

что значит его пребывание в Бодеге с вооружёнными солдатами?... Тогда я сказал ему, что имею полное право поступить с ним и с его солдатами как с бродягами... Требую, чтобы он немедленно убрался с своими солдатами с судна и от нашего магазина... Спорить же с ним или с кем бы то ни было, кому принадлежит порт Бодего: русским или мексиканцам, я не хочу; что для меня довольно быть поставленным для охранения поста – и я не намерен принимать на себя ни в каком случае и тени стыда и выносить обиды. Одним словом, имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что офицер и солдаты были немедленно мною сняты с американского судна и от нашего магазина перевезены на противоположную песочную кошку. Офицер выпросил у меня дозволения одному переночевать в нашей бане... Я сказал офицеру, что мы уже 30 лет занимаем Бодего; ни компанейские, ни купеческие, ни военные суда, заходившие в порт, не имели никаких сношений с г. Ваэхо (Вальехо – прим. авт.)... я... теперь непременно требую, чтобы и он, и солдаты его решительно убрался из Бодего, каковое требование я вынужденным нашёлся подкрепить моею вооружённою командой...».

Американский историк и писатель Виктор Петров так описывает этот инцидент в своей книге «Сага Форта Росс», изданной в Сан-Франциско в Русском национальном издательстве «Глобус» в 1961 г.: «В то время, как этот инцидент принимал серьёзные размеры, Ротчев, ничего не подозревая о случившемся, вернулся в Форт Росс из Монтерей. Когда ему было доложено о деятельности испанцев в Бодеге и даже о военной «оккупации» района вокруг Залива Бодего, Ротчев пришёл в ярость. Он собрал большой вооружённый отряд, человек в пятьдесят, и во

*Различные исторические фестивали
в Форт-Россе. 2005–2019 гг.*

главе отряда прискакал в Бодегу. Под угрозой оружия русских, маленькая группа испанцев побоялась сопротивляться и угрюмо смотрела, когда Ротчев отдал приказ поднять над Бодегой русский флаг. Когда обозлённый лейтенант Пина пытался протестовать и угрожать репрессиями со стороны генерала Валлейо, Ротчев, с пистолетом в руке, сказал ему, что Бодего является собственностью Российско-Американской компании и, больше того, он разрешает любому пассажиру «Лозанны» сойти там на берег, гарантируя им защиту Форта Росс. Словесная стычка между Ротчевым и лейтенантом Пина дошла до того, что в любую минуту можно было ожидать вооружённого столкновения между обеими группами. Стычка, однако, была предотвращена главным образом благодаря вмешательству Макинтоша. Да и Ротчев сам скоро пришёл в себя. В конце и Пина увидел, что со своим десятком солдат он не мог сопротивляться большому отряду русских и, грозя всякими напастями, он, в негодовании, скомандовал своим солдатам седлать коней, и скоро вся группа карьером помчалась обратно в Соному, скрывшись в густых облаках пыли. Генерал Валлейо, получив обстоятельный доклад лейтенанта Пины о случившемся, немедленно же сел за стол и написал сердитое, если не сказать оскорбительное письмо Ротчеву, в котором требовал объяснений. Мало того, он также приложил письмо, адресованное губернатору Русской Америки в Ново-Архангельске, у которого Ротчев был в подчинении, и требовал, чтобы Ротчев переслал это письмо немедленно в Ново-Архангельск. Более того, Валлейо угрожал, что если Ротчев не выполнит его требования, он вынужден будет запретить ему и его подчинённым путешествовать по Калифорнии, угрожая, в противном случае, применить силу. Когда курьер генерала Валлейо приехал в Форт Росс с этим письмом, Ротчев, в негодовании, отказался принять письмо Валлейо для пересылки правителю в Аляску и вернул его обратно генералу. В своей ответной записке генералу Валлейо он написал, что считает его письмо оскорбительным не только для себя лично, но также и для поста, доверенного ему русским правительством и Российско-Американской компанией. В течение нескольких месяцев после этого отношения между Ротчевым и Валлейо оставались натянутыми. Только поездка бывшего правителя Аляски Купреянова в Сан-Франциско и Монтерей, где он постарался сгладить инцидент и вновь установить хорошие отношения между мексиканцами и русскими, живущими в Форте Росс, несколько разрядили наэлектризованную обстановку».

Нагнетание страстей со стороны мексиканцев неприятно поразило администрацию Российско-Американской компании, ускорив продажу Форт-Росса, хотя за годы правления А. Г. Ротчева Аляска получила из Калифорнии 9 918 пудов пшеницы, 939 пудов ячменя, 20 пудов ржи, 100 пудов сухарей, 243 пуда гороха, 246 пудов гречихи, 109 пудов фасоли, 38 пудов кукурузы и многое другое.

Вскоре в Калифорнии стали распространяться слухи о продаже Форт-Росса. Но обитатели российской колонии, как и её комендант, не верили им. Летом 1841 г. А. Г. Ротчев организовал экспедицию в верховья калифорнийской реки Славянки. В составе экспедиции ехали двое учёных: упомянутый выше И. Г. Вознесенский и агроном Е. Л. Черных. В архивах сохранилась карта бассейна изучаемой реки, где один из притоков Славянки обозначен как «речка Ротчева». Экспедиция совершила восхождение на одну из высоких гор массива Майякмас, названную «Горой Святой

Елены», – в честь Елены Ротчевой, принимавшей участие в экспедиции. Это название – Mount Saint Helena – существует в Калифорнии и по сей день (любопытно, что спустя 40 лет после восхождения Ротчевых на горе Святой Елены провёл свой медовый месяц с Фанни Вандергрифт Роберт Льюис Стивенсон – автор романа «Остров сокровищ»). На обратном пути экспедиция внезапно попала в засаду индейцев. Вождь краснокожих, гигант Солано (по легендам, он достигал двухметрового роста), восхищённый красотой принцессы Елены, увёз её насильно в своё селение, намереваясь сделать своей скво (женой). Выручил кавалерийский отряд всё того же генерал-коменданта Мариано Вальехо, грозно въехавший в селение Солано и освободивший пленников.

В августе 1841 г. А. Г. Ротчев в соответствии с полученными распоряжениями из Петербурга и Ново-Архангельска приступил к продаже имущества и территории Форт-Росса. Первоначально предполагали уступить форт мексиканцам, но генерал Вальехо предложил за него всего 9 тысяч долларов. Тогда продали Дж. Саттеру за 30 тысяч долларов. Ликвидация колонии прошла крайне поспешно. Абсолютно всё имущество, включая постройки крепости, ранчо и скот, без разбора и какого-либо учёта просто отдавалось Саттеру. В самом конце 1841 г. Ротчевы выехали в Ново-Архангельск на бриге «Константин», а в мае следующего года на этом же судне отправились в Россию. На борту брига находилась вся семья Ротчевых – жена и семеро детей, причём четверо из них были от калифорнийских служанок Ротчевых. По разным данным, горничная Ротчевых приехала с ними в Америку из Санкт-Петербурга, по другим, служанками Ротчевых были и местные индейки (к слову, русские колонизаторы постоянно использовали туземных женщин как сексуальных рабынь, об этом вспоминают сегодня сами индейцы, пересказывая предания племён). Очутившись в России, Елена Ротчева развелась с мужем (официальный развод оформили только через 10 лет). В июне 1855 г. Е. П. Ротчеву назначили смотрительницей сиропитательного приюта Дома купчихи Е. М. Медведниковой в Иркутске; Ротчева получила известность в Сибири как литератор, издала в 1852 г. в Санкт-Петербурге книжку для детей «Маленький натуралист или семейные беседы о животных, растениях и минералах, сочинение г-жи Ульяк-Тремадер». Скончалась в 1863 г. в Полтавской губернии, в имении зятя Забаринского – мужа Ольги, родившейся на борту корвета «Елена».

Дальнейшая судьба Александра Гавриловича связана в основном с путешествиями. Он повидал много стран и земель, изучал золотые прииски Сибири, был на Курилах и Амуре, посетил опять Индию, путешествовал по Египту, Адену, побывал на Кубе, пересёк Панамский перешеек, снова очутился в Калифорнии уже во времена золотой лихорадки в 1851 г. (и взял там деньги в долг у одного швейцарского банкира), потом жил в Лондоне, обедал с Чарльзом Диккенсом, часто встречался с А. И. Герценом. Последний в письме к Карлу Фогту от 21 ноября 1852 г. писал: «У меня часто бывает Ротчев, русский, весьма умный и интеллигентный человек. В течение 7 лет он был губернатором в Калифорнии, а сейчас приехал из Мадраса и Калькутты и собирается в Австралию. Стыдно нам цепляться за Европу. Он знает эти страны, как вы Бернский кантон; он побывал на Курилах и на китайской границе, его рассказы заставляют Гауга (австрийский эмигрант, друг семьи А. И. Герцена – прим. авт.) дрожать от зависти. Калифор-

ния для него не мешок с золотом – он находит, что там и отчасти в Австралии, общество основано на совершенно иных принципах равенства и свободы, против которых североамериканские порядки представляются отсталыми... Что Вы скажете на это?» Лондонские банкиры, кстати, в 1853 г. чуть было не назначили А. Г. Ротчева директором Английского банка в Лиме (Перу), однако российское правительство, прослышав о его встречах с опальным вольнодумцем Герценом, потребовало от Ротчева срочно возвращаться на родину.

В 1854 г., во время Крымской войны, Ротчев написал памфлет «Правда об Англии и сказание о расширении владений её во всех частях света», за что его наградили бриллиантовым перстнем из императорской коллекции Зим-

него дворца. В этом памфлете автор так описал опиумную войну Британии с Китаем: «С давних времён многие народы ввозят опиум в Китай. Англичане, убедясь в огромных выгодах от чрезвычайного развития вкуса китайцев к опиуму, установили монополию этой торговли. С тех пор в Англо-Индии посевы мака чрезвычайно умножились и в немногие годы Бенгал и прилегающие провинции стали снабжать Китайскую империю всею потребностью опиума. Долго пекинское правительство терпело эту торговлю; наконец, видя разрушительные действия, производимые опиумом, оно воспретило продажу и ввоз его под строжайшим наказанием. Это первое запрещение воспоследовало в 1796 году. Китайское правительство справедливо ли встревожилось и запретило продажу такого зелья, которое

Внутренние комнаты Форта.

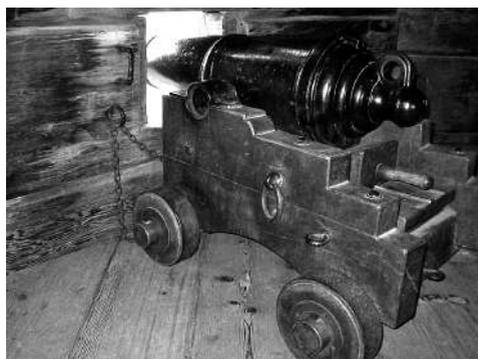

до тех пор почиталось простым врачебным средством? Тот, кто хорошо знает действия опиума, легко может отвечать на такой вопрос. Опиум убивает равно как физические, так и моральные силы. Физиологи согласно утверждают, что постоянное употребление опиума, при курении или внутренних приёмах – производит страшное действие на нервную систему. Он не производит сна, но общее раздражение, которое, восходя до восторга, переходит в бред: потрясение, причиняемое мозгу, всего опаснее. Потребитель опиума недолго сохраняет память и рассудок. Нравственное ослабление идёт рука в руку с физическим разрушением. Ноги такого любителя колеблются, всё тело сгибается, лицо покрывается морщинами и гробовой бледностью, а в то же время умственные способности и сердечные качества одно за другим исчезают. Тогда разрушение организма становится общим, и несчастный потребитель опиума не принадлежит уже к семье людей гораздо прежде окончательного совершения самоубийства... Итак, для пользы Ост-Индской компании: разорение частных зажиточных лиц и правительства. Нравственное ослабление и уничтожение народа – вот средства завоевания. Англия неусыпно стремится к этой двойственной цели с тех пор, что запретная мера дала новое развитие этому ненавистному торгу».

В конце 1850-х гг. А. Г. Ротчев служил в Артиллерийском департаменте, затем в Театрально-литературном комитете и в редакции газеты «Северная пчела».

В 1860 г. его избрали членом-сотрудником Императорского Вольного Экономического общества – старейшей общественной организации России. Спустя 2 года А. Г. Ротчев получил должность управляющего типографией, работал редактором ежедневной газеты «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции»; прослужив на этой должности до 1866 г., ещё какое-то время редактировал «Петербургский листок». В «Табели о рангах» он достиг VII класса «надворного советника».

Больше 10 лет А. Г. Ротчев прожил в Петербурге, печатаясь в различных газетах и журналах как публицист. Выступал резко против продажи колониальных владений России в Америке. Сегодня исследователи его творчества считают неподписанную статью в петербургской газете «Голос» от 25 марта 1867 г., посвящённую слухам

Кабинет А. Г. Ротчева в Форте.

о продаже Русской Америки, за авторством А. Г. Ротчева: «Сегодня слухи продают Николаевскую железную дорогу, завтра русские американские колонии; кто же поручится, что послезавтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, остзейские губернии? За охотниками до покупки дело не станет... Но хоть бы вспомнили эти вестовщики, какую громадную ошибкою и нерасчётливостью была продажа или уступка нашей колонии Росс на берегу золотоносной Калифорнии; позволительно ли повторять теперь подобную ошибку? И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, что им можно жертвовать за какие-нибудь 5-6 миллионов долларов? Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу труды их?»

Осенью 1867 г. в Ново-Архангельск вошли войска США – Русская Америка прекратила своё существование...

В этом же году благодаря знакомству с генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом, назначенным генерал-губернатором завоёванного Россией Туркестанского края, А. Г. Ротчев приехал в Ташкент, мечтая отсюда «прорубить окно» в Индию учреждением «Российско-Азиатской компании» по образцу «Российско-Американской компании». Ему обещали пост редактора учреждаемой в Ташкенте краевой газеты «Средняя Азия», но свою службу здесь Ротчев начал с должности курьера. объездил весь Туркестан: Голодная степь, озеро Балхаш, Иссык-Куль, предгорья Тянь-Шаня. На берегах Иссык-Куля у местности Кой-Сары он нашёл множество старинных черепков посуды со странными надписями и предположил, что на дне озера находятся развалины неведомого города.

В 1868 г. во время встречи в только что захваченном русскими войсками Самарканде фон Кауфман предложил Ротчеву «...отправиться в Семиреченскую область с целью ознакомления с этим краем и сбора исторических, этнографических, статистических и других сведений, необходимых для предполагаемого издания». Так А. Г. Ротчев попал в Верный, где в 1869 г. получил место чиновника по производству земских работ в Семиреченской области. Кстати, в Семиреченском областном правлении он познакомился с военно-судебным чиновником Иваном Куратовым, признанный советской властью в 1939 г. основоположником коми-зырянской литературы. По просьбе А. Г. Ротчева военный губернатор Семиреченской области, генерал-майор Г. А. Колпаковский, начал на Иссык-Куле первые в Российской империи археологические поиски под водой, обратился к фон Кауфману с предложением приобрести водолазный аппарат: «Вообще, загадочность Иссык-Куля с каждым годом усложняется и побуждает меня вновь заявить мысль о необходимости исследования... Для полноты предприятия недостаёт водолазного аппарата, приобретение коего посредством частных средств более чем сомнительно. Не будет ли позволено выписать этот аппарат на кульджинские доходы?»

В течение почти полтора столетия полагали, что на дне озера может быть обнаружен легендарный дворец Великого Тимура или рака с мощами евангелиста Матфея из армянского христианского монастыря, стоявшего когда-то на берегах озера и исчезнувшего в его водах во время землетрясения. Но только в 2006 г. российские аквалангисты обнаружили на дне озера руины неизвестной цивилизации, существовавшей в районе Иссык-Куля 2,5 тысячи лет назад.

Между тем в Ташкенте в 1870 г. вышла своя краевая газета, но под названием «Туркестанские ведомости», главным редактором которой являлся М. П. Грулев. Обиженный Александр Гаврилович принял решение отъехать в отпуск в Полтавскую губернию, где жила его дочь Ольга Забаринская.

Из отпуска в Туркестан А. Г. Ротчев уже не вернулся. Он уехал в Европу, во время франко-прусской войны посылал корреспонденции с её фронтов в российские газеты. 18 апреля 1871 г. Александр Гаврилович внезапно женился на баварской баронессе Марии фон Ридерер и почти сразу бежал от новой супруги в Париж, где наблюдал за баррикадными боями Парижской Коммуны. Баронесса фон Ридерер организовала поиски мужа: в 1876 г. фон Кауфман получил пакет от баварского посланника с просьбой ответить, где сейчас находится г-н Ротчев. Баронессе очень интересовало материальное положение сбежавшего супруга в Туркестане. Ознакомившись с её просьбой в поисках Ротчева и его богатств, фон Кауфман задумчиво заметил: «В Туркестанском крае он едва ли мог оставить какое-либо имущество, кроме долгов».

Вернувшись из Парижа в Россию, А. Г. Ротчев переехал в Саратов, где по приглашению саратовского полицмейстера и владельца газеты М. А. Попова стал редактором газеты «Саратовский справочный листок» (под псевдонимом А. Вознесенский). Скончался он в том же Саратове в 1873 г. Через 100 лет, в 1974 г., в Саратове при пожаре погиб весь личный архив А. Г. Ротчева, так что разобраться в его запутанной биографии сегодня достаточно сложно.

На склоне лет Александр Гаврилович вспоминал о своей жизни в Калифорнии: «...Какая волшебная сторона эта Калифорния! Восемь месяцев в году всегда

чистое, безоблачное небо; в остальные месяцы, начиная с последних чисел ноября, периодически идут дожди; жара в тени не превышает 25 градусов по Реомюру. В январе всё оживает – флора в полном развитии, всё благоухает, а радужный колибри колыхается и блещет на стебельке или дрожит, как драгоценный камень над цветком. Девственная почва Калифорнии даёт плоды изумительные: мне случилось там видеть урожаи пшеницы сам-сто пятьдесят!.. Я провёл там лучшие годы моей жизни, благоговейно ношу воспоминания этих дней в душе...»

Об Александре Ротчеве есть американский фильм-вестерн 1952 г. «California Conquest» («Покорение Калифорнии») режиссёра Лью Лэндерса, сценарий Роберта Э. Кента. Время действия кинокартины – конец 1830-х – начало 1840-х гг. Актёр Ivan Lebedeff играет роль Александра Ротчева, а Lisa Ferraday – супругу Ротчева, княжну Елену Гагарину. Наверное, единственный фильм в мировом кинематографе, где показаны такие исторические личности Русской Америки, как Александр Ротчев и Елена Гагарина. Фильм посвящён становлению проамериканской Республики Медвежьего флага в истории Калифорнии.

В Национальном парке США «Форт-Росс» сохранился исторический дом коменданта А. Г. Ротчева (остальные дома, часовня, башни, ветряная мельница и стены форта – реконструкция). В 2012 г. во время празднования 200-летия Русской Калифорнии дом Ротчева стал центром юбилейных торжеств.

Арт-факт

ОЛЬГА ОРЛОВА

Ольга Владимировна Орлова, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми, куратор, член Союза художников России.

«Художественные реконструкции» Анатолия Пунегова

28 февраля 2020 года в залах Национальной галереи Республики Коми открылась персональная выставка живописца Анатолия Пунегова «Художественные реконструкции». После первой 1993 года прошло более четверти века. Новая экспозиция – это своеобразная реконструкция – восстановление, обновление. Зритель увидел произведения 1980–1990-х годов и последних лет, в которых живописец предстал обновлённым. Зрительный ряд (часть работ показана от эскиза до станкового полотна: «**В ожидании чуда**», «**Духовное и материальное**», «**Встреча под луной**», «**Натюрморт с красной бутылкой**», «**Натюрморт с сюжетом**», «**Лодки**», «**Явление света**») позволил сформировать цветовой ритм экспозиционной идеи, что создало свободный и естественный образный строй смыслов, говорящих об эволюции творчества художника, о его стилистическом и жанровом разнообразии.

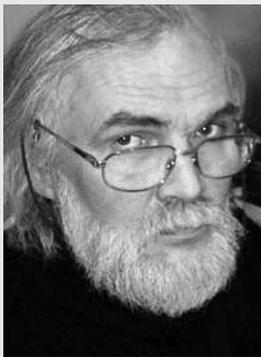
Анатолий Пунегов в своём творчестве всегда пропускает через сознание объекты и создаёт художественные истины, следуя которым изобразительно реконструирует мир. Усложняя решения, познавая, художник вышел на знаковую живопись с цветовым символизмом («**Предчувствие**», «**Скорбящий ангел**», «**Встреча под луной**»), с философским уровнем обобщения («**Сны**», «**Мы за!**»).

Школа, пройденная в ленинградском вузе, где Анатолий получил «ёмкое, широкое и качественное образование», позволяет художнику высказываться в абстрактной степени обобщения («**Духовное и материальное**», «**Закат эпохи морских волн**», «**Рождение**», «**Держи себя в руках**», «**Маяк**», «**Икар**», «**Полёты во сне**», «**Прыжок через вечность**»). Впитав дух художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной, Анатолий с первых шагов в искусстве стремился на концептуальном уровне к поиску новых форм и цветовых решений.

В начале своего творческого пути Анатолий Пунегов работает в реалистической манере, создавая небольшие камерные портреты («**Синий автопортрет**», «**Портрет жены**», «**Дама с рыжими волосами**»), позже перейдя на фигуративные композиции («**Мне тесно...**»).

Отличительная особенность творчества Анатолия Пунегова на протяжении всего периода – тяготение к символизму, аллегории, абстрактное видение, метафорическая мысль, жажда поиска новых форм («**Инопланетянин**», «**Вдохновение**», «**Иероглиф**»). В годы учёбы художник принимал участие в «квартирниках», подписывая свои работы именем Франц, так как на курсе учились много Анатолиев. Может быть, это было связано с увлечением творчеством Анатоля Франса, может, с тем, что Анатолий был похож на французского киноактёра. У знаменитых сокурсников (Александр Подобед, Виктор Кузнецов (Гиппер Пупер), Александр Менус, Михаил Ткачёв, Анатолий Иванов, Марат Сопукеев, Светлана Кезик) также имелись псевдонимы.

Учёба на отделении «Программный дизайн» факультета промышленного искусства у Е. Н. Лазарева и Ю. А. Грабовенко заложила основы изобразительного языка, «школу». Евгений Николаевич Лазарев, сплотив вокруг себя группу единомышленников, стал во главе системного и программного направления в

**Анатолий
ПУНЕГОВ**

Анатолий Васильевич Пунегов родился 11 октября 1959 г. в г. Сыктывкаре. Художник-конструктор. Работает в области дизайна, живописи, графики. Заслуженный работник культуры Республики Коми (2011). Член Союза художников России (1996).

Учился в Сыктывкарском училище искусств (1975–1979) и в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухоминой (1982–1987) на факультете промышленного искусства (отделение «Программный дизайн» у Е. Н. Лазарева и Ю. А. Грабовенко). По окончании учёбы вернулся в Сыктывкар. С 1987 г. начал активно принимать участие в выставках. В 1990-е художник работал в творческом проектно-производственном предприятии «Арди». Занимался промышленным дизайном, проектированием малых форм, писал картины для офисов. Совместно с С. К. Михайловым является автором дизайна Государственных символов на зданиях Госсовета Республики Коми и Главы Республики Коми. Анатолий – автор концепции реконструкции здания и Сада скульптуры Национальной галереи РК.

Персональные выставки: 1993 (совместно с Л. В. Пунеговой); 2020. Сыктывкар.

Выставки: Москва, Ленинград – Санкт-Петербург, Мурманск, Архангельск, Новгород и др.

Зарубежные выставки: Финляндия, Венгрия.

дизайн-образовании. Под системностью дизайна его основатели понимали весь сложный комплекс взаимоотношений дизайнера с общественными потребностями, культурой, средой, технологией. Академический дизайн позволил Анатолию Пунегову работать «на опережение» и после защиты диплома (тема «Дизайнер-коммуникатор. Новые профессии в дизайне»), быть самым востребованным художником-дизайнером в Сыктывкаре.

Постигая через дизайн пространство знаков (графическая серия «Знаки», 1987), человека, предметный мир, пейзаж, Анатолий Пунегов постепенно находит свой собственный язык, который на каждом этапе объединён собственной метафорической поэтикой. Художник считает: «Через живопись можно увидеть проблемы дизайна, через дизайн – проблемы живописи».

«Живопись для Анатолия – это, в первую очередь, цвет, а потом всё остальное. Цвет понимается им как духовный дар, преобразующий земное. У Анатолия Пунегова – дар натурального видения («Приполярный Урал. Голубые вершины», «Горное озеро», «Стога»). Обращение к родной северной природе – в его изысканных, тонких по настроению пейзажах («Северная деревня», «Весенняя деревня», «На Мезени», «Деревня Макар-Ыб на реке Мезень») звучит как изобразительная поэтика. Прекрасным живописным качеством отличается пейзажное произведение «Северная река Вымь» (1997). Лёгкая размытость, силуэтность, линейность северных пирамидальных елей, отдающих влажным ароматом мистических стражей. Легко прочитывается состояние грусти и печали дождливого дня, которое создано достаточно тяжёлыми, тёплыми цветами, сочетание коричневого, обилие оттенков создают минорное настроение. Произведение пострадало, когда мастерскую художника затопило, холст пошёл кракелюрами. После реставрации полностью стала видна основа. Художник решил преобразить работу: размытости, потёртости в сочетании с жёсткими контурами придали работе ощущение «импрессионистического символизма».

Любимая работа у А. В. Пунегова – «Грешница», идея которой родилась совершенно спонтанно. Рождение образа для художника – это озарение: движение руки, появление лика, силуэта. Неожиданно, невероятно, тонко и красиво. Анатолию Пунегову попала типографская плёнка Мориса Дрюона «Свидание в аду» из трилогии «Конец людей». Роман – о богатстве и могуществе, о том, как выдержать ад общения с любящими людьми. «Каждый таит в себе свой собственный ад», – говорит один из героев романа. Сначала работа была задумана как горизонтальный пейзаж. «Я не писал, просто протёр и вдруг... появились дополнительные композиционные элементы, которые и определили эту тему. Такое красочное «месиво» позволяет увидеть тему. Ты её берёшь, акцентируешь моменты». Цвет на полотне связан с историей. В правом нижнем углу – чёрное пятно – чистилище. «Ситуация патины» придаёт картине историческое содержание. Сдержанная, глубокая, созданная и составленная на нюансах золотистого и тёмно-красного оттенка и тона. Фигура грешницы в золотистом сиянии, завёрнута в плат, пунцовые тона которого отсылают к цвету одежд Богородицы – в напоминание о царственном происхождении Пречистой и о перенесённых Ею страданиях. Она как в спасительном коконе накидки (мафория) от адского зла. Жест рук, сложенных в «ладонь праведника», символизирует открытость и искренность

происходящего. Над ней – крест в серебристо-белом сиянии божественной славы, символизирующий невинность и чистоту. Так, в рамках спонтанно найденного образа художник изобразительно транслировал идею. Второе произведение – пласт «Свидание в аду» – так же выполнен на типографской плёнке, путём наложения друг на друга.

Эмоциональная взволнованность и символические стремления наблюдаются во многих произведениях Анатолия Пунегова («Покаяние. После причастия», «Дорога к храму», «В Эдемском саду», «Явление света», «Розовый пейзаж»), где визуальная цветовая лексика – метафора Божественного присутствия: небесного цвета, вечности («В ожидании чуда», «Урал», «Скорбящий ангел»). Тон в работах Анатолия играет большую роль: райский лазурно-голубой («Приполярный Урал»), жёлто-золотой в пейзажах – предвестник закатов, кроваво-красный пылающего небесного рока («Предчувствие»), ослепительно-белый («Голубые вершины»), оранжево-медный («Вдоль берега»).

Музыкальность, ритм в произведениях неслучайны: Анатолий знает и любит музыку, самостоятельно обучился игре на саксофоне, кларнете, гитаре, гармошке, губной гармошке. Неудивительно, что произведения – ритмизованные цветовые тональности. Где-то показано маленькое пятно: от малого – к большому, от эскиза до картины, набирая ритм, создавая мотив (серия «Лодки»). Натурное ощущение природы, импульсивность создают живописную палитру с колористическими ритмами. Так, переводя эскиз в формат картины, художник добавляет новые смыслы, движение. В этюде «Сюжет с натюрмортом» найдено цветовое решение: в картине, закрутив овал, акцентировав на нём внимание, создан пространственный ритм.

Опыт реставрации и написания икон для Епархии позволил Анатолию выявлять ярче и целостнее главное: ритм внутренней жизни пространства, «не нарушаемый никакими земными превратностями». Художник использует иконописные элементы в виде выступающих нагромождений – лещадок, в изображении не только рельефа («Приполярный Урал. Голубые вершины»), но и строений («Вдоль берега», «Пейзаж с церковью»), растительности. Как и в иконописи одними линиями, тоном художник даёт ощущение истины сокровенной жизни.

Художественные пульсации, хронологию этапов творчества Анатолия сложно структурировать. Сквозные темы, преображаясь, проходят через весь его творческий путь. Объединяет их чистота цветовой интонации: сине-голубой тон («Прилив», «Лодка») делает атмосферу работ, закладывает определённый ритм, как и в преобразованном пространстве жёлто-голубого в произведении «Деревня Макар-Ыб на реке Мезень», звенящего тона в «Мелодии песка». Обширный ряд художественных метафор в небольших работах «Пейзаж с церковью», «К монастырю» – с фигурами-свечами монахов, группа которых вторит навершию храма, возвышающемуся белым ковчегом на берегу озера. Колорит эмоциональной стилистики напрямую связан с тоном: золотисто-жёлтым, небесно-синим, целомудренно-голубым. Все произведения художника в цветовой среде – трансцендентальное парение в «Явлении света», спадающие длинные локоны соцветий в портрете-натюрморте («Букет цветов»), цветовая пластическая игра («Инк»). Художник говорит, что ему в свои работы «всё время хочется добавить цвета: красного или чёрного» – изысканно-тонкая работа «Ветка сакуры»

с едва угадывающейся женской фигурой в печально-чёрном одеянии, образом мимолётной красоты и ухода, вплетённым в шелковистую ткань нежно цветущего дерева-пустоцвета.

Особенность художественного языка Анатолия Пунегова – внутри его пространственных конструкций создаются образные эмоциональные, переосмысленные на личном уровне миры («**Мне тесно**», «**Арлекин**», «**После покаяния**»). Во многих работах аллегорический язык особенно разработан. «**В Эдемском саду**» на фоне пейзажа, решённого в бурых тонах с оттенками зелёного, под кронами деревьев, в каком-то вневременном спокойствии – две плотно припавшие друг к другу фигуры. На дальнем плане – сине-белый серафимический удалённый портал Вечности. Этапное произведение конца прошлого столетия «**Скорбящий ангел**» – поэтическая метафора с потрясающим эмоциональным «вчувствованием» потустороннего. На фоне голубо-серого пейзажа – профильная фигура ангела со склонённой головой, с крылами-парусами, ритмически встроенными в небесный свод, – образ-символ.

Трагическое искание идеала особенно пронзительно-высоко звучит в многочисленных автопортретах, обнажающих сущность Анатолия Пунегова («**Синий автопортрет**», «**Автопортрет в шляпе**»). В портретном жанре творчество художника видится на психологически-личностном уровне. Эстетическая интуиция восприятия сущности портретируемого позволяет создавать художественные образы, в которых тонко схвачен и передан ракурс, поворот головы («**Портрет жены**», «**Портрет брата Александра**», «**Портрет Валерии**»). Живопись для Анатолия Пунегова – «это самовыражение идей, работа над собой и для себя. Не для зрителя, не для показа, не на выставку... Поэтому это идёт как бы от души, идёт изнутри», – убеждён художник.

Анатолий Пунегов пробует разные техники («**Метаморфозы быка**», офорт; «**Ангел-хранитель**», «**Фигуры**», сухая игла, царапка; «**Натюрморт с лимонами**», «**Деревенский мотив**», «**Весеннее настроение**», «**Дама в шляпе у окна**», масляная пастель; «**Портрет Люси**», сангина; «**Мальчик, нарисовавший звезду**», «**В дождь**», «**Дама в шляпе**», «**Изгнание бесов**», «**Рыбак**», «**Автопортрет**», гуашь; «**Хмурое утро**», акварель), профессионально владеет разными технологическими секретами ремесла, считая, что каждая идея требует определённой техники, определённого материала.

Композиционная и колористическая найденность позволяет достигать ощущения образной новизны, живописной убедительности, не перегружая полотна поправками и уточнениями. Художник постоянно в поиске, развивается, прислушиваясь к внутреннему голосу, не идя против своей человеческой и профессиональной совести. Ясность его интонаций, одухотворённость воплощены в образном строе произведений.

Творчество Анатолия Пунегова требует глубокого аналитического осмысления. Узнать глубже индивидуальный масштаб художника ещё предстоит и зрителям, и искусствоведам.

*Встреча под луной.
Эскиз. 1990. Оргалит,
масло.*

Встреча под луной. 1990. Холст, масло.

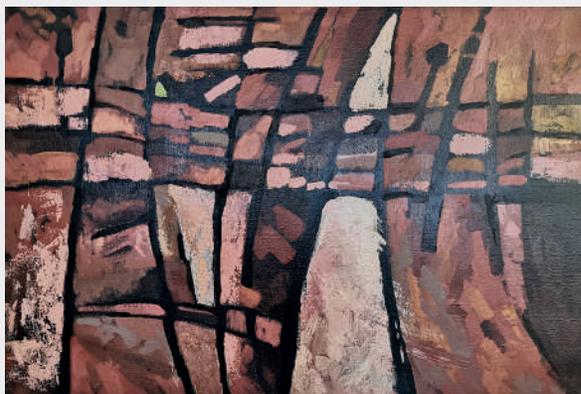
Мы – за. 1990. Холст, масло.

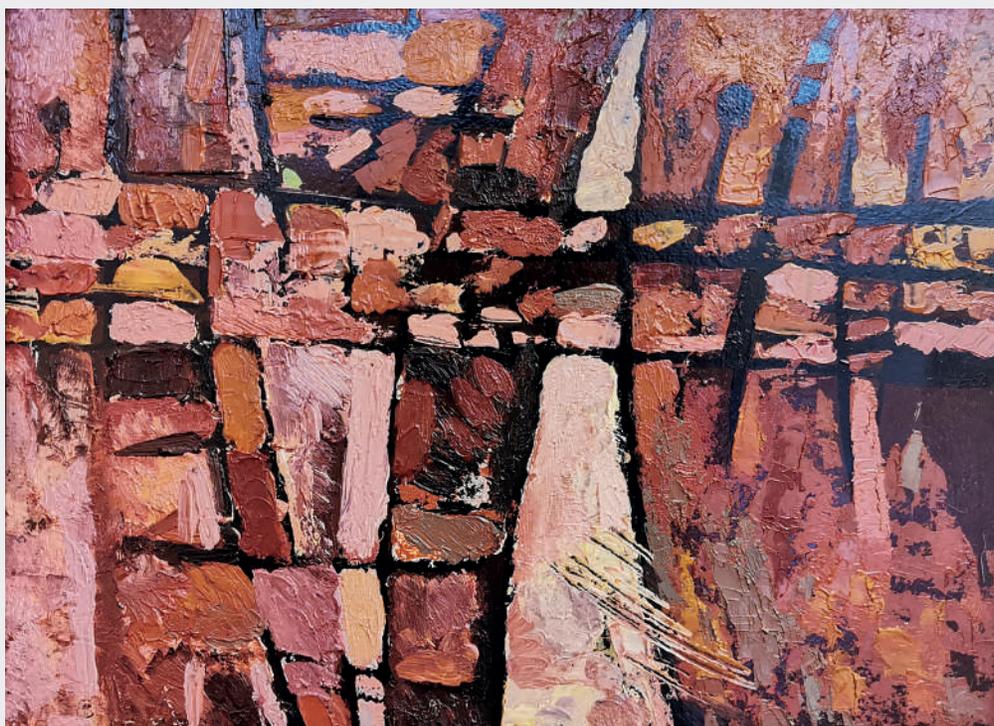
Предчувствие. 1994. Холст, масло. НГРК.

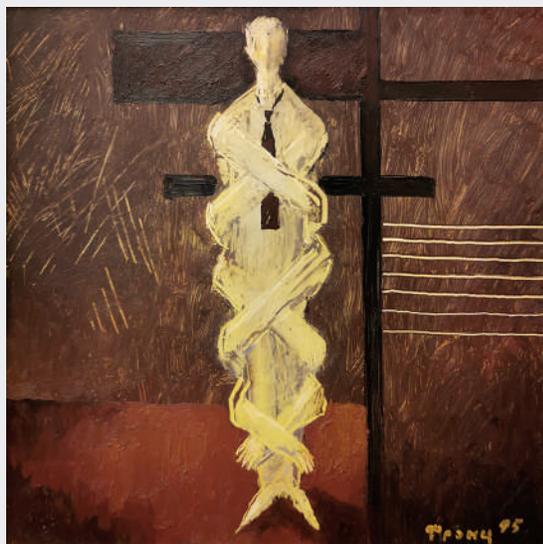
◀ Рождение. 1992. Холст, масло.

▲ Духовное и материальное. Эскиз.
1992. Оргалит, масло.

Духовное и материальное. 1992. Холст, масло.

*Держи себя в руках.
1995. Оргалит, масло.*

*Икар. 1991.
Оргалит, смешанная техника (2).*

Маяк. 1993. Оргалит, масло.

Прыжок через вечность. 1995.
Оргалит, масло.

Сон. 1992. Холст, масло.

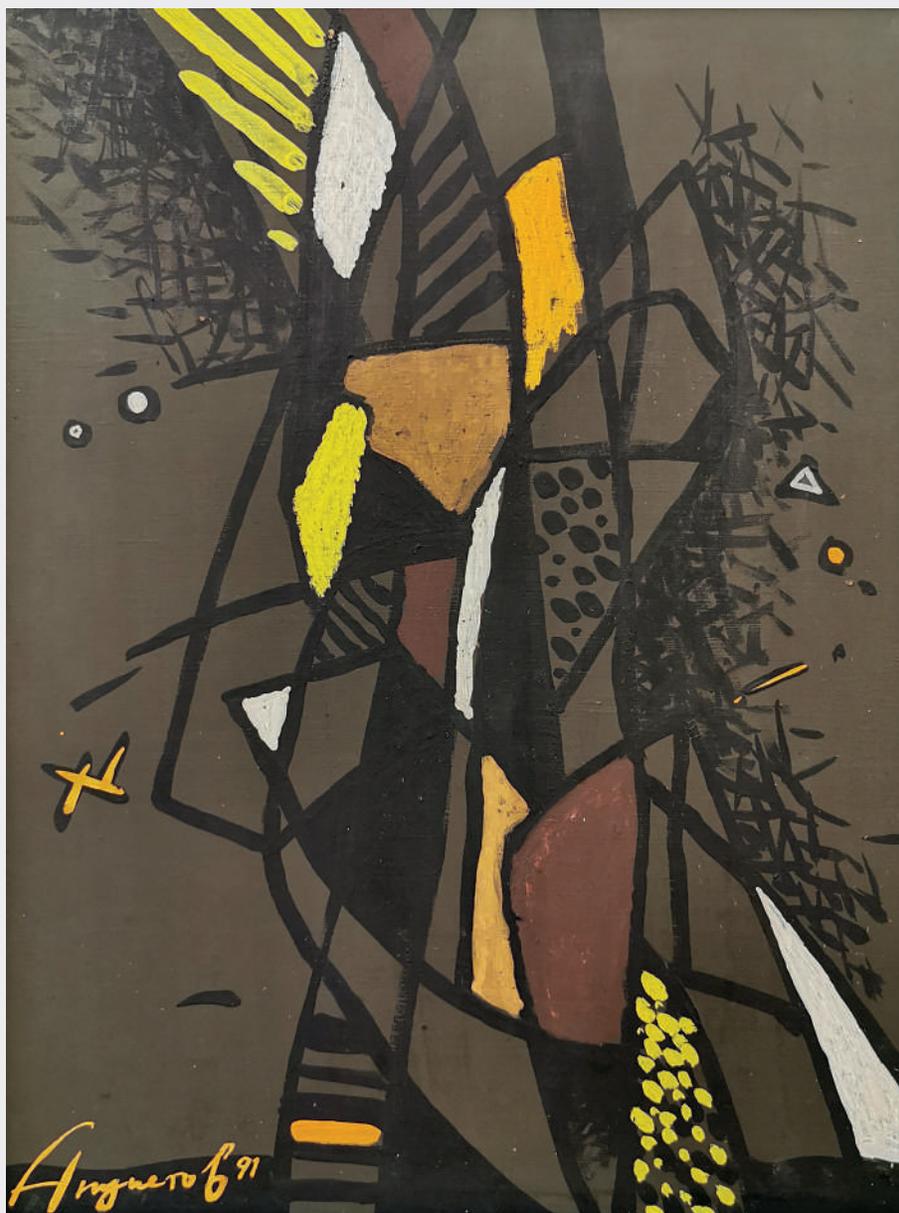
Полёты во сне. 1995. Оргалит, масло.

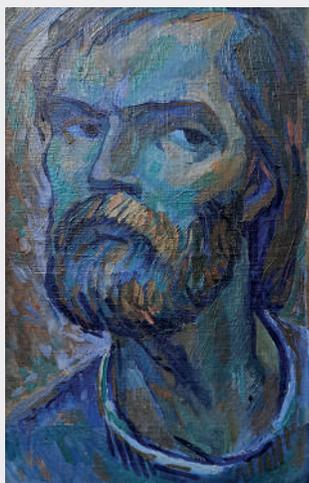
Иероглиф. 1989. Оргалит, масло.

Вдохновение. 1986. Картон, масло.

Композиция 001. 1991. Оргалит, акрил.

*«Синий автопортрет».
1986. Холст, картон, масло.*

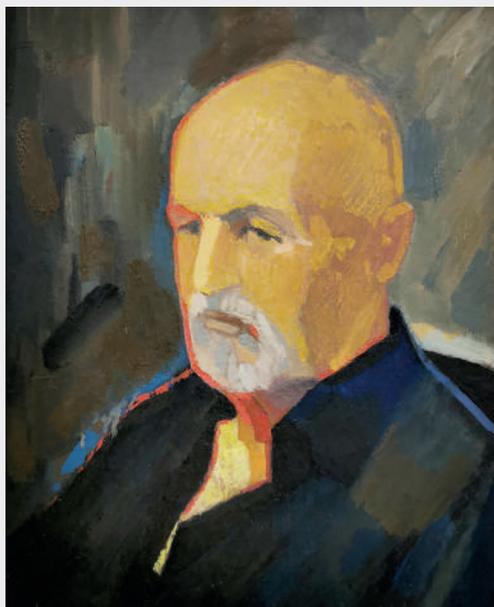
*Портрет жены.
1987. Картон, масло.*

*Дама с рыжими волосами.
1986. Картон, масло.*

*Автопортрет (в шляпе).
2011. Холст, масло. НГРК.*

*Портрет брата Александра.
2020. Оргалит, масло.*

*После покаяния. К причастию.
2003. Холст, масло.*

*«Мне тесно...». 1985. Холст, масло.
Из коллекции В. Л. Торопова.*

*Арлекин.
2013. Холст, масло. НГРК.*

*Инк.
2020. Оргалит, масло.*

По роману Мориса Дрюона.
1998. Оргалит, типографское золото, масло.

Инопланетянин.
1987. Картон, масло.
Из коллекции В. Л. Торопова.

Подарок Севера. Эскиз.
2003. Оргалит, масло.

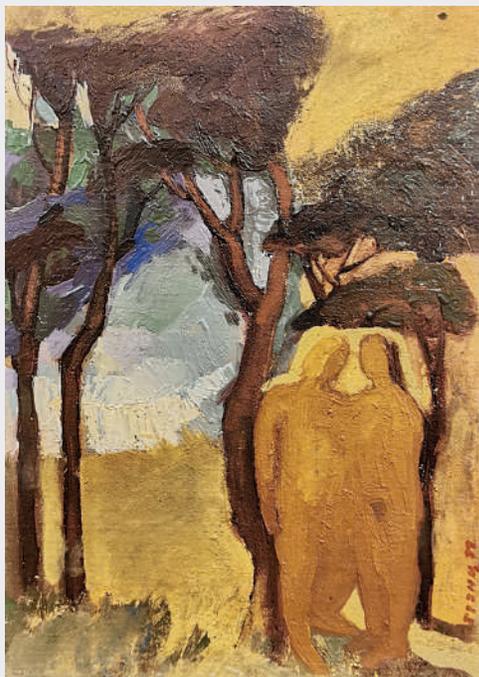
Розовый пейзаж. 1992. Холст, масло.

*Грешница.
2005. Оргалит, масло.*

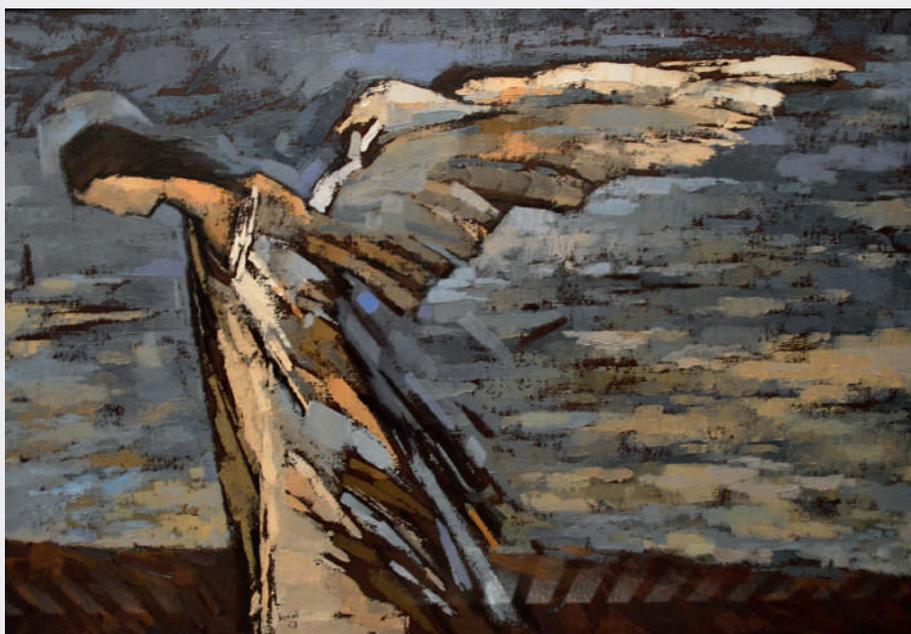
*К монастырю.
2009. Картон, масло.*

В Эдемском саду. 1999. Картон, масло.

*Явление света.
1993. Холст, масло. НГРК.*

Скорбящий ангел. 1992. Холст, масло. НГРК.

Северная река Вымь.
1997. Холст, масло.

Вдоль берега.
1993. Холст, масло.

Стога.
1994. Оргалит, масло.

Приполярный Урал. Горное озеро.
2006. Холст на оргалите, масло.

Лодка. Этюд.
2000. Оргалит, масло.

Пейзаж с церковью.
1993. Холст, масло.

Приполярный Урал. Голубые вершины. 2006. Оргалит, масло.

Прилив. 2018. Холст, масло.

Урал. 2019. Оргалит, масло.

*Деревня Макарыб на реке Мезень.
2019. Холст, масло.*

Мелодия песка. 1996. Оргалит, масло.

Сюжет с натюрмортом. 2001. Холст, масло.

Букет роз.
2001. Холст, масло. НГРК.

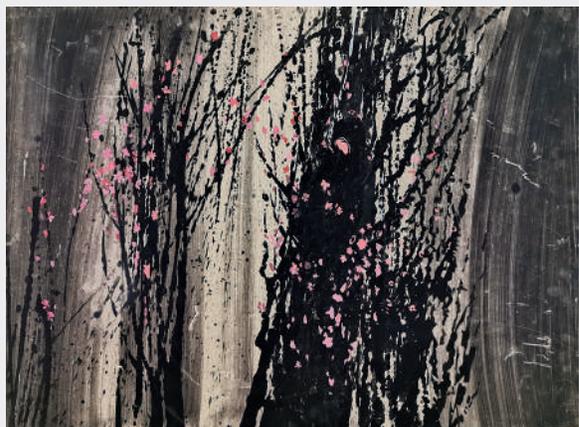
Букет цветов.
2005. Картон, ДВП, масло.

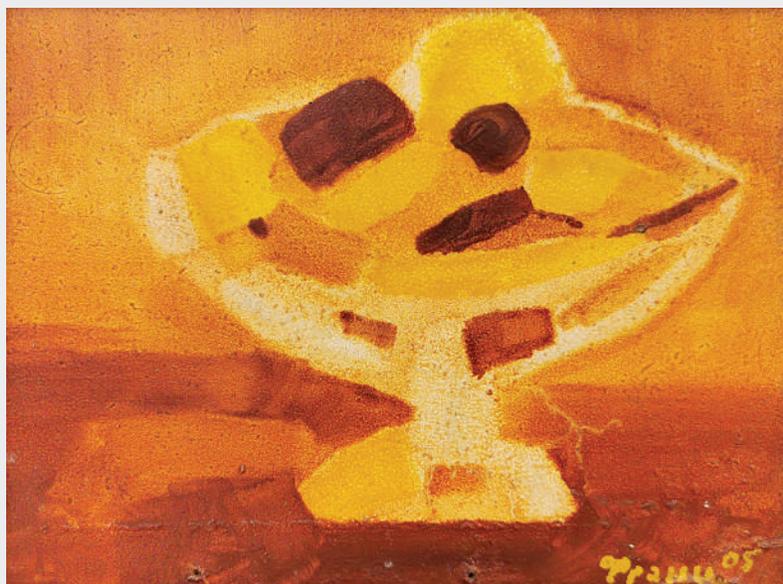
Букет. 2005. Оргалит, масло.

Цветы в крынке.
2011. Оргалит, масло.

Сакура.
1997. Бумага, гуашь.

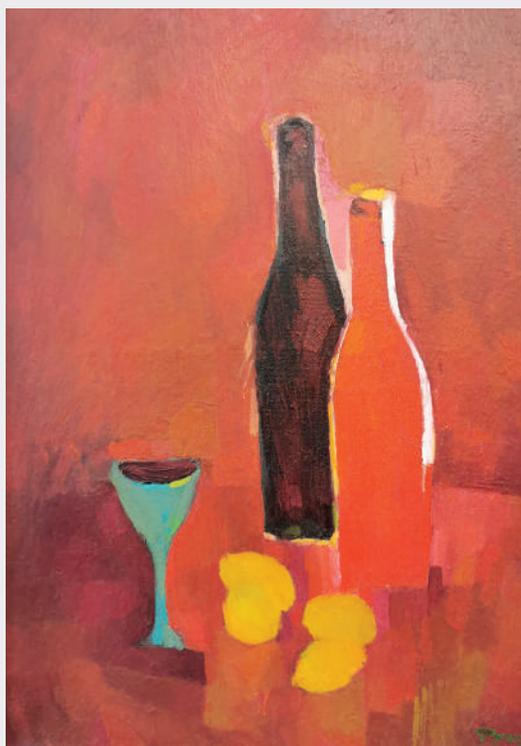

Ваза с фруктами.
2005. Оргалит,
масло.

Натюрморт с красной бутылкой.
Эскиз. 2018. Оргалит, масло.

Натюрморт с красной бутылкой.
2018. Холст, масло. ▶

Автор фотографий – Мария Пунегова.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӢН
ЛИТЕРАТУРНОӢ
ЖУРНАЛ**

Вөрсалон пакөсьт

Висьт

Мый көсьянный, сійөс и шуёй, но вөрсайд коми пармаын эм! Эг нин өтчид ме сыйкөд паныдасьлы. Ачыс эськө оз и тыдав да, лов пытшкөснам кыла, лешакөс.

...Сулалө тувсовъя шондіа лун. Асывнас кынталөма, сы вөсна чарөм. Бобик понйөкөд муна вөрө пөсла. Ок, бураныс сөмын лэбө-шутьялө чорыд лым вывтыс... Төвнас ветлөдлывлі жө тайө туйөдыс. Яг пытшкөсьсыс пыр аддзылі сук увъя коз пу. Но мыйлакө пуыслон өтилаті, шөрланыс, вөлі унджык увыйс. Джуджыд лымті ме эг вермы сэтчөдз тувччавны... А өні позис чарөм вывті ветлыны пу дорөдзыс да төдмавны кызди-мый. Матыстчи бураннам, сюся видзөда. Вөлөмкө, пөрыс коз пуыс пөригас уна увъя пу бердас крукасьсөма, гашкө, вына төв ныр тані ыджыдалөма тадзи. Бара на өти гусятор олөмсыйс казялі! Бобик муніс тулан кок туй кузя. Понйө вөлі том на, нинөм оз гөгөрво. Туланыс котөртөма лунвывсынь войвывлань, а Бобик исасигтыр пышйис войвывсынь лунвывлань. «Кор нин понйө төлксяmmas?» – мөвпышти ме.

Татыс жө и аддзи пес вылө лөсялыс кыз пу. Дыр эг мөвпав, заводити «Штиль» пилаөс да вунді пусө улітіджык, лым дортіыс. Сэсся став выннам тойышти пилитөм пусө. Но сійө эз сетчы. Вөрзьевтөг сулаліс мыр вылас. Вошйылі нөштаыс уськөдны, да коскөй висьмис. Чер тышнам кучкалышти пучерас, да ки сөнъясам лыйис. А пуыс сулаліс, быттьө сідзи и колө. Ме пукси додь вылам да видзөда, мый водзө лоө. Парма – парма и эм... Төвру шарөдчө пуяс костын, көнкө кылө сизьдысь сизь. Менам пескөй сулалө кызз пуон и оз пөр. Кынөмөй нин сюмавны пондіс. Лои юны пөсь тшай да пувъя шаньга сөйны. «Бур гөтыр и сюрлөма меным, киподтуя, чөскыда и пөжасыны кужө», – мөвпала, а синмөс пу вывсьыс ог и чөвтлы. Локтіс Бобик. Пыр, кор заводита юны тшай, понйө ягсьыс локтө ме дорө. Быттьө пуяс костөдыс видзөдчө да виччысьсө, кор ме мышнопйөс востыа. Няньтор сеті Бобиклы да сэсся понді сыйкөд ворсны. Пу йывсьыд и вунөдчи... Друг неылын көнкө мыйкө упмуніс. Бобик повзьөмысла никөстіс весиг. Вөлөмкө, пилитөм кыздзөй пөрөма. Ме сійөс чинталі да тэчи доддьө. Увьяссө тшөтш аскөд босьті. Ягсө колө сөстөмөн кольны, пөльө на сідзи висьтавліс.

Чайта... тайө вөрсайд и кимөститчис.

МИЯН ГӖСЬТ

Владимир да Олег ПАВЛОВЪЯС
(Челябинск кар)

Ме, Рыжик, да менам Шонді вок

Висьт

Менам нимӧй Рыжик. Ставӧн шуӧны, мый ме радейта быдлаӧ нырӧс суйны. Та понда быдторйыс овлӧ мекӧд. Ӧти татшӧм лоӧмтор йылысь и кӧсья висьтавны тӧянлы. Эскӧй кӧть эн, но ӧтчид ме Шонді дорӧ гӧсти ветлі. А ставыс лои со тадзикӧн. Гож водзад шонтысьны ме век радейтлі. Сідз нюжӧдчан кильчӧ помӧ либӧ ӧшинь дорӧ, личӧдчан, а шондіыс сэтшӧм меліа ымралӧ-пӧжӧ. Вальмасьӧмӧн куньтыралан синъястӧ, лапаястӧ любӧпырысь видзӧдалан – найӧ и сідз воӧм мырпом рӧмаӧсь, а шонді водзас дак и алӧй би кодьюсь. Ӧтчид со тадзикӧн шонтыси-шонтыси да и вугыртӧ, пӧшти рытъя кыаӧдз узьюсьма. Садьми, аддзи вӧр весьтын синмасьюсь Шондісӧ и лои сэтшӧм окота тӧдмавны, кӧні эськӧ сійӧ войколалӧ? Мися, ог-ӧ ветлы ме сы дорӧ гӧститны? Тадзи и вӧчи: кор кильчӧ помӧ воисны шонділӧн медбӧръя югӧръясыс, тувчи на вылӧ и сера джодждӧра вывтӧ моз котӧртӧ Шонді дорӧдз. Сійӧ, дерт, шензис да шензис, но век жӧ корис пыравны аслас чомйӧ.

– Но мый нӧ, – шуӧ, – локтӧн кӧ нин, прӧйдит, вокӧ. Видзӧдлы, кӧні ме ола.

Вӧлӧмкӧ, Шондіид джуджид кырта сайын, крепид ставеньяса керкаын олӧ. Вой улас ставеньяссӧ пӧдлавлӧ, а ӧшиньяссӧ пемыдлӧз шторыясӧн сайӧдлӧ, медым аслас пытшкӧс ярьюгыдыс эз пет ортсью, а то ӧд Тӧлысь-кодзувлы сьӧкыд лоӧ мичмӧдны войса енӧжсӧ. Медым менсьым синмӧс эз ӧр, Шондіид сьӧд чумичаасис.

– Пуксьы пызан саяс, вокӧ, – корис сійӧ, – пондам тшай юны.

Шонді инмӧдчыліс самӧварӧдз, и сійӧ пыр жӧ пузис. Блюдъя чашкаясӧ зарни рӧма тшай кисталігмоз Шонді вӧзйис видлыны пызан вылӧ тӧчӧм чӧскыдторьяс: банйӧм блин, чукуля-мукуля крендель, эзысьӧн мавтӧм преникъяс.

Тшай юигмоз Шонді юасис, кызиджык овсьӧ Му вылас. А ме вежӧн юалӧ, кызиджык сылы енӧжтӧйс шлывьясью. Тадзикӧн ми войбыд сӧрнитӧм. Асьявылыс Шонді вештӧс пемыдлӧз шторысӧ, ставеньяссӧ гурйив восьтӧс да веськыда ӧшинь пырыс и гӧгыльтӧс ен ывла вылӧ.

– Тӧныд, вокӧ, кад нин гортад лӧччыны, – висьталӧс Шонді, – а менӧ кузь туй виччьюсьӧ. Лун чӧжнас колӧ мирсӧ кытшовтны.

Шонді нүжөдiс югөрсө Мулань, ме тувчи сы вылө да тэрыба-тэрыба котөрти аслам кильчө дорөдз. Туй джынъяс кымын бергөдчылi. Шондi паськыда нюмъя-лис, и тайö здукас ме ясыда гөгөрвои, мый Шондiыдлөн ныр-вомыс тай дзык жö нин канълөн кодь. Пельыс, синмыс, нырыс да ускыс – но топ менам кодь. Дак вот мыйысы сийö менö вокнад шуис! Öнi, кор петала гож водзö, юрнам быд пöрийö докнитла сылы:
– Олан-вылан, вокö! Ставыс-ö лючки-ладнö тэнад овмöсын? Он-ö гажтöмтчы?
Коркö-некоркö быть ветла вокö дорö. Сöмын выльторъясыс мед чукөрмыш-тасны – бара войбыд варовитам.

Комиöдiс Елена АФАНАСЬЕВА

АРТПИАН-2019

Антонина КУЛИДА

Ёртъяс

Висьт

Коркö öтчид, школа бöрын, Вася, Петя да Никита мунiсны чери кыйны. Никита ошйысигмоз шуис: «Ме тiянысь медуна чери кыя, корны на кутаннид менсьым!» Та вылө Петя дözмискодь и воча крапкыштiс, мый Никиталөн вугыр шатъыс лёкиник, шогмытöм и некуштöм чери сылы оз шед. А Вася орччөн сулалiс да чöла видзöдiс, кыдзи сылөн ёртъясыс воча ныр пинясьöны.

Коркö ёртъясыд и ва дорөдз воисны. Недыр кад мысти Никиталы вугырас ичöтик арпи пысасис. Здук эз коль, мойвиис и Петялы: чунь кузя компи берегас шыбитiс. Но медся ыджыд чери юысь перйис Вася: сылы пес плака кодь сир пысасис.

Никиталы да Петялы, дерт, забеднö лоис. Петя пуксис Миколай пöльлөн бергөдöм важ пыж вылө да нора бөрддзис. А вот Никита эз бөрддзы. Сийö лёкысы кватитiс Васялы шедöм сирсö да шыбитiс ваас.

Лои чöв-лөнъ. Петя повзöмөн видзöдiс Никита да Вася вылө. Кельдöдöм чужöма, мыр моз сулалiс и Никита, сiдзжö видзöдiс Вася вылө (гашкö, мöвпалiс: «А мый öнi мекöд вöчас Васясыс?»).

Но нинöм эз вöч Никитакöд Василий. Сöмын нюмъөвтiс и шуис: «Но и мед. Кыдзи лоис, сiдзи и лоис. Ва пöчыс сирсö сетлiс, сийö и бөр босьтiс. Виль водзö. Мед на ва пыткас сирыс уялас...Та понда, көнкö, ог жö врагъясөн лөй? Ми жö – ёртъяс!»

Гөгрöс синъясөн Вася вылө видзöдiсны Никита да Петя. Сэсся Никита лöня

нурбыльтис: «Прөстит, Вася... ёрт... Ачым эг төдлы, кызди артмис... Мутиыс вежөрөс тупкис... Сиртө ме тэныд кыя, вот аддзылан...»

Васялөн – вомыс пельөдз. Вашъялө, нюмъялө.

– Мый миянлы сирыд да компийд? Ставыс артмас, орччөн кө ёртъясыд! Ладнө черинас! Котөртам, мач песомысь ворсыштам, пемдытөдзыс удитам на!

...И долыдырысь котөртисны зонкаяс. Ёртъяс.

Кыйсьөм

Висьт

Олісны-вылісны пөль да пөч. Митрей да Өксинь. Абу торъя пөрысьсөсь, ен сыкөдөн. Коркө Митрей пөль босьтис аскөдыс Лыско понсө да мөдөдчис утка кыйны. А пөч сылы шуө: «Мыйла тэ утка кыйигас понсө кыскалан? Бара ни өти бордшы он кывлы да гортө нинөм он вай!»

Пөль воча нинөм эз шу (абу пинясьсы), чөла босьтис пищальсө, заводитис важиник «Нива» машинасө, сөвтөдіс Лыскоөс и тюрис вөрлань. Воис вөрад, машинасыд петіс, видзөдө: туй шөрас сьөд тар галяиз кокалө. Кватитис пищальсө пөльыд да и шковгис тарыдлы, уськөдіс-кольөдіс пөткатө. Та бөрын Митрей вадланьө мөдөдчис утка кыйны. Бара на везитис олома мортыдлы: вит-ө-квайт утка партия сылөн юр вывтыс лэбис, и вель уна утка нопяс веськаліс. Весиг ачыс Митрей пөль чуймис.

Сэсса олома морт аслас вөр керкаас муніс (майбыр, вадсяньыс абу ылын, машина туйыс сэтчөдз эм). Пуис Митрей пөткаа шыд, пузьөдіс тшай, бурпөт сөйис. Эз вунөд, дерт, и Лыско йылысь (зэв азыма на понйыс труч-трачкерис пөтка льястө).

Мөд луннас, гортас лэччигөн, Митрей пөль бара вадйө кежавліс, окота на уткатө лыйлыштны, иньпөвсө номсөдлыштны. Но ва дорө матыстчигөн, берег дорас, казяліс зэв ыджыд лягушаөс. Мыйкө кашкис-ыпкис лягушаыс, быттьө сынөдыс сылы эз тырмы, а сэсса кыз гөлөсөн пөльлы шуис: «Мун татысь, мед дукуд эз вөв! Тэ төрыт ноп тырыд нин уткасө лыйлілн! Абу яндзимыд? Горшад оз тасась?»

Лыско понйыс эськө уськөдчис лягуша вылад, но он на бурөн кый сійөс! Бульс! И ва пытшкө турунвиж ёртыд уёвтис.

Шөйөвошис Митрей пөль, но лягушалысь кывзысис. Өдйөджык гортас машинанас тюрис. Туй вылысь бара сьөд тарөс аддзис, но лэбачыд өні сөмын дэльөдыштис сійөс: эз на удит пөль пищальсө кватитны, кыз тарыд жбыркнитис-уёвтис. А сэсса кыз пу вож вылө пуксис да морт моз серөктис: «Ха-ха-ха-ха! Көть тэ Митрей, да абу китрөй! Йөй тэ, Митрей! И Лыскоыд сэтшөм жө!»

Тірөм босьтис Митрейөс. Шемөс. А сэсса мортыс... паляліс. Гортас. Крөвать вылас. Аддзө: орччөн иньпөлыс, Өксинь, сулалө.

– Чеччы! – шуё Оксинь. – Лобдой моз лун-лун крөватъын туплясян! Коть коркө пицальтö босьтылы да утка кыйны ветлы! Абу на руш мыр, выныд тырмө на!

– Кыдзи? – чуймалö Митрей. – Да ме сöмын тöрыт кыйсянінысь локті, тэ-ныд съöd тар да уткаяс номсасьны вайи! Лыскокод вадйö ветлім, машинаөн. Вөр керкаөдз на волім и, узим...

– Выжыласян... – броткö Оксинь пöч. – Корсянь тэнад машинаыс лои? Гусьөн мейсь ньöбин али мый? Да тэнад весиг правоыд абу! И Лыско понйыс мяян некор эз вöвлы. И утка-пöткатö тэ дас во нин гортö эн вайлы. Касьтитчис али мый?

– ...Касьтитчис либö... – шöпнитіс Митрей пöль да бөр кунис синсö. Зэв деливö сылы. Сэтшöм жальöсь лоины вöтас кыйöм уткаясыс да съöd тарыс.

Ёма да Педьö

Висьт

Ылын-ылын, сук парма-вöрын, коркö важөн овлöмаöсь Ёма да сылөн öтка пи – Вöрса Педьö. Ёмалөн пиыс зіль мортөн вöлöма, абу тай мамыс моз наянён, чери кыйны да вöравны ёна радейтлöма. Водз асывнас, рöмыднас на, петö, вöлöм, кый-сьыны, а сэссия пажын кежлö бөр нин гортас локтö.

Коркö öти лунö Педьö кыйис дас съöла, и Ёма мамыс пöткаяссыйд ыджыд пöртйын шыд пуис. А кыйдöссö кык тасьтiö торйöдiс. Аслыс пунктiс кöкъямыс съöла, пиыслы – кыкöс. Вöрса Педьö шуö: «Тэ мый тадз юкин, Ёма-мам? Правда серти колö вöлі пöткасö коть джынйөн юкны. Ме öд вöрас лунтыръясөн котрала да, вынöй колö жö!»

– Ак тэ, лешак-машина! – роскөн уськөдчис пи вылас Ёма баба. – Рöднöй мамыдлы пöткаыд жаль лои, ад горш? Менö, пöрысьöс, дзескөдан? Укöрайтан? Абу яндзим?

– Абу на тэ пöрысь! – воча крапкис Вöрса Педьö. – Ме кула, а тэ колян, тэнад нэмыд помтöм! Ог укöрайт ме некодöс, но правда серти колö овны!

– Правда серти?! Ме тэныд петкөдла правда серти! Му вылас правдаыс абу, йöй! Весась менам керкаысь! – бара ырыштчис Ёма. – Мед дукуыд эз вöв! Абу пи тэ менам, а сiдз-тадз... Гөгöрвотöмтор. Весиг ог тöд, кодлөн тэ. Бадьвуж! Мун, кытчö гажыд!

Вöрса Педьö дözмис, крапнитіс öдзöснас да и муніс Ёма мам дорсьыс. Овмöдчис гögрöс ты дорö, шалаш вöчис. Ныв лапъясөн сiйöс вевттис. Гожöмнад овнытö майбыр, шоныд, но кыз шалашад тöвнас олан? Изöймитан! «Кызкö ола!» – думайтö Педьö. Водзö вевтъяліс шалашсö дубитöм көр куясөн (коркö водз-джык нин кыйліс). Ортсысянныс көр видзысьяслөн чум кодь артмис. Видзöднысö любö! Пытшкөсас вартöм сёйысь пач тэчис, пес вылö чукöртiс кос увъяс, вужля-торъяс да мукöд пöлöс пу коляс. Көр куясысь жö вöчис аслыс узьлан эшкын, вурис

малича да пими. Сюмодысь туйсьяс вочис, набурушкаяс, пестер да мукдотор. Тадзи и овмодчис Вёрса Педьö гогрöс ты дорын.

Йöзыс казялісны – матігөгөр дугдісны ветлыны (код төдас, кутшöм Ёмайдлөн пиыс, лёк али бур?). Сідз и нимтісны сэсся тайö местасö – «Педьö вад». Öтияс шуöны, сэн пö уна морт вошлöма. Вöрас пырасны – бöрсö оз петны. Мөдъяс шуöны, некод пö абу вошлöма. Мөдарö, Вöрсa Педьö пö дзик ставныслы отсавлöма, коді вöрас вошлöма да пикö волöма. Кодлы и эскыны? Дерт, бөръяясыслы. Ми жö төдам, мый Вöрсa Педьöыд бур сьөлöма мортөн вöлі!

...Коркö Ёмайд копрасьны пи водзас волöма: тшыгъявны пö куті, сёйны нинöм, вай пö меным нур вылö пöтка ли зьвер ли! Тодмышкалöма Ёматö Педьö. Ачыд пö нуртö корсь, сямьид кө эм. Ёмайд скөрмöма пи вылас, дульсö резійöмөн горөдöма: «Мед тэ изман места вылад!» Збыльсь измöма Вöрсa Педьö, öні на дуввидзö Педьö вад дорас. Коді оз эскы, мед сэтчö ветлö да ас синнас видзöдлас.

А Ёмайд сэсся верöс сайö петöма, Гундыр Öньö сайö. Ас кодъыс жö шогмытöм морт. Коркö гозъя венö воöмаöсь, да Гундыр Öньö Ёматö пачас сүйöма, сідз и сотöма. Пач юшкасö тупкöма да ачыс кольмöма, коксö нюжөдöма. Абу жальöсь. Педьöыс жальджык.

** Мырпомсö сетам номерын медся бур гижöдысь.*

Варвара СЕМЯШКИНА
Валентина КАНЕВА

Машалон дурлун

Ичотик пьеса

ВОРСЫСЬЯС:

Анна баб.

Маша – Анна баблөн внучка.

Шыр.

Сунисьяс.

Краснобор сиктын керка. Пызан сайын пукалоны Анна баб да Маша.

Анна баб вурё аканьёс. Маша видзёдö сылөн удж вылö.

Анна баб. Машук, көсьян аканьёс вöчны?

Маша. Көсья!

Анна баб. Сета тэныд гартчöм сунис. Сийöс колö разьны. Быд сунис торйöд. Мед лоас тэнад терпенньö, да чуньясыд топаласны аканьяс вöчавны. Ме петала суседка дорö.

Анна баб петö керкаысь. Нывка дыр ноксьö, но сылөн нинöм оз артмы.

Маша. Ставыс гартчöма да! Ме некор тайöс ог вермы разьны. Терпенньö да топыд чунь менам и сідз эм. Оз ков меным важ сунисыд. Мед став сунисыс вошас, оз ло! Некор сэсся сунисьяс ог кучы разьны! Мед синмöй некор сэсся оз аддзыв сунисьяссö!

Машалон лёк кывьяс бöрын став сунисыс вошö. Сэсся вошöны шебрасьяс, юрлöсьяс, джодждöраяс и уна мукöд кöлуй. Весиг нывкалөн мича платтьöыс вылысьсыс исковтö.

Маша кольö дзик пасьтöм. Мöдö малича пасьтавны, но малича пыдди куйлöны куяс.

Керкаын сулалöны сöмын пуысь вöчöм пызан да шкап.

Маша (*пöгибö воöмöн*). Ой, ой, ой! Мый нö лои! Ой, ой, ой! Пиняли сунисъяссö, а ачым коли пасьтöм.

Маша дзебсьö пач сайö да пондö гораа бöрдны. Сылысь бöрдöмсö кылö пач костын олысь Шыр да шыасьö нывка дорö.

Шыр. Машук, мый бöрдан? Локтö Виль во, а тэ бöрдан!

Маша. Пиняли сунисъяссö, а ачым коли пасьтöм. Ой, ой, ой! Виль во кезлö пасьтöг коли!

Шыр. Лок сунисъясылысь прöшша корам. Гашкö и, прöститасны.

Маша да Шыр нетöны пач костысь.

Маша. Бур да мича сунисъяс, прöститöй менö, Машаöс! Ме лёка да мисьтöма сэсся ог кут сёрнитны. Баблысь кута кывзысьны. Прöститöй менö! Тi быдлаын зэв коланаöсь, став йöзсö пасьтöданныд.

Сунисъяс. Кужан кö висътавны уна кыв ми йылысь, прöститам! Висътав, мый ми отсöгөн кыöма да вурöма.

Маша. Шебрас, юрлöс, платтьö, кепысь, сарапан...

Сунисъяс прöститöны Машаöс. Шебрас, юрлöс, джодждöра да мукöд көлуй бөр локтöны керкаö. Маша радлö налы. А нöшта ёна радлö аслас мича платтьöлы! Зэв öдйö бөр пасьталö сийöс да виль вынөн пуксьö торйöдлыны сунисъяссö.

Пом.

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

РАЗДЕЛ I						
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ						
1.	Перечень основных видов деятельности, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами					Код по ОКВЭД
1.1.	Деятельность издательская					58
2.	Перечень иных видов деятельности, не являющихся основными, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами					Код по ОКВЭД
2.1.	Издание журналов и периодических изданий					58.14
2.2.	Деятельность рекламная					73.1
2.3.	Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки					82.99
3.	Перечень разрешительных документов (с указанием номеров, даты выдачи и срока действия), на основании которых Учреждение осуществляет деятельность (решение о создании Учреждения, свидетельство о государственной регистрации Учреждения, лицензии и другие разрешительные документы)					
№ п/п	Наименование разрешительного документа и вид разрешенной деятельности	Дата выдачи разрешительного документа	Номер разрешительного документа	Срок действия разрешительного документа	Орган, выдавший разрешительный документ	Серия и номер бланка разрешительного документа
3.1.	Постановление Правительства Республики Коми	23.05.2008	128	бессрочно	Правительство Республики Коми	-
3.2.	Свидетельство о внесении записи в Единый государственный реестр юридических лиц о юридическом лице, зарегистрированном до 1 июля 2002 года	09.01.2003	-	бессрочно	Инспекция Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по г. Сыктывкару	11 № 000627301
3.3.	Свидетельство о регистрации средства массовой информации	23.01.2009	ПИ № ФС 77-35079	бессрочно	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций	007862
4.	Перечень услуг (работ), которые оказываются потребителям за плату в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, с указанием потребителей указанных услуг (работ)					
№ п/п	Наименование услуги (работы)	Нормативное основание предоставления государственной услуги		Основание для взимания платы		Категория потребителей услуг (работ)
4.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»; Устав АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 26.12.2017		Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 14 «Об утверждении стоимости журнала «Арт»		Юридические лица, физические лица
4.2.	Размещение информационного материала в журнале «Арт»	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»; Устав АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 26.12.2017		Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 13 «Об утверждении стоимости размещения информационных материалов»		Юридические лица, физические лица
5.	Средняя стоимость для потребителей получения частично платных и полностью платных услуг (работ) по видам услуг (работ)					
№ п/п	Наименование услуги (работы)	частично за плату, тыс. руб.		полностью платно, тыс. руб.		
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	
5.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	-	-	0,05	0,05	
5.2.	Размещение информационного материала в журнале	-	-	26,6	26,6	
6.	Сведения о численности и уровне образования работников Учреждения					
6.1.	Сведения о штатной и фактической численности персонала					
№ п/п	Наименование показателя	Количество штатных единиц в соответствии со штатным расписанием (с точностью до сотых) на конец отчетного года	Количество фактически занятых штатных единиц (с точностью до сотых)			
			На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения	
6.1.1.	Руководители	3,00	2,50	2,50	-	
6.1.2.	Специалисты	6,00	4,00	3,75	редактор переведен на ставку 0,25	
6.1.3.	Другие служащие	-	-	-	-	
6.1.4.	Рабочие	-	-	-	-	
6.1.5.	Младший обслуживающий персонал и персонал охраны	-	-	-	-	
	ВСЕГО:	9,00	6,50	6,25	редактор переведен на ставку 0,25	
6.2.	Сведения об уровне квалификации персонала					

№ п/п	Сотрудники учреждения	Количество штатных единиц, фактически занятых работниками (с точностью до сотых), чел.			
		На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения	
6.2.1.	Сотрудники, имеющие ученую степень	0,50	0,50	-	
6.2.2.	Сотрудники, имеющие высшее профессиональное образование	5,00	4,75	редактор переведен на ставку 0,25	
6.2.3.	Сотрудники, имеющие среднее профессиональное образование	1,00	1,00	-	
6.2.4.	Сотрудники, не имеющие профессионального образования	-	-	-	
	ВСЕГО:	6,50	6,25	редактор переведен на ставку 0,25	
7. Информация о количестве структурных подразделений и штатных единиц учреждения					
№ п/п	Наименование показателя На начало отчетного года	На начало отчетного года	На конец отчетного года	Количество вакантных должностей	
				На начало отчетного года	На конец отчетного года
7.1.	Количество структурных подразделений, ед.	-	-	-	-
7.2.	Количество штатных единиц учреждения, действовавших в осуществлении основных видов деятельности	-	-	-	-
7.3.	Количество штатных единиц учреждения, осуществляющих:	-	-	-	-
7.3.1.	правовое обеспечение	-	-	-	-
7.3.2.	кадровое обеспечение	-	-	-	-
7.3.3.	бухгалтерский учет	-	-	-	-
7.3.4.	административно-хозяйственное обеспечение	-	-	-	-
7.3.5.	информационно-техническое обеспечение	-	-	-	-
7.3.6.	делопроизводство	-	-	-	-
8. Средняя заработная плата работников Учреждения					
№ п/п	Наименование показателя	За год, предшествующий отчетному, руб.	За отчетный год, руб.	Отклонение, руб.	Рост/сокращение, процент
8.1.	Начисленная среднемесячная заработная плата всего по всем категориям работников за счет всех источников финансирования, с учетом оплаты труда внешних совместителей (в расчете на одного работника)	29 119,4	28 020,0	-1 099,4	-3,8
8.1.1.	Среднемесячная заработная плата руководителя учреждения	38 301,1	37 418,2	-882,9	-2,3
8.1.2.	Среднемесячная заработная плата заместителей руководителя	-	-	-	-
8.1.3.	Среднемесячная заработная плата главного бухгалтера	36 752,6	36 864,2	111,6	0,3
8.1.4.	Среднемесячная заработная плата в расчете на одного работника списочного состава, за исключением руководителя учреждения, его заместителей и главного бухгалтера	24 581,6	21 018,5	-3 563,1	-14,5
9. Состав наблюдательного совета Учреждения на дату составления отчета					
№ п/п	Наименование должности члена наблюдательного совета по основному месту работы	Фамилия	Имя	Отчество	
9.1.	Начальник отдела организации инфраструктуры СМИ Управления информационного обеспечения Администрации Главы Республики Коми	Пувкоева	Александра	Васильевна	
9.2.	Заместитель министра имущественных и земельных отношений Республики Коми	Холопова	Людмила	Николаевна	
9.3.	Главный редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Лимеров	Павел	Федорович	
9.4.	Заведующий отделом по основным направлениям деятельности АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Логина	Татьяна	Ивановна	
9.5.	Председатель попечительского совета АУ РК «Редакция журнала «Арт», член правления Союза писателей Республики Коми, член союза журналистов Республики Коми	Бутырева	Галина	Васильевна	
9.6.	Председатель координационного совета Коми региональной общественной организации «Ассоциация детских общественных объединений Республики Коми»	Андреев	Василий	Михайлович	
РАЗДЕЛ II					
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ					
№ п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.	На конец отчетного года, руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), процент
1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость нефинансовых активов	377716,32 (19878,30)	377716,32 (19878,30)	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
2.	Общая сумма выставленных требований в возмещение ущерба по недостаткам и хищениям материальных ценностей, денежных средств, а также от порчи материальных ценностей	0,00	0,00	0,00	0,00

3.	Суммы доходов, полученных учреждением от оказания платных услуг (выполнения работ), всего, в т.ч.:		638 436,00	874 343,00	235 907,00	36,95	
3.1.	при осуществлении основных видов деятельности сверх государственного задания		638 436,00	874 343,00	235 907,00	36,95	
3.2.	при осуществлении иных видов деятельности		0,00	0,00	0,00	0,00	
4.	Сведения о дебиторской и кредиторской задолженности Учреждения						
№ п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.		На конец отчетного года, руб.		Изменение (увеличение/уменьшение), процент	
		Всего	в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	Всего	в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	Всего	в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)
4.1.	Дебиторская задолженность учреждения, всего, в т.ч. в разрезе поступлений за счет средств:	33 043,43	0,00	3 204 505,62	0,00	9 597,86	0,00
4.1.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	0,00	0,00	3 136 735,62	0,00	100,00	0,00
4.1.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4.1.3.	бюджетных инвестиций	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4.1.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	33 043,43	0,00	67 770,00	0,00	105,09	0,00
4.2.	Кредиторская задолженность, всего, в т.ч. в разрезе выплат за счет средств:	414 007,91	0,00	33 711,01	0,00	-91,86	0,00
4.2.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4.2.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4.2.3.	бюджетных инвестиций	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4.2.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	414 007,91	0,00	33 711,01	0,00	-91,86	0,00
5.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения						
5.1.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за год, предшествующий отчетному						
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Поступление средств (с учетом возвратов)		Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)		
			Плановое значение	Кассовое поступление	Плановое значение	Кассовые выплаты	
5.1.1.	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	тыс. руб.	2 966,57	2 966,57	2 966,57	2 966,57	
5.1.2.	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	тыс. руб.	0,00	0,00	0,00	0,00	
5.1.3.	за счет средств бюджетных инвестиций	тыс. руб.	0,00	0,00	0,00	0,00	
5.1.4.	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	тыс. руб.	1 445,65	1 140,62	1 445,65	1 092,16	
5.2.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за отчетный год						
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Поступление средств (с учетом возвратов)		Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)		
			Плановое значение	Кассовое поступление	Плановое значение	Кассовые выплаты	
5.2.1.	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	тыс. руб.	3 057,86	3 057,86	3 057,86	3 057,86	
5.2.2.	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	тыс. руб.	0,00	0,00	0,00	0,00	

5.2.3.	за счет средств бюджетных инвестиций	тыс. руб.	0,00	0,00	0,00	0,00
5.2.4.	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	тыс. руб.	1 071,82	1 070,96	1 228,88	1 228,02
РАЗДЕЛ II						
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ						
6.	Цены (тарифы) на платные услуги (работы), оказываемые потребителям (в динамике в течение отчетного года)					
№ п/п	Наименование услуги (работы)	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на начало отчетного года, руб.	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на конец отчетного года, руб.	Изменение цены (тарифа), процент	Причины отклонений	
6.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	50 руб. за 1 экз.	50 руб. за 1 экз.	-	-	
6.2.	Размещение информационного материала в журнале «Арт»	100 руб. за 1 кв.см.	100 руб. за 1 кв.см.	-	-	
7.	Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения					
№ п/п	Наименование услуги (работы)	полностью бесплатно, ед.		частично за плату, ед.		полностью платно, ед.
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному
7.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	108	108	-	-	2 933
7.2.	Издательская деятельность	-	-	-	-	84
8.	Количество жалоб потребителей и принятые по результатам их рассмотрения меры					
№ п/п	Категории жалоб	Количество жалоб потребителей, ед.			Принятые меры по результатам рассмотрения жалоб	
		Всего	в том числе удовлетворенные, по которым приняты необходимые меры реагирования	в том числе не удовлетворенные в связи с их необоснованностью		
8.1.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на бесплатной для потребителя основе	0	0	0	-	
8.2.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на платной для потребителя основе	0	0	0	-	
РАЗДЕЛ II						
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ						
9.	Информация о выполнении государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) и об объеме финансового обеспечения государственного задания (без субсидии на иные цели)					
9.1.	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за год, предшествующий отчетному					
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) (в натуральных показателях)			Объем финансового обеспечения государственного задания, тыс. руб.	
		Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	План (по уточненному соглашению)	Факт (кассовые расходы)
9.1.1.	Осуществление издательской деятельности - Журналы - Печатная	Количество печатных страниц, штука	186,00	186,00	2 966,57	2 966,57
9.2.	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный год					
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) (в натуральных показателях)			Объем финансового обеспечения государственного задания, тыс. руб.	
		Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	План (по уточненному соглашению)	Факт (кассовые расходы)

9.2.1.	Осуществление издательской деятельности - Журналы - Печатная	Количество печатных страниц, штука	186,00	186,00	3 057,86	3 057,86
10.	Информация об оказании государственных услуг (выполнении работ) сверх государственного задания					
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Единица измерения	Объем оказанных услуг (выполненных работ) сверх государственного задания			
			в году, предшествующем отчетному		в отчетном году	
10.1.	Осуществление издательской деятельности - Журналы - Печатная	штука	27,00		27,00	
11.	Сведения об иных видах деятельности (доля объема услуг (работ) в рамках осуществления иных видов деятельности в общем объеме осуществляемых учреждением услуг (работ))					
№ п/п	Наименование показателя	в году, предшествующем отчетному		в отчетном году		
1.	Общий объем оказанных учреждением услуг (выполненных работ), тыс. рублей	-		-		
2.	Объем оказанных учреждением услуг (выполненных работ) в рамках осуществления иных видов деятельности, тыс. рублей	-		-		
3.	Доля объема услуг (работ) в рамках осуществления иных видов деятельности в общем объеме осуществляемых учреждением услуг (работ), % (п. 2 : п. 1 x 100%)	-		-		
12.	Объем финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утвержденных в установленном порядке (субсидия на иные цели)					
№ п/п	Наименование программы (направление субсидии на иные цели по Соглашению)	Объем финансового обеспечения за год, предшествующий отчетному, тыс. руб.		Объем финансового обеспечения за отчетный год, тыс. руб.		
		план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)	план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)	
12.1.	-	-	-	-	-	-
13.	Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения в отчетном году, образовавшаяся в связи с оказанием учреждением частично платных и полностью платных услуг (работ)					
№ п/п	Наименование показателя (виды оказываемых платных услуг)	Сумма прибыли от оказания частично платных услуг (работ), тыс. руб.		Сумма прибыли от оказания полностью платных услуг (работ), тыс. руб.		
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	
13.1.	-	-	-	-	257,97	
14.	Сведения о вкладах учреждения в уставные фонды (капиталы) других юридических лиц					
№ п/п	Наименование юридического лица, участником (учредителем) которого является учреждение	Величина доли (вклада) учреждения в уставном фонде (капитале) юридического лица, участником которого оно является, тыс. руб.		Величина дохода, полученного учреждением в отчетном году от деятельности юридического лица, участником (учредителем) которого оно является, тыс. руб.		
14.1.	-	-		-		
РАЗДЕЛ III						
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА УЧРЕЖДЕНИЕМ						
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Отчетные данные			
			На начало отчетного года		На конец отчетного года	
1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость имущества Учреждения (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	357,84 (0)		357,84 (0)	
1.1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	30,99 (0)		30,99 (0)	
1.1.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, в том числе:	тыс. руб.	0 (0)		0 (0)	
1.1.1.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	0 (0)		0 (0)	
1.1.1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	0 (0)		0 (0)	
1.1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, в том числе:	тыс. руб.	30,99 (0)		30,99 (0)	
1.1.2.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	0 (0)		0 (0)	

1.1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)		
1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость особо ценного движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)		
2.	Количество объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	ед.	-	-		
2.1.	здания	ед.	-	-		
2.2.	строения	ед.	-	-		
2.3.	помещения	ед.	-	-		
3.	Общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	кв. м.	-	-		
3.1.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у учреждения на праве оперативного управления	кв. м.	-	-		
3.2.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	кв. м.	-	-		
3.3.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	кв. м.	-	-		
3.4.	общая площадь объектов недвижимого имущества, арендованного для размещения учреждения	кв. м.	-	-		
4.	Информация о недвижимом имуществе, переданном Учреждением в аренду					
№ п/п	Наименование объекта недвижимого имущества, переданного в аренду (согласно договору)	Наименование арендатора	Основание (дата и номер договора аренды, срок действия договора)	Доходы, полученные Учреждением от сдачи недвижимого имущества в аренду в отчетном периоде, тыс. руб.		
4.1.	-	-	-	-		
РАЗДЕЛ IV						
О ПОКАЗАТЕЛЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ						
№ п/п	Наименование видов деятельности учреждения, в отношении которых установлен показатель эффективности	Правовой акт, устанавливающий показатель эффективности деятельности учреждения в отношении реализуемого учреждением вида деятельности	Данные о достижении показателей эффективности деятельности учреждения			
			наименование	единица измерения	целевое значение	фактическое значение
1.	-	-	-	-	-	-
2.	-	-	-	-	-	-
3.	-	-	-	-	-	-

АРТ

www.artlad.ru

2020

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России»

Подписной индекс: П4453

Лыдды «АРТ», и ставыс АРТмас!

